

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

4/2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 14, № 4

Октябрь – декабрь 2021

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силян А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 306
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkowl@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 14, No. 4

October – December 2021

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriiliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 306
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Артюхов А. В., Ребышева Л. В. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности студенческой молодежи	9
Белоножко М. Л., Гюрджинян А. С., Барбаков О. М. Качество жизни аборигенных этносов	23
Василенко И. В., Василенко И. В. Двойственный характер трансформации социально-экономических отношений между индивидуальными и коллективными субъектами организаций в условиях цифровизации	40
Лавренюк-Исаева Н. М., Исрафилова Э. Г. Социальные технологии вовлечения жителей в проектирование благоустройства общественных пространств в Краснодарском крае	53
Попкова А. А., Пезин Д. А. Взаимодействие органов местного самоуправления и населения в системе проектных инициатив по управлению развитием малых территорий	68
Фомин М. В., Безвербный В. А., Лукашенко Е. А., Микрюков Н. Ю., Мирязов Т. Р. Социальный портрет регионов Западной Сибири: экономические причины и демографические последствия	82
Фомичев И. Ю., Цыганенко Н. Д., Павлова И. В. Современные профсоюзы: новые качества старых функций	101
Хайруллина Н. Г., Конев Ю. М., Ковров В. Ф. Межнациональные отношения: оценки учащейся провинциальной молодежи	114
Шайхисламов Р. Б. Социальный характер в «Я-концепции» молодежи	130

CONTENTS

Artyukhov A. V., Rebysheva L. V. Volunteer movement as a factor in the development of social activity of student youth	9
Belonozhko M. L., Gyurdzhinyan A. S., Barbakov O. M. Quality of life of aboriginal ethnic groups	23
Vasilenko I. V., Vasilenko I. V. The dual nature of transformation socio-economic relations between individual and collective subjects of organizations in the context of digitalization	40
Lavrenyuk-Isaeva N. M., Israfilova E. G. Social technologies for involving residents in the design of public space improvement in the Krasnodar Territory	53
Popkova A. A., Pezin D. A. Interaction of local self-government bodies and population in the system of project initiatives to manage the development of small territories	68
Fomin M. V., Bezverbny V. A., Lukashenko E. A., Mikryukov N. Yu., Miriazov T. R. Regions social portrait of Western Siberia: economic causes and demographic consequences	82
Fomichev I. Yu., Tsyganenko N. D., Pavlova I. V. Trade unions: modern features of their activities	101
Khairullina N. G., Konev Yu. M., Kovrov V. F. International relations: evaluations by student provincial youth	114
Shaikhislamov R. B. Social character in the Self-concept of youth	130

УДК 316.3

Волонтерское движение как фактор развития социальной активности студенческой молодежи

Андрей Викторович Артюхов, Лидия Васильевна Ребышева

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Изучение «волонтерского движения» на данном этапе развития общества актуально, так как, несмотря на большое количество различных теорий и взглядов, единого концептуального подхода до сих пор не существует. Поэтому для социологии как науки, отражающей тенденции в его организации, в условиях происходящих перемен в обществе, актуальным является вопрос о роли волонтерского движения как фактора социальной активности молодежи. Это, прежде всего, связано с новыми подходами к изучению добровольческого движения, в том числе и через образование, так как оно в некотором смысле создает предпосылки для его развития и влияет на социальную активность студенчества. Социальную значимость данной проблемы отмечает не только общество, но и государство, всячески поддерживая, содействуя развитию добровольчества, вовлекая молодежь в социальную практику.

Ключевые слова: волонтерство, студенческая молодежь, социальная активность.

Volunteer movement as a factor in the development of social activity of student youth

Andrey V. Artyukhov, Lidia V. Rebysheva

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The study of the "volunteer movement" at this stage of the development of society is relevant, because, despite a large number of different theories and views, there is still no single conceptual approach. Therefore, for sociology as a science reflecting trends in its organization, in the conditions of ongoing changes in society, the question of the role of the volunteer movement as a factor of social activity of young people is relevant. This is due to new approaches to the study of the volunteer movement, including through education, since in a sense it creates prerequisites for its development and affects the social activity of students. The social significance of this problem is noted not only by society, but also by the state, supporting in every possible way, promoting the development of volunteerism, involving young people in social practice.

Keywords: volunteering, student youth, social activity.

Введение

Изучение социальной активности молодежи, которая включает и волонтерское движение, приобретает особую важность при всех происходящих изменениях современного общества.

По определению И. А. Левдер «...волонтерство или волонтерская деятельность (от лат. voluntarius — добровольно) — это обширный круг деятельности, который включает в себя традиционные для общества формы взаимопомощи, официальное предоставление услуг и другие формы гражданской отзывчивости, деятельность осуществляется добровольно на благо общественности без расчета на какое-либо вознаграждение» [1].

Развитию волонтерского движения способствуют растущие социальные проблемы современного общества, такие как детское сиротство, наркотики, одинокие пожилые люди и малообеспеченность населения. Серьезной причиной является несвоевременность государства в решении возникающих проблем, поэтому ценность деятельности участников волонтерских организаций значима для общества, и количество участников и организаций волонтерского направления постоянно увеличивается.

Как подчеркивается в Концепции модернизации Российского образования на период до 2020 года, «...развивающемуся обществу необходимы инициативные люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладают чувством ответственности за судьбу страны, за ее социально-экономическое процветание. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема развития социальной активности молодежи» [2].

Материалы и методы

Волонтерство в системе общественного движения можно рассматривать с различных позиций. По мнению О. В. Решетниковой, «...волонтерская деятельность — это форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан-добровольцев» [3].

А. А. Андросова, Е. В. Макарова рассматривают «...волонтерство как добровольную деятельность, приносящую пользу и государству, и самим волонтерам. Временами волонтеров называют общественными помощниками, внештатными сотрудниками на добровольных началах, лидерами различных молодежных объединений» [4]. Таким образом, развиваясь достаточно активно, волонтерская деятельность приносит пользу не только государству, но и восполняет дефицит кадров в социальных учреждениях.

Полноценная добровольная деятельность, как отмечает И. Р. Алтунина, «...выполняет несколько функций на общем уровне: интегративную, стабилизирующую, стимулирующую, нормообразующую; и на личностном уровне: познавательную

функцию, функцию самопознания, социализации, самоутверждения. Польза для волонтеров выражается в том, что в процессе деятельности у них формируются качества, способствующие работать в команде, происходит развитие духовной сферы» [5].

Е. Тончу видит в «...волонтерах людей, жертвующих свое личное время и силы на помощь обществу или конкретному человеку» [6].

Однако за рубежом «...добровольческий труд сегодня — это повседневная социальная практика: люди объединяются для того, чтобы обучать здоровому образу жизни, высаживать деревья, проводить экологические акции, организовывать конференции, форумы, строить, вести профилактику правонарушений, участвовать в организации и проведении спортивных и культурных мероприятий, решать общие проблемы. Американский университет им. Дж. Хопкинса в конце 1990-х годов провел исследование в 22 странах, которое выявило масштабы данного социального явления — суммарное количество времени труда волонтера в течение года было эквивалентно труду 10,5 млн человек, работающих полный рабочий день» [7].

Как отмечает И. Ю. Богачева, «...добровольческая деятельность выполняет функцию нравственного воспитания, возрождение фундаментальных ценностей, таких как гражданственность, милосердие, справедливость, гуманность, отзывчивость». Таким образом, современное общество через волонтерство способствует самореализации молодых людей через проявление милосердия, проявление сострадания нуждающимся.

Учитывая мнение В. Т. Лисовского о том, что «...молодежь — одна из крупных социально-демографических групп современного российского общества, ежегодно пополняющая экономически активное население страны, что молодежь — огромная инновационная сила, особенно ярко это проявляется в условиях трансформации общественных отношений, при выработке новых приоритетов политики государства» [8], можно предполагать, что волонтерство представляет большие возможности и потенциал для самореализации молодежи в различных сферах.

Сознание современного молодого человека обладает особой восприимчивостью, способностью перерабатывать и усваивать огромный поток информации. Поэтому, как далее отмечает профессор В. Т. Лисовский, «...молодежь как субъект активности не всегда осознает потенциал своей субъектности и возможные формы ее конструктивного проявления не только для отражения собственной позиции, но и для решения конкретных задач, способствующих реализации ее интересов и потребностей в системе государства» [8].

Современная социология исследует особенности студенческой молодежи с учетом ее социально-психологических и культурных особенностей, которые непосредственно влияют на становление ее социальной активности. Так, С. П. Иваненков, А. В. Кострикин считают, что «...социальная активность молодежи носит разнонаправленный характер: она предстает и как попытка преодоления дискриминации в форме объединения молодых людей при отстаивании своей идентичности, своих прав на своеобразие, на существование своих взглядов и способов поведения, и как демонстрация обществу своей социальной полезности и одновременно — достижения личного успеха» [9].

Таким образом, добровольчество — не просто эффективное средство воспитания, социализации и самореализации личности, но и один из важных факторов для

формирования профессионально-личностных качеств будущих специалистов, особенно будущей профессиональной деятельности. Студенческое волонтерское движение, формируя активную социальную и гражданскую позиции у студенческой молодежи, способствует развитию таких личностных качеств, как милосердие, сострадание, готовность безвозмездно служить обществу, людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Современный этап развития гражданского общества в России характеризуется наличием весьма широкого круга формальных возможностей для реализации человеком потенциала его гражданской активности, в том числе общественного участия в добровольческой деятельности, которая имеет положительную динамику развития, что представлено на рисунке 1.

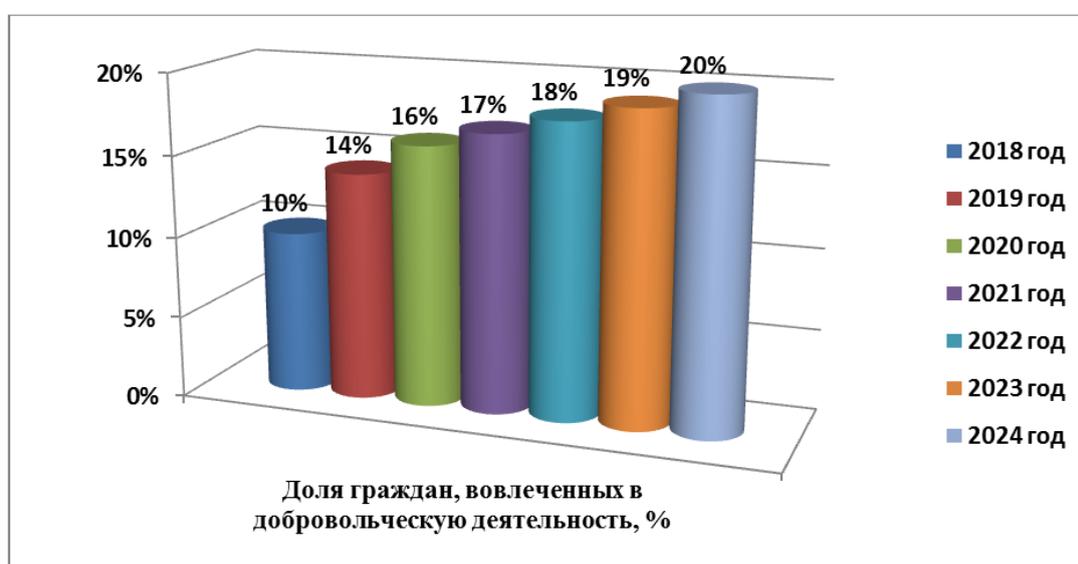

Рисунок 1. Доля граждан, вовлеченных в добровольческую деятельность

В настоящее время государство становится партнером волонтерского движения, предлагая в рамках социальной политики множество различных программ и проектов, которые направлены на привлечение молодежи в ряды добровольцев. Основная цель такого партнерства — активизация гражданской позиции населения, вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность, которая позволит осознать свою значимость для общества.

Другими словами, молодые люди получили возможности для самореализации в самых разных сферах и областях жизни, для активной социальной мобильности. Однако востребованность имеющихся возможностей крайне низка, что подтверждается данными многих социологических исследований и является одним из главных противоречий современной общественной жизни в России.

Результаты и обсуждение

В современном мире практическая деятельность волонтерского движения, накапливая опыт, становится одной из основных форм проявления социальной активности моло-

дежи, представляя большой спектр возможностей для самореализации в различных сферах. Так, к базовым приоритетам государственной молодежной политики Российской Федерации относятся направленность на рост числа молодежных инициатив и вовлеченность молодых людей в общественную деятельность. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию еще в 2016 году отмечал, что как руководитель государства планирует активно поддерживать волонтерские и благотворительные движения и снять все возможные барьеры для развития волонтерства: «Воля и великодушные граждан, которые участвуют в таких проектах, формируют столь необходимую России атмосферу общих дел, создают колоссальный социальный потенциал, и он должен быть обязательно востребован» [10].

Для того чтобы исследовать как развивается волонтерское сообщество г. Тюмени, был проведен социологический опрос посредством анкетирования с помощью интернет-платформы Google-формы на специальную ссылку, которая была разослана респондентам лично в социальной сети «ВКонтакте».

Задача проводимого анкетного опроса — выявить мотивы, побуждающие молодых людей участвовать в волонтерском движении, и их влияние на уровень социальной активности. Объектом в исследовании выступает студенческая молодежь, которая участвует в волонтерском движении. Предметом исследования выступает уровень социальной активности студенческой молодежи в данном направлении деятельности.

Респондентами были представители волонтерского сообщества г. Тюмени. Участники опроса приглашались с помощью личных контактов, а также по типу случайного поиска волонтеров-студентов. Всего в опросе приняли участие 140 респондентов. Принадлежность к волонтерству и проживание в регионе являются обязательными возможными признаками. Исследование проводилось методом анкетного опроса, который начинался с социально-демографических характеристик респондентов.

Так, гендерное распределение респондентов составило следующее соотношение: 64 % — женщины и 36 % — мужчины. То есть можно сказать, что проблемы гендерной диспропорции среди молодых добровольцев существуют, в волонтерской деятельности большее участие принимают женщины.

Анализируя гендерное распределение по возрасту, можно отметить, что в волонтерском движении в качестве субъекта исследования преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 27 лет, что составляет 36 %. Женщины этой же возрастной группы составили 64 %.

Как отмечает В. Т. Лисовский, «...у молодежи как социально-демографической группы потенциал участия в добровольческой деятельности гораздо выше, чем у остальных групп, дифференцированных по возрастному принципу» [8]. Необходимо отметить, что наиболее активной возрастной группой являются молодые люди от 21–23 лет, то есть возрастной группы, которая относится по времени обучения в вузе.

Одним из направлений реализации патриотического воспитания в системе образования региона является волонтерское движение. В различных муниципальных образованиях различные виды волонтерства развиваются по-разному, но в рамках реализации молодежной политики подведомственной территории. В каждом высшем учебном заведении есть свой волонтерский центр или добровольческое движение. Общей про-

блемой их функционирования можно назвать трудности взаимодействия этих структур между собой. Кроме того, добровольческая деятельность может заканчиваться с окончанием учебного заведения, поэтому региональное добровольчество регламентируется, прежде всего, со свободным от учебы временем.

Волонтерская деятельность широко представлена в российских вузах. По мнению В. П. Соломина, «...в настоящее время добровольчество рассматривается в качестве инструмента развития молодежи, обеспечивающего самосовершенствование, личностный рост непосредственных субъектов происходящих общественных трансформаций, основанных на изменениях, способствующих улучшению жизни населения страны с учетом нужд и потребностей молодых людей» [11].

В опросе принимали участие представители волонтерского движения трех крупнейших вузов г. Тюмени: обучающиеся Тюменского индустриального университета составили 51,2 %, далее Тюменский государственный университет представили 29 % респондентов, Тюменский государственный медицинский университет — 19,8 %.

Необходимо отметить, что степень участия молодежи в жизни общества зависит не только от государства, но и от активной жизненной позиции самой молодежи, которая, проявляя гражданскую активность, может помочь и всячески способствует социальным преобразованиям в обществе, при этом имея свой взгляд на проблему и, возможно, нестандартное решение создавшейся проблемы. Волонтером может быть любой человек, но при этом он не является работником какой-либо организации, а просто использует добровольно свое свободное время, помогая людям и принося пользу обществу. Поэтому следующий вопрос в исследовании сформулирован так: относят ли респонденты себя к социально активным людям современного общества.

Отвечая на данный вопрос, 75,6 % респондентов отметили, что считают себя социально активными членами общества. Обучающиеся, кто отрицал или сомневался в своей социальной активности, составили 15,5 %. Но при этом необходимо отметить, что большинство из них так или иначе занимаются волонтерской или участвуют в добровольческой деятельности. Ответить на данный вопрос не смогли 8,9 % обучающихся.

Волонтерское движение можно рассматривать как инновационный вид общественной деятельности, направленный на поддержание социальной стабильности общества, изменение общественного сознания и формирование новой гражданской позиции, особенно у молодых людей. Участие волонтеров в жизни общества сегодня повсеместно, сложно представить область социальной сферы, в которой в настоящий момент не участвовали бы волонтеры, поэтому можно говорить о разных видах волонтерства: социальном, религиозном, экологическом, событийно инклюзивном, обязательно необходимо отметить волонтерство пенсионеров и другие виды.

Таким образом, современный этап можно охарактеризовать активным развитием добровольческой деятельности в различных направлениях, где требуются помощь и участие волонтеров. Существование различных государственных и муниципальных волонтерских программ даст возможность выбирать направление деятельности, которое позволяет реализовать не только свой потенциал, помогая нуждающимся в помощи, но и способствует личностному росту. Виды сфер социальной активности, в которых себя могут проявить респонденты, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Виды сфер социальной активности, в которых себя видят респонденты

Виды сфер социальной активности проявления волонтеров	Доля участников-волонтеров в данной деятельности, %
Социально-политическая активность	45
Альтруистическая активность	79
Гражданская активность	67
Духовная активность	58
Социально-экономическая активность	78
Интернет-сетевая активность	97
Все сферы социальной активности	89

Таким образом, можно сказать, что волонтер может выполнять любые работы, которые не требуют профессиональной подготовки, но при этом его работа должна быть четко организована и соответствовать его индивидуальным возможностям, что и отметили 89 % респондентов. Добровольцы берутся и выполняют такие функции, которыми бы не стали заниматься на оплачиваемой работе. При этом альтруистическую сферу, которая представляет волонтерство, поддержку людей с ограниченными возможностями, благоустройство и т. д., отметили 79 % опрошенных, больше только интернет-сетевая активность, что составило 97 %. Это предполагает, что молодые люди верят в доброжелательность окружающих, занимаясь добровольческой деятельностью, и способны всегда прийти на помощь, имея четкую гражданскую позицию.

С точки зрения Л. Е. Сикорской, «...добровольческая деятельность — это некая форма социального служения, в основу которой входит свободное решение человека, направленное на бескорыстное оказание социальной помощи как на местном, национальном, так и на международном уровнях. Добровольческая деятельность оказывает положительное влияние на личностный рост и развитие граждан» [12]. Представленные ответы в таблице 2 позволили проанализировать, что значит для молодых людей волонтерская работа.

Таблица 2

Ответы респондентов о понимании молодыми людьми волонтерской деятельности

Причина, побуждающая молодых людей участвовать в волонтерской деятельности	Доля участников-волонтеров в данной деятельности, %
Желание изменить мир в лучшую сторону	83
Помощь социально незащищенным и нуждающимся гражданам	91
Приобретение жизненного опыта	64
Добровольческая деятельность на проявление своей активности	63
Участие в общественной жизни общества	67
Способ сохранения человеческих ценностей	72
Безвозмездная помощь людям	87

Большинство опрошенных (91 %) представляют волонтерскую работу как помощь социально незащищенным и нуждающимся гражданам, а в целом (87 %) как безвозмездную помощь людям. Респондентами были отмечены все позиции, в том числе приобретение жизненного опыта (64 %), сохранение человеческих ценностей (72 %), участие в общественной жизни общества (67 %), то есть волонтерская деятельность помогает приобрести коммуникативные навыки общения с людьми. Таким образом, занимаясь волонтерством, молодые люди не просто проводят свободное время, но и учатся чему-то новому, расширяя круг общения, пытаются быть полезными обществу, помочь нуждающимся. Активное участие в деятельности молодежных общественных организаций дает возможность будущим специалистам использовать первичные профессиональные навыки и приобрести практический опыт.

На вопрос об участии и наличии опыта в волонтерской деятельности ответы респондентов представлены на рисунке 2.

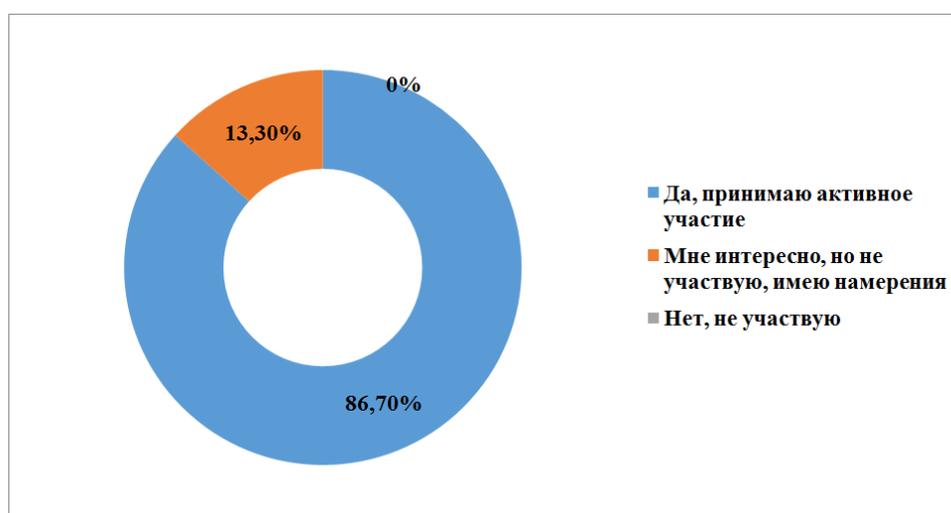

Рисунок 2. Мнение респондентов об участии в волонтерских организациях

Полученные ответы позволяют сделать вывод о том, что большинство опрошенных (86,7 %), участвуют в волонтерской деятельности, имеют большой опыт работы в этой сфере. Однако 13,3 % респондентов, проявляя интерес к волонтерскому движению, в нем не участвуют на данный момент, но потенциально готовы помогать нуждающимся. На это есть ряд причин, таких как отсутствие времени, достаточного опыта, необходимость зарабатывать. При этом эти респонденты имеют намерения в ближайшее время возобновить и начать участвовать в волонтерской деятельности. Среди опрошенных нет молодых людей, которые бы категорически отрицали интерес к волонтерству, так как опрос проводился среди тех, кто считает себя волонтером.

Любое направление участия в волонтерской деятельности подразумевает обладание определенными навыками, без которых человек не имеет возможности стать хорошим специалистом в добровольческой деятельности.

Далее, нас интересовал вопрос об умениях, которыми должен обладать волонтер. Результаты ответов представлены на рисунке 3.

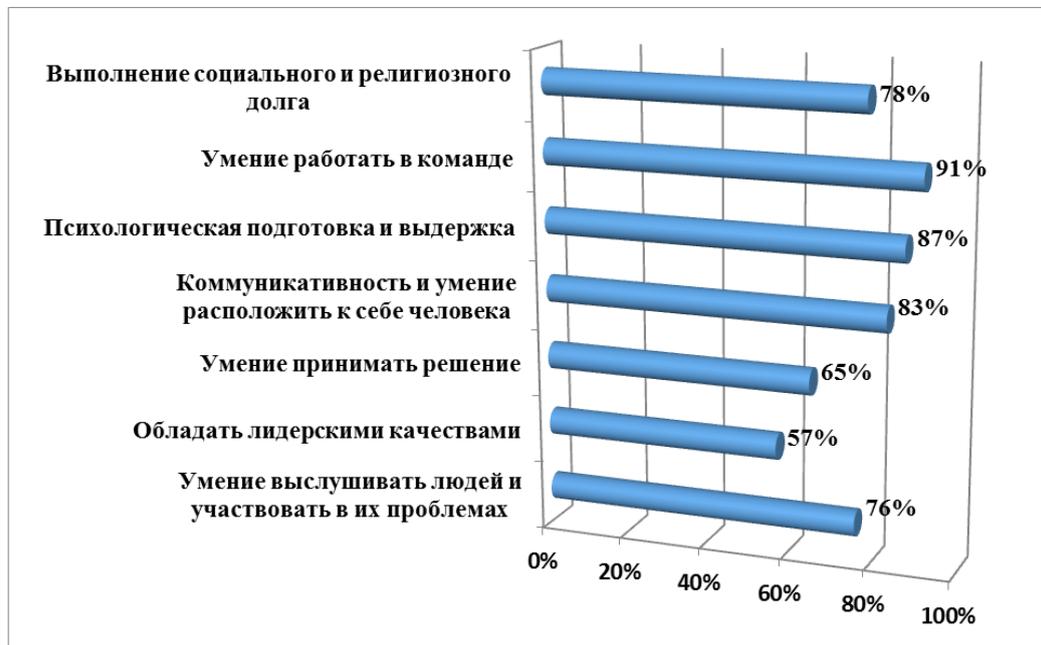

Рисунок 3. Распределение профессиональных качеств, которыми должен обладать волонтер

Представленные мнения респондентов позволяют сделать вывод о том, что участие в волонтерском движении позволяет молодым людям совершенствовать и реализовывать свои способности, ценные качества, которые расширяют их не только профессиональные, но и жизненные навыки. Не имея еще большого профессионального опыта, они на практике используют свои знания, полученные в вузах, для помощи людям, оказавшимся в затруднительном положении. Выполнение социального и религиозного долга является необходимостью и предназначением молодых людей — так считают 78 % респондентов, что характерно для высокого личностного развития. Основными качествами, которыми должен обладать волонтер, респонденты считают умение работать в команде — 91 %, психологическую выдержку — 87 %, коммуникативность и умение расположить к себе человека отметили 83 %. Таким образом, все перечисленные умения и навыки являются связующим звеном между обществом и волонтерским движением.

Далее, было важно понять, каковы возрастные границы людей, занимающихся волонтерской деятельностью (рис. 4).

Если анализировать возраст волонтеров, то наиболее перспективными и активными являются обучающиеся вузов, что объясняется, прежде всего, наличием определенного жизненного опыта и свободного от учебы времени, что отметили 78 % опрошенных. Обучающихся СПО и НПО отметили 69 % респондентов и 57 % старшеклассников. Эта категория действительно занимается волонтерской практикой, но во всех сферах данной деятельности, так как не имеет достаточных знаний и опыта. Если

рассматривать работающую молодежь, то ее выбрали только 47 % респондентов. Эта категория располагает свободным временем только фрагментарно, когда не работает, в основном в выходные дни или отпуск. Пенсионный возраст отметили только 9 % опрошенных, что логично, так как здесь необходимо психологическое самообладание и здоровье.

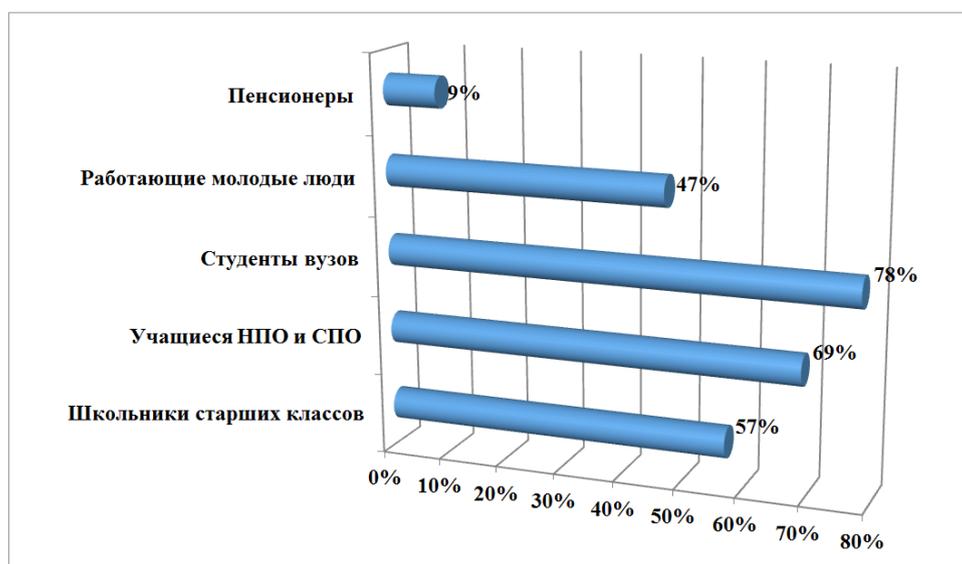

Рисунок 4. Ранжирование возрастных категорий волонтеров

Ранжирование основных причин, препятствующих участию в волонтерской деятельности и мотивации, представлено на рисунке 5.

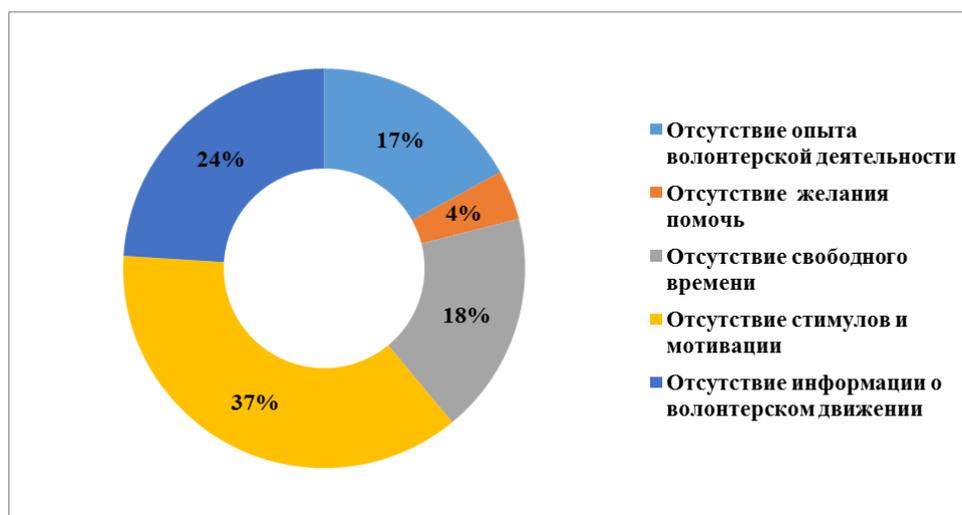

Рисунок 5. Ранжирование основных причин, препятствующих участию в волонтерской деятельности

Ответы респондентов позволяют сделать вывод о том, что основной причиной неучастия в волонтерском движении 37 % респондентов считают отсутствие мотивации. Волонтерская деятельность, как отмечалось выше — это добровольная работа, которая не предполагает реальных изменений, результаты деятельности не всегда очевидны и видны. Кроме того, не всегда здесь можно проявить инициативу и получить одобрение со стороны общества, ну и самое главное, нет возможности для личного роста, что очень важно и в профессиональном плане. При этом 17 % респондентов считают, что многие боятся брать на себя ответственность, не имея опыта такой работы. Не всегда располагают свободным временем для этой деятельности — так считают 18 % опрошенных. Еще одной причиной, по мнению 24 % респондентов, является отсутствие информации и информационного пространства о деятельности таких общественных организаций.

Сегодня привлечение молодежи в добровольческую деятельность имеет положительную динамику. Интерес к волонтерской деятельности в большей степени сопряжен с мотивами саморазвития, приобретения знаний, умений, навыков. Для того чтобы этот процесс стал более эффективным, необходимо понимать, что движет молодыми людьми, то есть исследовать причины или мотивы, которые способствуют повышению уровня социальной активности и вовлечению в волонтерскую деятельность, что представлено на рисунке 6.

Рисунок 6. Основные мотивы участия респондентов в волонтерской деятельности

Можно уверенно говорить о том, что волонтерская деятельность привлекает молодежь, каждый находит что-то для себя. Мотивация участия в добровольческой деятельности разная, но для большинства респондентов (89 %) это выполнение общественного долга и оказание помощи нуждающимся.

Расширяя социальные контакты, 86 % респондентов считают, что повышают самооценку, пробуют реализоваться с точки зрения собственной полезности, решая социальные задачи. Все это направлено на повышение гражданской ответственности и социальной активности молодых людей.

Повышению социальной активности способствует и фактор поиска единомышленников, друзей, что отметили 73 % респондентов, то есть благотворительность предполагает большую коммуникативную сеть для поиска таковых, что не может не привлекать, а также может быть стимулом, чтобы стать добровольцем.

Значимыми мотивами можно считать не только уважение окружающих, что отметили 67 % опрошенных, но приобретение новых знакомств, расширение круга контактов, в том числе профессиональных — 61 %.

Таким образом, можно сказать, что все исследуемые мотивы прихода в волонтерское движение имеют место, однако с возрастом повышается значимость личностного критерия мотивации участия в добровольчестве, что отмечают респонденты, выбирая участие в престижных мероприятиях, возможность поступления в университет или просто изменить что-то в жизни.

Проведенный анализ полученных материалов позволяет сделать вывод о том, что студенческая молодежь, которая участвует в волонтерской деятельности, — это люди с высоким уровнем социальной и гражданской активности. Существующая сегодня гендерная разница не мешает участвовать в добровольческом движении и помогать нуждающимся, становиться полезными для общества и реализоваться как личность. Добровольческую деятельность многие начинают, еще будучи старшеклассниками, а поступая в вуз, приобретают опыт, необходимый в профессиональной деятельности.

Выводы

Современные исследования волонтерской деятельности позволяют сделать вывод о том, что волонтерство возрождается, продолжает развиваться и вовлекает в этот процесс все больше молодежи. Чтобы молодые люди могли правильно организовать свою работу, необходимо, прежде всего, разработать обучающие программы для волонтеров, технологии по их правильному отбору для данной деятельности, проводить различные тренинги и мастер-классы.

Необходимо отметить государственную поддержку волонтерского движения, которое признает его важность, формирует и финансирует различные программы не только на муниципальном уровне, но и обязательства по проведению молодежной политики в целом. Волонтеры с практической точки зрения могут указывать на недостатки проводимых социальных программ, так как сами принимают в них активное участие и исправляют недостатки. Поэтому со стороны государства должна выстраиваться правильная мотивационная политика, направленная на привлечение молодых людей в общественные организации, способствуя росту их социальной активности. Организаторам волонтерского движения необходимо продумать методы поощрения волонтеров.

Библиографический список

- [1] Левдер, И. А. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания / И. А. Левдер. – Текст : непосредственный // Социальная работа. – 2006. – № 2. – С. 35–38.
- [2] Динамика : доля граждан, вовлеченных в волонтерское движение. – Текст : электронный // Роспатриот : официальный сайт. – URL: <https://rospatriotcentr.ru/volunteer/index.php>.
- [3] Решетников, О. В., Корпоративное добровольчество : научно-методическое пособие / О. В. Решетников. – Москва : Проспект, 2010. – 172 с. – (Добровольчество). – Текст : непосредственный.
- [4] Андросова, А. А. Волонтерство как социально-культурный феномен российского общества / А. А. Андросова, Е. В. Макарова. – Текст : непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 2/1 (12) – С. 58–62.
- [5] Алтунина, И. Р. Структура и развитие мотивов социального поведения / И. Р. Алтунина. – Москва : Полиграф-Центр, 2015. – 103 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Тончу, Е. А. Российское добровольчество / Е. А. Тончу. – Москва : ИД «Тончу», 2011. – 270 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Косова, У. П. Мотивация волонтерской деятельности / У. П. Косова. – Текст : непосредственный // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (20) – С. 123–127.
- [8] Социология молодежи : учебник / Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию, Санкт-Петербургский государственный университет, Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований [и др.]; отв. ред. В. Т. Лисовский. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 457 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Иваненков, С. П. Проблемы исследования социальной активности молодежи / С. П. Иваненков, А. В. Кострикин. – Текст : непосредственный // Credo new. – 2009. – № 3. – С. 82–100.
- [10] Администрация Президента России : Послание Президента Федеральному собранию. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/>.
- [11] Соломин, В. П. Государственная политика по созданию правовой основы деятельности волонтеров как эффективного инструмента социализации молодежи и формирования гражданских ценностей / В. П. Соломин, А. В. Лавренко, В. Ю. Сморгунова. – Текст : непосредственный // Universum : Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 3. – С. 15–24.
- [12] Логинова, Н. В. Добровольчество как социальное явление : опыт презентации концептуального словаря / Н. В. Логинова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 149–156.

References

- [1] Levder, I. A. (2006). Dobrovol'cheskoe dvizhenie kak odna iz form sotsial'nogo obsluzhivaniya. *Social Work Journal*, (2), pp. 35-38. (In Russian).
- [2] Dinamika: dolya grazhdan, vovlechennykh v volonterskoe dvizhenie. (In Russian). Available at: <https://rospatriotcentr.ru/volunteer/index.php>
- [3] Reshetnikov, O. V. (2010). *Korporativnoe dobrovol'chestvo*. Moscow, Prospekt Publ., 172 p. (In Russian).
- [4] Androsova, A. A., & Makarova, E. V. (2014). Volunteering as a socio-cultural phenomenon of Russian society. *Journal of public and municipal administration*, (2/1(12)), pp. 58-62. (In Russian).
- [5] Altunina, I. R. (2015). *Struktura i razvitie motivov sotsial'nogo povedeniya*. Moscow, Poligraf-Tsentr Publ., 103 p. (In Russian).
- [6] Tonchu, E. A. (2011). *Rossiyskoe dobrovol'chestvo*. Moscow, Tonchu Publ., 270 p. (In Russian).
- [7] Kosova, U. P. (2012). Motivation of volunteers' activity. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, (2(20)), pp. 123-127. (In Russian).
- [8] Lisovskiy, V. T. (Ed.) (1996). *Sociologiya molodezhi*. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 457 p. (In Russian).
- [9] Ivanenkov, S. P., & Kostrikin, A. V. (2009). The problems of research of social activity of the youth. *Credo new*, (3), pp. 82-100. (In Russian).
- [10] Administratsiya Prezidenta Rossii: Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/>
- [11] Solomin, V. P., Lavrenko, A. V., & Smorgunova, V. Yu. (2012). Gosudarstvennaya politika po sozdaniyu pravovoy osnovy deyatelnosti volonterov kak effektivnogo instrumenta sotsializatsii molodezhi i formirovaniya grazhdanskikh tsennostey. *Universum: Bulletin of the Herzen University*, (3), pp. 15-24. (In Russian).
- [12] Loginova, N. V. (2012). Voluntary work as a social phenomenon: experience of presentation of the conceptual dictionary. *Political Linguistics*, (3(41)), pp. 149-156. (In Russian).

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 09/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 25/11/2021

Качество жизни аборигенных этносов

Марина Львовна Белоножко¹, Александр Сергеевич Гюрджинян¹, Олег Михайлович Барбаков²

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. В начале XXI века происходит рост этнического самосознания аборигенных этносов. Были созданы социальные центры, объединения и профессиональные ассоциации аборигенных этносов, жизнедеятельности которых оказывается государственная поддержка. На многих территориях, где проживают аборигенные этносы, возрождены общины как формы традиционных объединений совместной деятельности и взаимопомощи. Поэтому несомненная актуальность обуславливается необходимостью фундаментального рассмотрения вопросов качества жизни современных аборигенных народов, поскольку качество жизни является костяком формирования более стабильных социальных связей, в том числе и в сфере межэтнических взаимодействий. Следовательно, рассмотрение и оценка нынешнего состояния условий и уровня жизни аборигенных этносов несут большую смысловую нагрузку для дальнейшего формирования путей решения существующих проблем, особенно это касается факторов, которые обуславливают качество жизни аборигенных этносов изначально определенными, происходящими в социуме изменениями, многие из которых ухудшили качество жизни аборигенных этносов. В данной статье на основе теоретического анализа источников научной литературы систематизируются подходы к определению качества жизни аборигенных этносов, дается его определение, выделяются направления его анализа. Аргументируется, что материальным субстратом механизма влияния качества жизни аборигенных народов являются социальная связь и взаимоотношения, как обеспечивающие разнообразную поддержку, так и оказывающие позитивное социально-регулирующее и мобилизирующее влияние. В результате проведения исследования предложен ряд показателей, адаптированных к потребностям и особенностям территорий проживания аборигенных этносов, разрешающих провести оценку качества жизни аборигенных этносов. Предлагаемые материалы статьи по оценке уровня и качества жизни аборигенных этносов могут послужить основой для разработки индикативной модели социального здоровья, которая может быть использована в виде диагностического инструмента в социологии и в социальной работе.

Ключевые слова: показатели качества жизни, этничность, коренные малочисленные народы, аборигенный этнос.

Quality of life of aboriginal ethnic groups

Marina L. Belonozhko¹, Alexander S. Gyurdzhinyan¹, Oleg M. Barbakov²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. At the beginning of the 21st century, there was an increase in the ethnic self-awareness of aboriginal ethnic groups. Social centers, unions and professional associations of aboriginal ethnic groups were created, the life of which is supported by the states. In many localities, where aboriginal ethnic groups live, communities have been revived as forms of traditional associations of joint activity and mutual assistance. The relevance of this article is due to the need for a fundamental analysis of the problems of the quality of life of the current aboriginal ethnic groups. Since the quality of life is the core of the formation of more stable social ties, including in the field of interethnic interactions. The purpose of this study was to review and assess the current state of conditions and the standard of living of indigenous ethnic groups in order to further form ways to solve existing problems. In connection with the interest in the factors that determine the quality of life of aboriginal ethnic groups, which were initially determined by the changes taking place in society, many of which worsened the quality of life of indigenous ethnic groups. In this article, on the basis of a theoretical analysis of scientific literature sources, approaches to determining the quality of life of aboriginal ethnic groups are systematized, its definition is given, and the directions of its analysis are highlighted. It is argued that the material substrate of the mechanism of influence of the quality of life of aboriginal peoples is social connection and relationships that provide a variety of support, providing a positive socially regulating and mobilizing influence. The theoretical and methodological basis of the scientific research, the results of which are shown in the work, were the works of domestic and foreign researchers devoted to the problems of the conditions and living standards of aboriginal ethnic groups, reflected in the corresponding monographs and publications, as well as in the materials of scientific conferences where these issues were discussed. Methods such as system analysis, synthesis, abstraction and analogy, generalization and systematization were used as a methodological basis for the study, which make it possible to ensure the validity of the results and conclusions of the study. As a result of the study, a number of indicators have been proposed, adapted to the needs and characteristics of the territories inhabited by aboriginal ethnic groups, allowing an assessment of the quality of life of indigenous ethnic groups. The proposed materials of the article on assessing the level and quality of life of aboriginal ethnic groups can serve as the beginning for the development of an indicative model of social health, which can be used as a diagnostic tool in pedagogical and social work.

Keywords: quality of life indicators, ethnicity, indigenous peoples, indigenous ethnos.

Введение

Дальнейшее развитие коренных этнических групп мира становится глобальной проблемой. Ее фундаментальная природа заключается в том, что вторжение в значимую культуру индустриального и постиндустриального общества оставляет мало шансов на сохранение традиционного образа жизни коренных народов, материальных основ их этнической культуры и самих народов как своеобразного этнического единства [1]. Во всем мире коренные этнические объединения сталкиваются с довольно распространенными проблемами в борьбе за защиту своих территорий, природных ресурсов и традиций. В связи с этим борьба за защиту прав человека и труда коренных этнических групп становится все более актуальной, поскольку в настоящее время всего небольшая часть населения знает историю или нынешние условия жизни коренных народов, а вне исторического или культурного контекста почти невозможно понять текущие проблемы коренных этнических групп во всем мире.

Если принять, что коренное население — это понятие, предназначенное для обозначения местной социальной общности с географическими параметрами, основанными на этнической принадлежности, в контексте отношений с доминирующей

этнической группой или нацией, то можно утверждать, что такое общество обычно имеет исторический опыт, определяющей чертой которого является сосуществование, признанное национальным порядком и государством [2]. В современных условиях эти местные этнические группы внутренне смешаны, так как на практике представители коренных народов социокультурно различаются или по степени воспроизводства традиционного образа жизни, или по критерию интеграции в социальные институты социальной среды [3].

Современное общество в условиях развития глобализации претерпевает изменения во всех сферах. Характерными последствиями этой тенденции являются общие этнокультурные изменения, которые часто приводят к их слиянию или объединению с мировой культурой. Эти изменения увеличивают остроту проблемы в местных этнических группах, поскольку уменьшение количества их представителей подтверждает степень утраты собственной этнической культуры, что, например, сказалось на положении некоторых языков коренных народов, признанных на грани исчезновения [1]. Изменения в коренных этнических общинах имеют и индивидуальные особенности, связанные с внешней надежностью процессов модернизации, так как в результате глобальных изменений повседневная жизнь коренных этнических групп подвергается значительному риску утраты или искажения их самобытности и культуры [4].

Некоторые исследователи предполагают неизбежность изменения традиционной социокультурной практики повседневной жизни коренных этносов и допускают сохранение культурного наследия коренных этносов только в форме научных исследований и музейных экспонатов. Однако многие исследования, направленные на этническое восприятие, обсуждают и функционирование культурных обычаев коренных народов в традиционном искусстве, сохранение исторических традиций. В связи с этим надо подчеркнуть и наличие традиционных социокультурных практик местных этнических групп в зависимости от социальной структур, в которых они существуют. Так, современная культурная антропология позволяет анализировать местный этнос в условиях непрерывной трансформации как искусственные сообщества, способные формировать собственный этнический состав и собственные этнокультурные традиции [5].

Таким образом, актуальность данного исследования содержится в поиске возможностей для изучения состояния уровня и качества жизни коренных этносов в современном мире и возможности сохранения культурного опыта, который определяет социальный круг той или иной этнической группы. Цель данной научной работы содержится в классификации познаний о важнейших проблемах общественной жизни аборигенных этносов, выделяемых учеными на мировом уровне.

Материалы и методы

Методологической основой исследования качества жизни аборигенных этносов в данной статье послужили работы отечественных и зарубежных социологов, историков и психологов за последние пять лет по проблеме изучения уровня и условий жизни

аборигенных этносов во всем мире [6–14]. В данной статье на основе анализа научно-методических источников информации дана характеристика основных понятий, касающихся темы данного исследования. В список проанализированных понятий попали следующие: «качество жизни», «коренные народы», «показатели качества жизни», «этничность», «аборигенный этнос» и др., раскрыты суть и специфика вышеперечисленных определений. Рассмотрен анализ влияния уровня и условий жизни коренных малочисленных народов на повседневное физическое состояние этнического населения.

Для действенного проведения исследования качества жизни аборигенных этносов использованы следующие научно-исследовательские методы познания:

- методы теоретического сбора информации (анализ и синтез научного и психологического, социологического материала по вопросам темы «Качество жизни аборигенных этносов»);
- методы обработки и интерпретации данных (абстракция и аналогия, обобщение и классификация полученных результатов).

Методами обработки и систематизации познаний эмпирического уровня прежде всего являются синтез и анализ. Эти два метода являются неотделимо связанными между собой и могут обретать всевозможные формы в зависимости от свойств постигаемого объекта и цели изучения. Особым видом анализа, который был применен в исследовании вопросов качества жизни аборигенных этносов, стал логический анализ, это методологический подход к результатам познавательной деятельности качества жизни аборигенных этносов — постижения в различных его конфигурациях и наружностях [1].

Этапы исследования предусматривали анализ научных источников по теме «Качество жизни аборигенных этносов», а именно анализ исторической, психологической, социологической литературы. С помощью анализа научных источников были определены актуальность, цель и предмет исследования. Осуществилась постановка задач и подбор необходимых методов исследования: подбор материала по проблеме изучения условий и качества жизни аборигенных этносов. Обнаружена возможность решения проблематики данного вопроса, аргументированы актуальность и цель исследования, определено нынешнее состояние изучаемого вопроса, обозначена перспектива последующего изучения уровня и условий жизни коренного малочисленного населения, проанализированы и обобщены существенные результаты изучения, классифицированы итоги проводимого исследования.

Результативность вопросов исследования темы «Качество жизни аборигенных этносов» снабжена методологической частью исходных позиций и цельностью использования конкретных методов исследования, отвечающих актуальности и цели проводимого исследования.

Результаты и обсуждение

Человеческое благополучие напрямую зависит от государственной социальной политики, а политика, в свою очередь, зависит от достаточного обладания

информацией, и возможности глубоко вникать в проблемы современного общества. От качественного решения проблем качества и уровня жизни во многом зависят направление и темпы последующих реформ в государстве и в конечном итоге политическое и экономическое постоянство в обществе. Решение этих вопросов требует predetermined политики, сформированной государством, составляющей основой которой был бы человек, его благополучие, материальное и социальное здоровье. Собственно, все изменения могут стать ключевыми составляющими видоизменения уровня и качества жизни и поэтому и порождают огромное внимание у самых всевозможных слоев населения.

Качество жизни является системным понятием, которое обусловлено целостностью его составляющих: самого индивида как биологического и духовного создания, его жизнедеятельности и обстоятельств, в которых все происходит. Из этого вытекает, что перечень всех показателей качества и условий жизни обязан охватывать как непредвзятые особенности самого индивида, его жизнедеятельности, так и индивидуальные оценочные особенности, которые отражают взаимоотношение личности к реалиям существования [15]. Наиболее доказанным является толкование качества жизни человека с точки зрения постижения сути человеческой жизни как процесса, который направлен на сбережение и формирование человеческого бытия во все более обширных границах естественных обстоятельств путем создания деятельности и борьбы, преодоления природных, собственных и общественных противоречий и трудностей.

Этнические группы аборигенов — это понятие, которое относится к реальности позднего архаичного общества по отношению к традиционному обществу, сформировавшемуся в период промышленного образования. Коренные этнические группы являются одной из категорий населения, что отражает осознание людьми понимания тех географических регионов, где происходили социальные изменения в соответствии с нормами современного общества, в результате чего и используется категория «этнические аборигены». Также в настоящее время возникает вопрос о правах этнических аборигенов на землю и ресурсы, расположенные на ней, поскольку коренное население является старожилками на той или иной территории [8].

Исследования уровня жизни коренных этнических групп весьма перспективны, особенно в области социологии в контексте социального взаимодействия. Отсюда следует, что наиболее актуальным аспектом является исследование социальной адаптации, разума, понимания мира, обычаев и традиций коренных этносов [14].

Проблемы качества жизни человека являются одними из главных в социологии, поэтому внимание к этой проблеме сохраняется на протяжении всей истории общественных наук. Однако в последние годы под влиянием активно формирующегося феноменологического подхода к личности сформировалась точка зрения на неадекватность социологической модели качества жизни коренных этносов. В данное время активно осваивается связь качества жизни с личными особенностями человека и его социальными характеристиками; разрабатывается неизменный инструментальный для замера качества жизни, происходит уточнение самого суждения; изучается также

воздействие всевозможных непредвзятых и индивидуальных факторов на качество и условия жизни аборигенных этносов.

Для личностной социологии особо существенно то, что переживание за благополучие собственной жизни проявляется значительной составной долей преобладающей благосклонности личностного настроения. Как раз через настроение и собственное благополучие и формулируется непрестанное влияние на все параметры качества жизни индивида, и, как следствие, на благополучное поведение, продуктивность деятельности, поступки личностного взаимодействия и подобные стороны внешней и духовной человеческой активности. В этом непрерывном воздействии и заключается основная роль персонального благополучия индивида. На ощущения личного благополучия также влияют и профессиональная занятость, и отношения с окружающим социумом. В целом в нем объединены многие особенности отношения личности к себе и окружающей среде.

Таким образом, можно заключить, что качество жизни любого индивида формируется из целого ряда компонентов [16].

1. Социальная составляющая — удовлетворенность индивида своим статусом в обществе и актуальным состоянием общества, к которому он причисляется, а также удовлетворенность отношениями с подобными индивидами; статусом в общественном окружении и чувством единства.

2. Материальная составляющая — удовлетворенность материальной стороной своей жизни, уровнем своей обеспеченности, устойчивостью материального достатка.

3. Духовная составляющая — ощущение причастности к культуре среды, в которой он находится, возможность присоединения к роскоши духовной культуры; осмысление значения своей жизни; причастность к религии.

4. Физическая составляющая — прекрасное физическое самочувствие, телесный комфорт, чувство здоровья. Если заявлять конкретнее, то можно определить физическое благополучие индивида как природное состояние организма, которое характеризует его совершенную уравновешенность с природой и отсутствием каких-либо обнаруженных болезненных изменений.

5. Психологическая составляющая — слаженность процессов психики и функций, ощущение целостности, внутреннего равновесия. Психологическое благополучие более стабильно при гармонии личности. Психологическое здоровье зависит от умения мыслить, отношения к окружающей среде и ориентации в этом мире. Также оно зависит от умения определить свое место в окружающей среде, свои взаимоотношения с социумом, вещами, запасом знаний и достигается умением проживать в гармонии с собой, с семьей, друзьями и чужими людьми, способностью прогнозировать всевозможные ситуации и разрабатывать модели своего поведения с учетом необходимости, потенциала и желания. Психологический комфорт выступает совокупностью личностных ресурсов, которые обеспечивают личную и непредвзятую успешность индивида в системе.

В мировой социологии наиболее популярной среди ученых является многомерная модель общественного здравоохранения, основанная на важнейших

теоретических концепциях, ориентированных на изучение позитивного функционирования личности. Эта модель включает в себя множество важных элементов общественного здравоохранения: позитивные отношения с обществом, самоуправление, управление окружающей средой, жизненные цели и личностное развитие и др. [13].

Стоит подчеркнуть, что качество и условия жизни человека, живущего в экстремальных условиях, также представлены в многоуровневой модели психологического комфорта. В этой модели психосоматическое, психическое и психологическое здоровье разбирается как уровень качества жизни человека. Для каждого уровня предлагаются индивидуальные и объективные параметры измерения, которые оцениваются экспертами в этой области. Многие исследователи уделяют особое внимание взаимосвязи отдельных составляющих качества жизни коренных этносов, их зависимости от различных индивидуальных и объективных факторов. Так, в последнее время активно изучается взаимосвязь ценностных ориентаций, смысла жизни, независимости психологического пространства, снисходительности, стратегий мировоззрения и стратегий поведения человека с психологическим благополучием личности.

Существуют следующие составляющие психологического комфорта:

- 1) эмоциональный комфорт, который включает в себя баланс положительных и отрицательных компонентов: личное чувство счастья, полное удовлетворение жизнью, отсутствие тревоги или признаков депрессии, комфорт, личностный рост, способность удовлетворять основные потребности в автономии;
- 2) идеологический комфорт: наличие целей, интересов, убеждений, которые придают смысл существованию; чувство осмысленности своего прошлого и настоящего;
- 3) внутренняя гармония, положительная оценка себя и своих действий в целом, постижение и принятие своих недочетов, душевный контроль, развитое самопознание;
- 4) компетентность в касательстве сложенных отношений с миром, осмысление индивидом себя в контексте взаимоотношений с собой, другими людьми, окружением, природой.

Одними из основных критериев качества жизни выступают непредвзятая успешность и личное переживание комфорта, которые проявляются в чувстве счастья и удовлетворенности жизнью в полной мере. Следовательно, уровень качества жизни определяют разнообразные личные и непредвзятые факторы, в том числе и свойства окружающей среды, уровень воздействия которой определяется их важностью для индивида.

Все проанализированные составляющие качества жизни тесно взаимосвязаны и оказывают влияние друг на друга, однако их причисление к той или иной ступени благополучия в большей степени условно. Например, чувство общности, понимание и переживание смысла жизни могут быть отнесены к факторам, которые создают душевный комфорт, а не только общественное или душевное благополучие. Особенно востребованным на нынешнем этапе формирования общества становится изучение

качества жизни человека в экстремальных условиях жизнедеятельности, что определено существенным ростом количества антропогенных и естественных экстремальных влияний на индивида, а также невыполнимостью сглаживать негативное влияние климата, в отличие от воздействий общественной, образовательной, информационной среды.

Для этнических групп, коренных народов, проживающих в таких климатических зонах, где окружающая среда достаточно неблагоприятна и экстремальна, жизнь следует на последней грани дозволенного. Существует разъяснение, что неординарный менталитет коренных этносов не только проявляется, но и развивается в ситуациях дискомфорта в социокультурной перспективе сосуществования этносов, поскольку условия, в которых интерес соответствует любому из его проявлений, не наблюдаются в каждой из соседних этнических групп [8]. Изучение различных этнических групп и коренных народов показывает, что условия их жизни достаточно отрицательно влияют только в определенных условиях. Было установлено, что долгая жизнь в регионах, населенных коренными этническими группами, снижает у людей подвижность нервных клеток, что приводит к пассивному состоянию или чрезмерному потреблению собственной энергии. Это выражается в быстром наступлении усталости и в изменении скорости умственной деятельности при психическом стрессе. Духовный менталитет коренного населения — это малоподвижный образ жизни, что дает реальный шанс на сохранение и воспроизводство на более высоком уровне продуктивности в суровых условиях Севера.

Следует также отметить, что факт снижения эффективности восстановительных процессов коренных этносов связан с наличием напряженности при постоянном воздействии негативных климатических и географических условий на организм человека. Значимым для формирования и развития качества жизни этнических групп коренных народов является также важность их взглядов на историческое прошлое своего народа, понимание своей идентичности с этнической общностью, а также важность традиционных ценностей в регуляции личного поведения, приверженность сохранению языка, культуры, традиций и обычаев своего народа [10].

Основа этнической идентичности характеризуется рядом особенностей, которые выражаются в нарушении традиционно выделяемого этапа процесса этнического самоопределения. Первые этапы характеризуются низкой насыщенностью, недостаточной подготовкой, отрывочными результатами. Усиление этнической идентификации происходит только во взрослом возрасте в связи с развитием потребностей в ценностных отношениях с собственным существованием и осознанием своего личного места в обществе. В результате процесс этнической идентификации коренных этносов, по сравнению с представителями центральных регионов страны, меняется во взрослом возрасте [7].

В последние годы качество жизни коренных этнических групп осложняется растущей быстрыми темпами неспособностью вести характерный образ жизни. Недостаточная конкурентоспособность по сравнению с современными видами производственной деятельности характеризуется низкими объемами производства, высокими транспортными расходами и отсутствием новых предприятий и технологий

по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов. Кризисное состояние традиционной производственной деятельности приводит в свою очередь к росту социальных проблем, а значит, уровень жизни значительной части населения среди коренных этнических групп, проживающих в первую очередь в сельской местности или ведущих кочевой образ жизни, становится все ниже. Совершенствование промышленного обследования природных ресурсов территорий коренных этнических групп также значительно сокращает возможности коренных этнических групп заниматься традиционной экономической деятельностью [15].

Тем не менее есть в мировой практике исследования, посвященные проблемам качества жизни коренных этнических групп, на основе которых можно утверждать, что в редких случаях коренные народы за долгие годы жизни сформировали гармоничный тип адаптации к экстремальным климатическим условиям, развивали самобытную культуру, способную сохранять духовную стойкость, несмотря на относительно длительное время и интенсивное внешнее воздействие. Именно этот опыт позволяет предположить, что современные родственники местных коренных этносов сохраняют и развивают специфические виды промышленности и культуры, а это в свою очередь позволяет им существовать в сложных природно-климатических условиях.

Необходимо также отметить, что в современных условиях сохранения и формирования культуры коренных этносов в целом, и в частности условий и качества жизни коренных этносов, исследования на территориях коренных этносов являются перспективными и актуальными направлениями в различных областях науки. В ходе изучения было обнаружено, что большая часть теоретических исследований по вопросам качества жизни аборигенных этносов посвящена исследованию конкретных аспектов, что очень сильно затрудняет создание цельной точки зрения о сегодняшнем положении данного явления. Базируясь на компаративном подходе изучения, можно раскрыть вероятность непредвзятого разрешения разных методологических точек зрения в изучении условий и качества жизни аборигенных этносов, располагающихся по всему миру. Проанализировав итоги исследований сознания, идеологии, образования, обычаев, культуры аборигенных этносов, можно сделать вывод об уместности их использования при разработке программ развития качества жизни и общественной адаптации аборигенных этносов. При этом в проведении исследований ключевыми аспектами должны быть сохранение и формирование самобытной цивилизации аборигенных этносов во всем мире; защита традиционной среды существования и традиционного качества жизни аборигенных этносов; сохранение на территориях традиционного природопользования биологического многообразия и прочие существенные и актуальные вопросы [11]. Стоит также отметить, что развитие территорий, на которых проживают аборигенные этносы, в целом немаловажно для мирового сообщества, так как в числе главных проблем находятся все отрасли жизнедеятельности коренных народов, и важно осведомленное и осторожное отношение к данному вопросу.

При рассмотрении проблем, связанных с мировыми коренными этническими группами, не следует забывать и тот факт, что проводимая до недавнего времени колониальная политика являлась источником многих политических, экономических и

социальных проблем, часть из которых актуальна и в настоящее время. Следовательно, существующее наследие колониальной экспансии своей территории предполагает необходимость для этнических групп коренных народов во всем мире пережить и осмыслить общий опыт, который приводил к гибели многих людей, потере миллионов акров земли и изъятию огромных ресурсов. Таким наследием была бедность, высокая детская смертность, массовая безработица, алкоголизм и наркомания. Кроме того, наследием также являлось отсутствие прав коренных этнических групп, что позволяло объединять их в колониальное общество [10].

Однако, несмотря на данные проблемы, коренные народы при формировании своего уклада жизнедеятельности придают большое значение сохранению культуры, традиций и ритуалов. Поэтому, столкнувшись с серьезными проблемами, многие коренные этнические группы все-таки смогли сохранить традиционные знания, основные ценности, которые помогали им на протяжении веков, и чувство единства, присущее племенным поселениям.

Необходимо подчеркнуть и то, что, несмотря на множество различий между коренными народами по всему миру, они разделяют общие ценности, в том числе понимание взаимной поддержки и ясное осознание того, что их жизнь тесно связана с существующим миром. Это и является тем совершенным чувством взаимозависимости друг с другом и со всеми остальными, которое способствует чувству долга и ответственности защищать и отстаивать права природы, которые используются ими в качестве священного источника пищи, лекарств и внутренней силы.

В последние годы этнические группы коренных народов столкнулись со многими политическими, социальными, экономическими и культурными проблемами. Одна из главных проблем формирования практических моделей современного уровня и качества жизнедеятельности этнических коренных групп — это сохранение и передача будущим поколениям сложившихся систем знаний и оценки накопленного опыта. Ничто не может заменить чувства полноты, следующего за реальным пониманием культурных традиций. Конечно, в некоторых коренных общинах примитивные языки, ритуалы и системы информации безнадежно утрачены, но в других на протяжении длительного времени коренные народы сознательно формировали собственную культуру, всегда общались на родном языке, совершали множество ритуалов в честь, например, празднования природы в жизни людей. Положение коренных этнических групп в последние годы осложняется и слабостью их традиционного образа жизни в нынешних экономических условиях.

Тем не менее современные представители коренных этнических групп разрабатывают все больше и больше проектов в области защиты конкретных культурных аспектов, таких как язык и использование растений в медицинских целях.

На уровне отдельных государств существуют разнообразие препятствия на пути полного признания определенных норм международного права для коренных этнических районов. Из них наиболее актуальны следующие.

1. Цели коренных этнических групп образуют периферию экономической системы. Так, этнические группы, коренные жители любой страны мира составляют самую отдаленную часть населения, и они экономически и политически подчинены

центральным регионам. Предоставление им широких прав требует перераспределения полномочий между региональными и центральными ведомствами, что делает эти права очень ограниченными.

2. Социальные права коренных этнических групп в сочетании с приоритетами рационального природопользования, образования и социального обеспечения противоречат идеям, преобладающим и руководящим подавляющим большинством с точки зрения подразумеваемого экономического и политического равенства. Зачастую власти выступают против официального признания определенных особых прав этнических групп.

3. Подтверждение нынешнего правового статуса этнических групп коренных народов требует преодоления стереотипов существующих социальных общностей, культура которых в последнее время анализируется учеными как слабо развитая и подлежащая культурной переработке в процессе модернизации общества.

4. Существует определенный набор непредвзятых вопросов, которые было бы трудно решить практическими проблемами, затрагивающими права и нынешнее положение коренных этнических групп. Речь идет о количестве разнообразия коренного и неместного населения, уровне сложности этнической структуры, который во многом определяется объемом достигнутого понимания [1].

Следовательно, одной из насущных задач для коренных этнических групп является официальное определение правового статуса, означающее признание их права на особый образовательный путь, основанный на ценностях нетрадиционного образа жизни. Этот факт характеризует процесс интеграции коренных этносов в современное общество, поскольку провозглашенный им особый статус является не чем иным, как признанием равенства между ними и другими участниками социального развития среди мирового сообщества и доминирующего общества любого государства. Коренные этнические группы, которые пережили борьбу с доминирующим обществом и требовали признать свое право на путь личностного развития, теперь готовы двигаться вперед к взаимовыгодному социальному сотрудничеству, но только под своим личным контролем. Одним из необходимых условий такого развития является официальное признание особого правового статуса этнических коренных групп, который основан на чрезмерном праве автономии в использовании природных ресурсов. Благодаря официально признанным специальным нормам права коренные народы имеют возможность сохранить ценности своей культуры и в то же время понять особенности современного общества, в том числе и самого права. Если традиционная культура является средством адаптации коренных этносов к большим природно-географическим условиям, то особый правовой статус является необходимым условием адаптации к современным условиям общества [2].

Особенность интеграции коренных этносов в современную жизнь, таким образом, основывается на их особом правовом статусе и распространяется в основном на ценности традиционного общества, а не доминирующего общества, которые и являются предпосылками для сохранения их этнической идентичности [8].

Изменение системы общественных отношений, переход экономики государств к рыночным отношениям внесли окончательные реформы в социально-экономическое

развитие территорий проживания аборигенных этносов, в корне поменяли ту общественно-политическую и экономическую сферу, в которой малочисленные народы отыскивали сбалансированные условия для промышленной деятельности, для формирования культурной цивилизации, образования, решения вопросов охраны здоровья и защиты окружающей среды. Создание и функционирование на их территориях промышленных предприятий определяли обстоятельства, в которых проблемы оснащения актуально важных функций, таких как обеспечение продуктами питания, развитие социальной инфраструктуры и т. д., должны были решаться не только в рамках программ промышленного освоения территорий, на которых проживают аборигенные этносы, но и учитывать их интересы.

Однако на современном этапе формирования таких территорий стали утрачиваться элементы экономического базиса, следствием чего явились ликвидация многих промышленных предприятий, существенный отток населения, упразднение предыдущей системы государственной поддержки традиционных производств, отраслей транспорта, связи, коммунального хозяйства и иных жизнеобеспечивающих областей.

Так как основной принцип формирования и функционирования любой организации — извлечение прибыли, костяком ее благополучия является конкурентоспособность продукции, приближенность вместительного рынка сбыта. В связи с этим характерные отрасли промышленности аборигенных этносов оказались вне круга экономических связей, без будущего упрочения личной базы производства. Рынок сбыта аналогичных товаров стал ограничен пределами административного района и потерял платежеспособного потребителя. Резервации, в которых обитают аборигенные этносы, за последние годы утратили множество жизненно необходимых условий, которые являются основополагающими составляющими качества жизни современного населения [9].

Таким образом, необходимо констатировать, что в современной общественной жизни этнический фактор приобретает все большее значение. Системный кризис, охвативший почти все сферы общественной жизни, экономическая и политическая нестабильность и социальная незащищенность граждан обострили этнические проблемы многих малых этнических групп в мире. Помимо этого, коренные этнические группы находятся в сложном положении и из-за территориальных факторов, которые протекают в эпицентре рыночных экономических процессов, оказывающих разрушительное воздействие на образ жизни и деятельность этих народов. Но необходимо повсеместно учитывать, что коренные народы жили на больших территориях до того, как там появилось другое население. Они населяли и населяют свои территории на протяжении многих веков. В экстремальных климатических условиях они создали свой собственный вид экономической деятельности, культуру и образ жизни, а также сформировали эффективные меры по охране окружающей среды.

В настоящее время интенсивное промышленное освоение территорий находится в явном противоречии с интересами коренных этносов. Такая ситуация требует проведения конкретной социальной политики в каждой из стран, где проживают коренные этнические группы, так как стихийное развитие текущих социально-

экономических процессов может привести эти народы к невосполнимым потерям. Дело в том, что крупнейшие запасы сырья и залежи невозобновляемых ресурсов являются основным органическим источником и приурочены к биоценозам с более высокой продуктивностью. Таким образом, центры промышленного доминирования сходятся в основном с этническими рядами коренных этнических групп [12]. Понимание и признание проблем, связанных с условиями и качеством жизни коренных народов, имеют не только философское, но и экзистенциальное значение. Сегодня это явление является важнейшей научной проблемой комплексного познания качества жизни в экстремальных условиях. Нынешнюю ситуацию в мире можно охарактеризовать следующими негативными процессами: катастрофической деградацией окружающей среды; изменением климата, создающим огромную проблему для коренных народов с точки зрения выживания в экстремальных природных условиях; экологическим дисбалансом; неравномерным экологическим и антропогенным бременем на территории коренных народов; сокращением численности животных. Анализируя эти негативные явления и процессы, можно сделать вывод, что качество жизни коренных этносов переживает не самый лучший период в истории, что диктует необходимость принятия мер по улучшению положения коренных этнических поселений на государственном уровне.

Выводы

Значимость исследования качества и условий жизни аборигенных этносов определена не только значительностью социальных характеристик каждого отдельного человека для адаптации в социуме и действенной организации общественной среды, в которые включен человек, но и их ролью в сохранении всего происходящего вокруг человека. Особенностью качества жизни аборигенных этносов можно назвать потенциал, который заключается в их взаимоотношениях в обществе и связях для личной самореализации, проявлении творчества, поддержании и укрепления собственного здоровья. Соответствующая включенность в социальную жизнь будет позитивно влиять на эмоциональное самочувствие аборигенных этносов и может быть достигнута посредством механизмов социального регулирования, поддержки и взаимопомощи. Анализируя полученные итоги исследования, можно сделать вывод о том, что этническое сознание аборигенных этносов во многом определяет индивидуальное переживание социального благополучия человека. Учеными аргументировано, что восприятие утвердительной этнической идентификации активизирует деятельность механизмов социальной защиты личности, отсутствие которых способно вызвать бесчисленные деструкции личности. Исходя из этого, особой актуальностью обладают исследования, посвященные изучению специфики условий и качества жизни личности на примере аборигенных этносов.

Как подчеркивают вышеизложенные материалы, в качестве наиболее важных факторов, влияющих на качество и уровень жизни аборигенных этносов, можно выделить крайне малое наличие государственной поддержки аборигенных этносов во всем мире, вероятность наступления еще более экстремальных климатических условий,

локализация рынка сбыта собственных товаров, нехватка транспортной связи, немаловажный отток жителей с данных территорий. Важно также заметить, что на показатели качества жизни аборигенного населения воздействуют и такие составляющие, как пережитые исторические события, отсутствие активного образа жизни, замкнутость и прочие факторы. Следовательно, имеющиеся исследования по вопросам условий и качества жизни аборигенных этносов свидетельствуют о накоплении важного эмпирического материала, который требует рассмотрения, разбора, осмысления. В данный период можно с решительностью говорить о нужде беспристрастного теоретического описания качества и уровня аборигенных этносов, которое порождается не только познавательным интересом, но и запросами обширной практики социологии, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Изучение взаимосвязей между уровнем жизни аборигенных этносов и современной социологией призвано накапливать историческое прошлое и их обыденный образ жизни, этническую специфику и ее современное проявление. Освоение и комплексное отображение специфических приспособлений у аборигенных этносов разрешит, учитывая их неустойчивый диапазон, проявлять целенаправленную психологическую и социальную поддержку, которая даст вероятность определить истинно гармоничные отношения представителей аборигенных этносов с окружающим миром.

Библиографический список

- [1] Comparing risks of cerebral palsy in births between Australian Indigenous and non-Indigenous mothers / E. Blair, L. Watson, E. O'Kearney [et al.]. – DOI 10.1111/dmcn.13005. – Direct text // *Developmental Medicine and Child Neurology*. – 2016. – Vol. 58, Issue S2. – P. 36–42.
- [2] Gestational Age and Child Development at Age Five in a Population-Based Cohort of Australian Aboriginal and Non-Aboriginal Children / M. Hanly, K. Falster, G. Chambers [et al.]. – DOI 10.1111/ppe.12426. – Direct text // *Paediatric and Perinatal Epidemiology*. – 2018. – Vol. 32, Issue 1. – P. 114–125.
- [3] The Reporting of Race and Ethnicity in Medical and Science Journals : comments invited / A. Flanagan, T. Frey, S. L. Christiansen, H. Bauchner. – DOI 10.1001/jama.2021.2104. – Direct text // *Journal of the American Medical Association*. – 2021. – Vol. 325, Issue 11. – P. 1049–1052. (In English).
- [4] Абрамов, И. В. «Спасение Югры» на родовых угодьях : итоги этнической мобилизации обских угров / И. В. Абрамов. – DOI 10.30624/2220-4156-2019-9-4-767-777. – Текст : непосредственный // *Вестник угроведения*. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 767–777.
- [5] Fractional Exhaled Nitric Oxide Values in Indigenous Australians 3 to 16 Years of Age / T. L. Blake, A. B. Chang, M. D. Chatfield [et al.]. – DOI 10.1016/j.chest.2019.02.401. – Direct text // *Chest*. – 2019. – Vol. 156, Issue 2. – P. 239–246.

- [6] Члачула, Дж. Экологические размышления о здоровье коренных жителей субарктической России на основе микроэлементов / Дж. Члачула, Е. А. Луговая. – Текст : непосредственный // Материалы Международной многопрофильной научной геоконференции «Surveying Geology and Mining Ecology Management SGEM». – 2018. – Т. 18, № 5.2. – С. 371–378.
- [7] A cross sectional study of animal and human colonization with methicillin-resistant staphylococcus aureus (MRSA) in an aboriginal community / P. Daley, J. Bajgai, C. Penney [et al.] – Text : electronic // BMC Public Health. – 2016. – Vol. 16, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1186/s12889-016-3220-9>. – Published: July, 19, 2016.
- [8] Perinatal Risk Factors Associated with Gastroenteritis Hospitalizations in Aboriginal and Non-Aboriginal Children in Western Australia (2000–2012) : A Record Linkage Cohort Study / P. Fathima, T. L. Snelling, N. De Klerk [et al]. – DOI 10.1097/INF.0000000000002063. – Direct text // Pediatric Infectious Disease Journal. – 2019. – Vol. 38, Issue 2. – P. 169–175.
- [9] Mortality in a cohort of remote-living Aboriginal Australians and associated factors / Z. Hyde, K. Smith, L. Flicker [et al.]. – DOI 10.1371/journal.pone.0195030. – Direct text // PloS One. – 2018. – Vol. 13, Issue 4. – P. 48–61.
- [10] Jones, A. M. Disability and workplace harassment and discrimination among Canadian federal public service employees / A. M. Jones, R. Finkelstein, M. Koehoorn. – DOI 10.17269/s41997-018-0022-0. – Direct text // Canadian Journal of Public Health. – 2018. – Vol. 109, Issue 1. – P. 79–88.
- [11] Коломиец, О. П. Из истории развития этнографии на Чукотке / О. П. Коломиец. – DOI 10.31250/2618-8600-2018-2-188-196. – Текст : непосредственный // Этнография. – 2018. – Т. 2. – С. 188–196.
- [12] Daozhi, X. Liminality and Communitas in Literary Representations of Aboriginal and Asian Encounters / X. Daozhi. – DOI 10.1080/14443058.2018.1531296. – Direct text // Journal of Australian Studies. – 2018. – Vol. 42, Issue 4. – P. 475–490.
- [13] Caputo, M. Analysis of locus D9S1120 and its genetic admixture correlation in seven argentina native american ethnic groups / M. Caputo, D. Corach. – DOI 10.1002/ajhb.22755. – Direct text // American Journal of Human Biology. – 2016. – Vol. 28, Issue 1. – P. 57–66.
- [14] Ahmed, S. U. Traumatic spinal cord injuries among Aboriginal and non-Aboriginal populations of Saskatchewan : A prospective outcomes study / S. U. Ahmed, S. Humphreys, C. Rivers. – DOI 10.1503/cjs.012819. – Direct text // Canadian Journal of Surgery. – 2020. – Vol. 63, Issue 3. – P. E315–E320.
- [15] Blackall, S. R. Bronchiectasis in indigenous and non-indigenous residents of Australia and New Zealand / S. R. Blackall, J. B. Hong, P. King [et al.]. – DOI 10.1111/resp.13280. – Direct text // Respiriology. – 2018. – Vol. 23, Issue 8. – P. 743–749.
- [16] Normative Wideband Acoustic Immittance Measurements in Caucasian and Aboriginal Children / V. Aithal, S. Aithal, J. Kei, A. Manuel. – DOI 10.1044/2018_AJA-18-0065. – Direct text // American Journal of Audiology. – 2019. – Vol. 28, Issue 1. – P. 48–61.

References

- [1] Blair, E., Watson, L., O'Kearney, E., D'Antoine, H., & Delacy, M. J. (2016). Comparing risks of cerebral palsy in births between Australian Indigenous and non-Indigenous mothers. *Developmental Medicine and Child Neurology*, 58(S2), pp. 36-42. (In English). DOI: 10.1111/dmcn.13005
- [2] Hanly, M., Falster, K., Chambers, G., Lynch, J., Banks, E., Homaira, N.,... Jorm, L. (2018). Gestational Age and Child Development at Age Five in a Population-Based Cohort of Australian Aboriginal and Non-Aboriginal Children. *Paediatric and Perinatal Epidemiology*, 32(1), pp. 114-125. (In English). DOI: 10.1111/ppe.12426
- [3] Flanagan, A., Frey, T., Christiansen, S. L., & Bauchner, H. (2021). The Reporting of Race and Ethnicity in Medical and Science Journals: comments invited. *Journal of the American Medical Association*, 325(11), pp. 1049-1052. (In English). DOI: 10.1001/jama.2021.2104
- [4] Abramov, I. V. (2019). The "Yugra Rescue" Association in ancestral lands: The results of ethnic mobilization of the Ob Ugrians. *Bulletin of Ugric Studies*, 9(4), pp. 767-777. (In Russian). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-767-777
- [5] Blake, T. L., Chang, A. B., Chatfield, M. D., Marchant, J. M., Petsky, H. L., & McElrea, M. S. (2019). Fractional Exhaled Nitric Oxide Values in Indigenous Australians 3 to 16 Years of Age. *Chest*, 156(2), pp. 239-246. (In English). DOI: 10.1016/j.chest.2019.02.401
- [6] Chlachula, J., & Lugovaya, E. A. (2018). Environmental reflections of native peoples' health in the sub-arctic russia based on micro-elements. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management SGEM*, 18(5.2), pp. 371-378. (In English).
- [7] Daley, P., Bajgai, J., Penney, C., Williams, K., Whitney, H., Golding, G. R. & Weese, S. (2016). A cross sectional study of animal and human colonization with methicillin-resistant staphylococcus aureus (MRSA) in an aboriginal community. *BMC Public Health*, 16(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1186/s12889-016-3220-9>
- [8] Fathima, P., Snelling, T. L., De Klerk, N., Lehmann, D. B., Blyth C. C., Waddington, C. S., & Moore, H. C. (2019). Perinatal risk factors associated with gastroenteritis hospitalizations in aboriginal and non-aboriginal children in Western Australia (2000-2012): A Record Linkage Cohort Study. *Pediatric Infectious Disease Journal*, 38(2), pp. 169-175. (In English). DOI: 10.1097/INF.0000000000002063
- [9] Hyde, Z., Smith, K., Flicker, L. Atkinson, D., Almeida, O. P., Lautenschlager, N. T.,... LoGiudice, D. (2018). Mortality in a cohort of remote-living aboriginal australians and associated factors. *PloS One*, 13(4), pp. 48-61. (In English). DOI: 10.1371/journal.pone.0195030
- [10] Jones, A. M., Finkelstein, R., & Koehoorn, M. (2018). Disability and workplace harassment and discrimination among Canadian federal public service employees. *Canadian Journal of Public Health*, 109(1), pp. 79-88. (In English). DOI: 10.17269/s41997-018-0022-0

- [11] Kolomiets, O. P. (2018). From the history of the development of ethnography in Chukotka. *Etnografia*, (2), pp. 188-196. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-188-196
- [12] Daozhi, X. (2018). Liminality and Communitas in Literary Representations of Aboriginal and Asian Encounters. *Journal of Australian Studies*, 42(4), pp. 475-490. (In English). DOI: 10.1080/14443058.2018.1531296
- [13] Caputo, M., & Corach, D. (2016). Analysis of locus D9S1120 and its genetic admixture correlation in seven argentina native american ethnic groups. *American Journal of Human Biology*, 28(1), pp. 57-66. (In English). DOI: 10.1002/ajhb.22755
- [14] Ahmed, S. U., Humphreys, S., Rivers, C., Jeffrey, M., Fournery, D. R., & Surg, C. J. (2020). Traumatic spinal cord injuries among Aboriginal and non-Aboriginal populations of Saskatchewan: A prospective outcomes study. *Canadian Journal of Surgery*, 63(3), pp. E315-E320. (In English). DOI: 10.1503/cjs.012819
- [15] Blackall, S. R., Hong, J. B., & King, P. Wong, C., Einsiedel, L., Rémond, M.G.W.,... Maguire, G. P. (2018). Bronchiectasis in indigenous and non-indigenous residents of Australia and New Zealand. *Respirology*, 23(8), pp. 743-749. (In English). DOI: 10.1111/resp.13280
- [16] Aithal, V., Aithal, S., Kei, J., & Manuel, A. (2019). Normative Wideband Acoustic Immittance Measurements in Caucasian and Aboriginal Children. *American Journal of Audiology*, 28(1), pp. 48-61. (In English). DOI: 10.1044/2018_AJA-18-0065

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 15/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 16/11/2021

УДК 316.42:338.2

**Двойственный характер трансформации
социально-экономических отношений между индивидуальными
и коллективными субъектами организаций в условиях цифровизации**

Инна Викторовна Василенко¹, Илья Викторович Василенко²

¹*Кафедра социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия*

²*Кафедра менеджмента, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Волгоград, Россия*

Аннотация. Развитие компьютеризации, интернетизации, информационных технологий способствовало распространению цифровизации, в том числе и в экономической среде. Возможности использования цифровых технологий являются неограниченными. При умелом и своевременном внедрении новшеств в этой области каждое предприятие может стать лидером или, по крайней мере, обеспечить себе конкурентоспособность и устойчивое положение на рынке. Возникает вопрос: надолго ли? Ведь происходящие трансформации совершенствуют технические и экономические подсистемы предприятий, но зачастую разрушают социально-психологические. Цель исследования — изучение последствий социально-экономических трансформаций, происходящих в организациях, внедряющих цифровые технологии. Ведущим методом стал иллюстративный метод, в основу которого была положена модель цифровой экономики Д. Тапскотта. Цифровизация расширяет не только возможности предприятий, но и специалистов. Они становятся более свободными и независимыми в своих решениях, принимают участие в проектных и виртуальных командах в соответствии со своими интересами, могут постоянно переключаться в своей деятельности от одной работы к другой, становятся более мобильными, гибкими в своих решениях. Вместе с тем возникают проблемы, связанные с социальной, культурной и психологической средой взаимодействующих людей. Это касается прежде всего принципа «человеческих отношений» и отхода от него, что проявляется в потере доверия, ответственности друг перед другом, отсутствии совместных переживаний и «чувства локтя», то есть всего того, что называется коллективом. Сотрудники превращаются в технические средства достижения поставленной цели, в инструменты для выполнения той или иной функции, подготавливая себе самим замену роботами. Сами работники включаются в команды на основе только личных интересов, ничем иным не привязаны и без сожаления покидают очередное место своей деятельности. Следствием является увеличение ситуации неопределенности, неупорядоченности, что разрушает основы институционализации, порядка и гарантированности.

Ключевые слова: виртуальная среда, цифровая личность, виртуальные команды, интеграция интересов, расширение социального капитала, распад «человеческих отношений».

**The dual nature of transformation socio-economic relations between
individual and collective subjects of organizations in the context of digitalization**

Inna V. Vasilenko¹, Ilya V. Vasilenko²

¹*Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Volgograd, Russia*

²*Department of Management, Plekhanov Russian University of Economics, Volgograd Branch, Volgograd, Russia*

Abstract. The development of computerization, internetization, and information technologies contributed to the spread of digitalization, including in the economic environment. The possibilities of using digital technologies are unlimited. With skillful and timely implementation of innovations in this area, each enterprise can become a leader or at least ensure its competitiveness and a stable position in the market. The question arises: for how long? After all, the ongoing transformations improve the technical and economic subsystems of enterprises, but often destroy the socio-psychological ones. The purpose of the study was to study the consequences of socio-economic transformations occurring in organizations that implement digital technologies. The leading method was the illustrative method, which was based on the digital economy model of D. Tapscott. Digitalization expands not only the capabilities of enterprises, but also of specialists. They become more free and independent in their decisions, participate in project and virtual teams in accordance with their interests, can constantly switch their activities from one job to another, become more mobile, flexible in their decisions. At the same time, there are problems associated with the social, cultural and psychological environment of interacting people. This applies primarily to the principle of "human relations" and the departure from it, which is manifested in the loss of trust, responsibility to each other. Employees turn into technical means of achieving the set goal, into tools for performing a particular function, preparing themselves to be replaced by robots. Employees are included in the team based only on personal interests, are not tied to anything else and leave the next place of their activity without regret. The consequence is an increase in the situation of uncertainty, disorder, which destroys the foundations of institutionalization, order and security.

Keywords: virtual environment, digital personality, virtual teams, integration of interests, expansion of social capital, disintegration of "human relations".

Введение

Современная экономика различных стран характеризуется внедрением процессов цифровизации [1]. В конце прошлого века появился термин «цифровая экономика», в определении которого сделан упор на развитие информационных и цифровых технологий, изменяющих экономику и другие социальные институты общества [2]. В научной литературе появляются различные трактовки цифровой экономики, основанной на цифровых технологиях, обеспечивающих экономические субъекты доступом к различному электронному контенту и организующих экономическое производство с сокращением транзакционных издержек [3–6]. В этих определениях совершенно не затрагиваются изменения, происходящие в обществе, человеке как субъекте труда и социально-экономических отношений, в коллективах, деятельность в которых опосредована цифровыми технологиями. В то же время внедрение цифровых технологий не могло не затронуть социум, инициировать социально-экономические трансформации, задающие вектор смысловых и масштабных изменений всей системе отношений различных субъектов, задействованных в цифровых экономических процессах, особенно на уровне организаций.

Неслучайно Всемирный банк при определении цифровой экономики обращает внимание на ускоренное развитие всей системы экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [7]. Иными словами, трансформация затрагивает всю совокупность отношений, среди которых нас в большей степени интересуют коммуни-

кации, конструируемые в ходе этих отношений, построенных на использовании цифровых технологий. Эти коммуникации могут быть непосредственными, с использованием продуктов труда, полученных с помощью цифровых технологий, и опосредованными этими технологиями. В итоге появление цифровой экономики меняет не только саму экономику, но и социальное пространство взаимодействующих между собой индивидуальных и коллективных субъектов.

Следствием появления цифровой экономики является социально-экономическая трансформация, носящая двойственный характер, в ходе которой, с одной стороны, в экономику развивающихся и развитых стран внедряются цифровые технологии, позволяющие создавать, перерабатывать и переправлять огромные массивы данных, что способствует повышению эффективности экономики, развитию общества, улучшению качества жизни населения, а с другой — происходят далеко не благоприятные изменения в отношениях между работодателями и сотрудниками в пространстве социально-трудовых отношений. Особенности современных социально-экономических трансформаций, связанных с цифровизацией, нашли свое отражение в зарубежных исследованиях, описывающих реальные или возможные в будущем негативные последствия. Зарубежные авторы затрагивают проблемы адаптации работников организации к условиям цифровизации и автоматизации [8], доказывают, что заработная плата и уровень образования сотрудников организаций демонстрируют сильную отрицательную связь с вероятностью компьютеризации профессии [8], утверждают, что цифровая революция, характеризующаяся искусственным интеллектом, большими данными, облачными вычислениями и мобильной робототехникой, повлияет на гендерное равенство в странах [10]. В то же время эти исследования не затрагивают проблемы двойственного характера трансформации социально-экономических и социально-трудовых отношений в поле организации.

В связи с этим целью данной статьи является выявление направления и содержания трансформаций социально-экономических отношений, происходящих в условиях цифровизации между индивидуальными и коллективными субъектами организаций как основного коллективного субъекта и элемента экономики.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели было проанализировано значительное число отечественной и зарубежной научной литературы, касающейся вопросов развития цифровой экономики и ее последствий. Нами был проведен анализ дефиниций цифровой экономики и подходов к анализу процессов социально-экономической трансформации, как следствия внедрения цифровизации, что дало возможность выявить позитивные и негативные изменения, способные затронуть основы жизни человека, предприятия, общества и государства. Основой анализа послужил иллюстративный метод, позволивший «привязать» конкретную научную концепцию к социальной ситуации и организовать данные, содержащиеся в научной литературе в соответствии с этой концепцией. Иллюстративный метод описывают и обсуждают Л. Ньюманом, В. Бонелл,

Т. Скокпол [11–15]. Как работает этот метод? В ходе аналитических действий исследователь выбирает наиболее подходящую концепцию, структурирующую изучаемый процесс или явление, а затем проецирует имеющуюся информацию на эту структуру, заполняя ее в той или иной мере. В нашем случае такой концепцией стала пятиуровневая структура цифровой экономики Д. Тапскотта [14]. Выбор этой модели не случаен: она достаточно логично и подробно описывает идеальное состояние организации после внедрения цифровизации на всех ее уровнях, начиная с каждого сотрудника и заканчивая процессом интеграции всего социально-экономического пространства предприятия, как целостности. Учитывается также взаимодействие реального и виртуального полей организации, что является важным аспектом при изучении процессов цифровизации и их последствий. Еще одним методом анализа послужил метод крайних случаев, который проявляется в выявлении положительных и отрицательных состояний объекта вследствие внедрения цифровой экономики для каждого из пяти выделенных Д. Тапскоттом уровней. В основе этого метода лежит правило выделения крайних значений объекта, которое используется при решении многих задач, в том числе и в экономике. Метод крайних значений в нашем случае, по аналогии с методом крайних значений в статистике, представляет собой метод исследования социально-экономических трансформаций, характеризующегося тем, что о них судят по положительным и отрицательным состояниям объекта управления, в нашем случае организации [15]. По причине сложности социально-экономических процессов, их единства и взаимосвязанности позитивные результаты зачастую вначале связаны с развитием экономической стороны ситуации, а негативные — с социальной стороной, однако в течение некоторого времени состояние социальной части организации будет оказывать негативное влияние на устойчивость экономической части.

Результаты и обсуждение

Внедрение цифровых технологий, естественно, будет инициировать изменение оснований существования общества, сообществ и социальных институтов, таких как культура и экономика. Объяснение простое — усложнение коммуникаций, социальных отношений между всеми субъектами производственной и экономической деятельности, как внутри организации, так и за ее пределами. Для понимания характера социально-экономических трансформаций отношений между индивидуальными и коллективными субъектами, как следствий процессов цифровизации экономики, важно представить ее структуру, основные части, взаимосвязанные в целостную систему. Наиболее удачной моделью цифровой экономики на уровне организаций является пятиуровневая система Д. Тапскотт, в которой уровни взаимодействуют и влияют на жизнь сотрудников организации и общества в целом [14]. Несмотря на тот факт, что работа написана ученым в 1994 году, она представляет собой стройную модель цифровой организации, на основе которой легче проследить те тенденции, которые характеризуют цифровую экономику предприятий в России, тем более что внедрение цифровизации в нашей стране существенно отстает по времени и масштабам от развитых стран, поэтому система Д. Тапскотта не является существенно устаревшей. В эту систему входят такие взаимосвязан-

ные компоненты, как эффективная личность; высокопроизводительный коллектив; интегрированное предприятие; расширенное предприятие; межсетевая среда. Каждый из этих компонентов развивается благодаря цифровым технологиям, взаимодействие между ними существенно сокращает транзакционные издержки [16], происходит существенное приращение человеческого и социального капиталов. В то же время, используя принцип крайних состояний объекта, надо отметить, что происходят и негативные изменения этих отношений, которые в синтезе определяют смысл, направление и наполненность социально-экономических трансформаций отношений между субъектами организаций.

Стержневым субъектом цифровой экономики, предложенным Д. Тапскоттом и определяющим характер трансформации социальных отношений, является эффективная личность. Ее результативность базируется на приобретенном человеческом капитале, включающем самые разнообразные знания и умения. Во-первых, актуальным становится приобретение такой совокупности знаний, которая включает не только профессиональные познания, но и электронно-коммуникационные компетенции. Во-вторых, цифровизация экономики освобождает личность от давления иерархий, но требует проявления индивидуальных особенностей каждого сотрудника [17]. В-третьих, эффективность деятельности работника в современных условиях во многом зависит от того, насколько личность сможет отфильтровывать и перерабатывать огромное количество информации. В-четвертых, для работника необходимо активное участие в инновационных процессах, что требует комплексного развития всех его качеств: интеллектуальной активности, заинтересованности в освоении знания и создании новых. Следствием использования этих качеств является формирование так называемых компетенций *soft skills*, направленных на личностный рост, самореализацию и развитие.

Вместе с тем включение в социальное пространство предприятия виртуального пространства сетей оказывает непосредственное влияние на поведение персонала. Во-первых, если в социально-экономическое пространство реального предприятия специалисту нелегко войти и его покинуть, в силу значительного числа требований к качествам для отбора и наличия личной ответственности, привязанности к коллегам и организации, то проникновение в его виртуальную часть осуществляется проще, чаще всего на основе имеющихся знаний и компетенций, а выход из него вообще элементарен: специалист может покинуть пространство организации по своему желанию, не соединенный ни с кем эмоциональными связями симпатий и сопереживанием совместно достигнутых результатов. В виртуальном пространстве предприятия иначе формируется идентификация личности, она становится «мобильной идентификацией», которая определяется возможностью личности не только ее конструировать, но и переконструировать. Последствием является значительно более слабая связь специалиста с данным предприятием, по сравнению с ситуацией пребывания в реальном поле организации.

Все остальные уровни цифровой экономики, предложенные Д. Тапскоттом, касаются процессов приращения социального капитала организации. Следующий уровень цифровой экономики организации — это высокопроизводительный коллектив, команда. В основе построения такой команды лежит концепция «TeamWork», имеющая целью организацию эффективной работы в команде как одном из актуальных направле-

ний в построении новых социально-виртуальных отношений [18]. Рассмотрим положительное состояние коллектива, позволяющее создавать условия для результативной, успешной совместной работы в условиях цифровизации экономики предприятия. В этих условиях в организациях появляются виртуальные команды, имеющие чаще всего проектную форму и различную направленность: научно-исследовательскую, коммерческую, управленческую, социальную и т. д. Использование этой конфигурации коллективной работы позволяет достичь целого ряда позитивных эффектов: упрощение оформления специалистов, привлеченных к участию в виртуальной команде, в кадровой службе той или иной организации; включение в команду высококвалифицированных ключевых специалистов, в том числе проживающих как на территории России, так и за рубежом; постоянную ротацию персонала в зависимости от достигнутых результатов в работе команды предыдущего проекта [19]. В условиях виртуальной команды все ее участники проявляют большую гибкость во взаимодействии, что выражается в таких качествах, как адаптивность, осведомленность, мгновенная реакция, удовлетворение от успехов действий членов своей команды [20].

В то же время такие команды не всегда приобретают положительные черты в своей деятельности. К примеру, недостаточно используется потенциал команды как общности в классическом понимании слова [21]. Понятие общности используется для описания характера взаимодействия сотрудников организации, которая создает некое единство своих работников в рамках данной структуры, в том числе и за счет конкретного, ограниченного территориального расположения. Сейчас все чаще каждая организация добавляет еще и виртуальную среду, в которую входят как сотрудники, входящие в штат, так и внештатно работающие. Существует мнение, что виртуальная общность больше базируется на интересах людей, чем на чувстве их духовной и социальной близости. Для многих сотрудников они друг для друга лишь «информационные единицы» [22]. Поэтому работа в такой команде не будет настолько устойчивой и предсказуемой, как это было возможно в прежних условиях соучастия в реальном пространстве какой-то подструктуры организации. Кроме того, успех командной работы требует чувства сотрудничества, которое не сможет сформироваться без взаимного доверия между сетевыми субъектами. Виртуализация и разброс участников команды существенно трансформирует социальные отношения в сторону их анонимности, отсутствия сплоченности и потери чувства причастности к коллективу. В таких условиях доверие становится ключевой проблемой членов виртуальных команд [23], поскольку совместная работа с привлечением специалистов из интернет-сетей базируется только на активном личностном присутствии и восприятии участниками общей ситуации, что зачастую не компенсирует их рассогласованность.

Третий элемент цифровой экономики — интегрированное предприятие. Иными словами, цифровая экономика ориентирована помимо знаний и развития инновационного потенциала на интеграцию [24], что способствует приращению социального капитала. Рассмотрим положительные результаты внедрения интеграционных процессов в организации. Прежде всего это касается подготовки и переподготовки кадров предприятия. Сейчас во всем мире интеграция выбирается как ведущая стратегия организаций, итогом которой являются развитие профессионализма и повышение включенности

сотрудников в поле деятельности предприятия с целью повышения производительности [25]. Интеграция необходима для обеспечения целостности и сбалансированности всей совокупности общественных отношений организации. И обеспечивается она с помощью использования электронных технологий и цифровых информационно-коммуникационных процессов. В данном случае цифровые технологии выполняют ту же роль, что и конвейер во времена Ф. Тейлора. Интегрированность касается также системы управления предприятием, которая обеспечивается за счет применения новых цифровых технологий и систем управления, позволяющих моделировать сложные, уникальные процессы, повышать обоснованность и оперативность принимаемых решений, переводить компанию на более высокий конкурентоспособный уровень.

На фоне общих положительных результатов проблема остается на уровне формирования социальных отношений сотрудников организации, которые соответствовали бы процессу интеграции. Основное противоречие заключается в том, что, с одной стороны, в основе этих отношений лежит чувство дружелюбия, близости, родственности, а с другой — подобные отношения трудно создаются даже в реальном пространстве организации, поскольку перечисленные выше чувства формируются только тогда, когда сотрудники работают вместе не один год, зачастую в постоянном составе. В условиях цифровизации эти отношения не являются продолжительными, и в них вторгается посредник: территориальное, социальное или виртуальное расстояние, поэтому ощущение дружественности, родственности, духовной близости не формируется. В результате интеграция будет создаваться временно, за счет совместного выполнения разделенного на отдельные процедуры трудового процесса в условиях дробления пространства деятельности организации на реальную и виртуальную части.

Четвертый уровень цифровой экономики — расширенное предприятие. Опишем позитивные стороны процесса расширения. Во-первых, организации меняют взгляд на создание своего бренда. В современных условиях цифровизации бренд организации должен быть известным, привлекательным, управляемым и развивающимся, поскольку высокопрофессиональные специалисты часто сами находят нужную компанию для реализации своих интересов. Вместе с тем и организации в последнее время широко используют социальные сети для привлечения специалистов с цифровыми компетенциями через HR-бренд. Во-вторых, компании в ситуации использования эффектов цифровизации могут осуществлять расширение за счет создания отраслевых и межотраслевых партнерских отношений с целью совместного финансирования и выполнения инновационных проектов, снижения рисков неопределенности среды, разработки и реализации принципов политики взаимодействия с государственными структурами, технологическими, исследовательскими центрами, организации различных экспертно-консультационных центров, конкурсов, направленных на решение перспективных проблем и текущих вопросов и бизнес-задач.

При построении модели расширенного предприятия самым проблематичным является именно сфера социальных отношений. Переходим к описанию отрицательных последствий процесса расширения организации. Общими направлениями осуществления цели расширения компании являются рост привлекательности компании для специалистов в различных сферах деятельности, постоянное изменение системы управле-

ния, в том числе за счет образования ассоциаций организаций как внутри, так и между отраслями. Это приводит к тому, что происходит рост мобильности работников, текучести кадров за счет вовлечения сотрудников через деятельность в сетях в различные виртуальные поля организаций, что не может не сказаться на социальной, культурной трансформации сообщества конкретной организации, зачастую противоречит процессу интеграции предприятия, инициирует переход сотрудников в другие, более успешные компании.

Пятый уровень цифровой экономики — межсетевая среда. Конструирование оптимальной для цифровой экономики межсетевой среды начинается с цифрового проектирования; IoT и автоматизации производства; виртуализации; кроссканальных коммуникаций и мобильных технологий. Межсетевая среда включает такие социотехнические технологии, как обработка больших массивов информации Big Data, краудсортинг, предиктивную аналитику, APIs для быстрой разработки, P2P формы, Distributed leders. Весь этот арсенал средств в корне меняет суть сетевого взаимодействия: он способствует развитию пользователей, формирует коллективную сетевую компетентность, что, несомненно, приводит к совершенствованию межсетевой среды, происходящей за счет сбалансированных различных интересов субъектов, синтеза новых знаний, выявления и решения возникающих проблем, оперативного их устранения.

Естественно, что сложность социально-экономических процессов с участием людей заключается в получении не только положительных результатов, но и негативных последствий. К их числу относятся следующие:

- увеличение разрыва между скоростью появления и внедрения новых цифровых технологий и умением персонала их использовать, следствием являются снижение производительности и потеря компанией конкурентоспособности;
- временный характер социального капитала организации, который формируется на определенное время и не накапливается, а теряется после окончания срока осуществления персоналом совместной деятельности в рамках выполнения проектных задач.

Выводы

Цифровизация экономики — это необратимый, полномасштабный и глубокий процесс, охвативший все страны, экономику и социум. В основе этих изменений лежат цифровые технологии, виртуальная среда и социальные сети межличностных коммуникаций. Плюсами этого процесса являются увеличение потенциала получения и обработки больших потоков информации, позволяющих организациям поднять уровень своей конкурентоспособности и получить преимущества по сравнению с другими предприятиями; повышение человеческого потенциала сотрудников предприятия и его постоянное развитие за счет привлечения специалистов в разных областях знаний для работы на предприятии в качестве сотрудников виртуальных команд; оперативное решение возникающих проблем и обеспечение своевременных ответов на постоянно растущие вызовы внешней среды; рост социального капитала с помощью процессов интеграции и расширения информационно-коммуникативных связей с различными административ-

ными, экономическими и социальными агентами коллективного и индивидуального уровня.

В то же время цифровизация организаций имеет и негативные последствия, особенно в сфере развития социально-экономических отношений между сотрудниками, а также персоналом и организацией как коллективным субъектом. В чем они выражаются?

Во-первых, возрастает опасность для специалистов потерять ориентиры в потоке информации и не справиться с ее структурированием и осмыслением, возникает также риск не успеть освоить инновации в самих цифровых технологиях. Подобная ситуация будет способствовать замене работников на роботов. Во-вторых, снижается ценностное единство коллективов, их духовное родство, что существенно ухудшает процессы интеграции организации. Персонал организации в условиях цифровизации связывает вместе только разделение труда и кратковременные совместные интересы, которые быстро меняются, что увеличивает неопределенность этих отношений и социальной среды предприятия. В-третьих, в цифровых организациях в силу распыленности персонала в виртуальной среде не формируется доверительная среда, делающая совместный труд средой единомышленников и соратников. В-четвертых, опосредованность отношений между работниками предприятия, цифровыми технологиями и социальными сетями затрудняет построение системы «человеческих отношений» в компании, о которых в свое время писал Э. Мэйо, возвращает нас в условия конвейерно-операционных взаимодействий Ф. Тейлора, в которых персонал является лишь техническим средством. В-пятых, происходит разрушение институциональной среды, снижается порядок, растет неопределенность, повышаются риски, под угрозу ставится миссия организаций, направленная на удовлетворение растущих потребностей социума. В конце хочется поставить многоточие, поскольку тенденции заметны, но что с этим делать, пока не знает никто.

Библиографический список

- [1] Халин, В. Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова. – DOI 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.
- [2] Negroponte, N. Bit by bit on Wall Street : Lucky Strikes Again / N. Negroponte. – URL: <https://www.wired.com/1994/05/negroponte-6/> (data of application: 28.11.2020). – Text : electronic.
- [3] Зубарев, А. Е. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики / А. Е. Зубарев. – Текст : непосредственный // Вестник ТОГУ. – 2017. – №4 (47). – С. 177–184.
- [4] Якутин, Ю. В. Российская экономика : стратегия цифровой трансформации (к конструктивной критике правительственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации) / Ю. В. Якутин. – Текст : непосредственный // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2017. – № 4. – С. 27–52.

- [5] Урманцева, А. Цифровая экономика : как специалисты понимают этот термин / А. Урманцева. – Текст : электронный // РИА Новости : сайт. – URL: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html> (дата обращения: 16.01.2021).
- [6] Михайлов, А. В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики / А. В. Михайлов. – Текст : непосредственный // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2019. – № 3. – С. 7–13.
- [7] Доклад Всемирного Банка о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum> (дата обращения: 01.02.2021). Текст : электронный.
- [8] Arntz, M. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries : A Comparative Analysis / M. Arntz, T. Gregory, U. Zierahn. – Text : electronic // OECD Social, Employment and Migration Working Paper. – 2016. – № 189. – URL: <https://doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en>
- [9] Frey, C. B. The future of employment : How susceptible are jobs to computerisation? / C. B. Frey, M. A. Osborne. – DOI 10.1016/j.techfore.2016.08.019. – Direct text // Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – Vol. 114. – P. 254–280.
- [10] Sorgner, A. The Effects of Digitalization on Gender Equality in the G20 Economies / A. Sorgner, E. Bode, C Krieger-Boden. – Kiel : Kiel Institute for the World Economy, 2017. – URL: https://www.emsdialogues.org/wp-content/uploads/2017/08/20170707_W20_Studie_v2.5.pdf. – Text : electronic.
- [11] Newman, L. W. Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches / L. W. Newman. – USA : Allan and Bacon, 1994. – 599 p. – Direct text.
- [12] Bonnell, V. E. The use of theory, concepts and comparison in historical sociology / V. E. Bonnell. – Direct text // Comparative Studies in Society and History. – 1980. – № 22. – P. 156–173.
- [13] Skocpol, T. Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology / T. Skocpol. – Direct text // Vision and Method in historical sociology ; Edited by T. Skocpol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 356–392.
- [14] Tapscott, D. The Digital Economy Anniversary Edition : Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott. – New York : McGraw-Hill, 2014. – 448 p. – Direct text.
- [15] Метод крайних значений. – Текст : электронный. // Academic.ru : сайт. – URL: https://normative_reference_dictionary.academic.ru/35217/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B8%D1%85_%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 20.11.2021).
- [16] Сагдеева, Л. С. Человеческий капитал как фактор устойчивого развития в условиях цифровой экономики / Л. С. Сагдеева, С. М. Коробко. – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 31 (2). – С. 211–214.
- [17] Бард, А. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист. – Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с. – Текст : непосредственный.

- [18] Абрамов, В. Л. Интеллектуальные ресурсы конкурентоспособности современной организации / В. Л. Абрамов. – Текст : непосредственный // Открытое образование. – 2005. – № 2. – С. 76–80.
- [19] Спасенников, В. В. Теория и практика формирования виртуальных команд для совместной деятельности в условиях цифровой экономики / В. В. Спасенников. – Текст : непосредственный // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 265–283.
- [20] Алетдинова, А. А. Появление коллективной сетевой компетенции при цифровой трансформации экономики / А. А. Алетдинова, А. И. Кипришева. – Текст : непосредственный // Вестник Сибирского университета потребкооперации. – 2017. – № 3. – С. 20–24.
- [21] Poplin, E. D. *Communities : A Survey of Theories and Methods of Research* / E. D. Poplin. – 2nd edition. – New York : Macmillan, 1979. – 334 p. – Direct text.
- [22] Sivanandan, A. *Heresies and Prophecies : The Social and Political Fallout of the Technological Revolution : an interview* / A. Sivanandan. – L.: Verso, 1997. – 294 p.
- [23] Tracey, P. *Alliances, networks and competitive strategy : rethinking cluster of innovation* / P. Tracey, G. L. Clark. – Text : electronic // *Growth and Change*. – 2003. – Vol. 34, Issue 1. – URL: <https://doi.org/10.1111/1468-2257.00196>.
- [24] Connos, M. *The Race to the Intelligent State : Towards the Global Information Economy of 2005* / M. Connos. – Oxford : Cambridge Mass Blackwell Business, 1993. – 221 p. – Direct text.
- [25] Сайфуллина, Л. Д. Управление человеческим капиталом в системе цифровых экономических отношений / Л. Д. Сайфуллина. – DOI 10.17513/fr.42306. – Текст : непосредственный // *Фундаментальные исследования*. – 2018. – № 11–1. – С. 92–96.

References

- [1] Khalin, V. G., & Chernova, G. V. (2018). Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. *Administrative Consulting*, (10), pp. 46-63. (In Russian). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63
- [2] Negroponte, N. Bit by bit on Wall Street: Lucky Strikes Again. (In English). Available at: <https://www.wired.com/1994/05/negroponte-6/>
- [3] Zubarev, A. E. (2017). The Digital Economy as Expression of Regularities in the New Economy Development. *Bulletin of Tomsk State University*, (4(47)), pp. 177-184. (In Russian).
- [4] Yakutin, Yu. V. (2017). The Russian economy: a strategy for digital transformation (Constructive criticism of the government programme "Digital economy of the Russian Federation"). *Management and Business Administration*, (4), pp. 27-52. (In Russian).
- [5] Urmanceva, A. Cifrovaya ekonomika: kak specialisty ponimayut etot termin. (In Russian). Available at: <https://ria.ru/science/20170616/1496663946.html>

- [6] Mikhaylov, A. V. Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o predprinimatel'skoy deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki. Pravo i biznes. Prilozhenie k zhurnalu "Predprinimatel'skoe pravo", (3), pp. 7-13. (In Russian).
- [7] Doklad Vsemirnogo Banka o mirovom razvitii 2016 "TSifrovye dividend". (In Russian). Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum>
- [8] Arntz, M., Gregory, T., & Zierahn, U. (2016). The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis. OECD Social, Employment and Migration Working Paper, (189). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1787/5jlz9h56dvq7-en>
- [9] Frey, C. B., & Osborne, M. A. (2017). The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*, 114, pp. 254-280. (In English). DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019
- [10] Sorgner, A., Bode, E., & Krieger-Boden, C. (2017). The Effects of Digitalization on Gender Equality in the G20 Economies. Kiel, Kiel Institute for the World Economy. (In English). Available at: https://www.emsdialogues.org/wp-content/uploads/2017/08/20170707_W20_Studie_v2.5.pdf
- [11] Newman, L. W. (1994). *Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches*. USA, Allan and Bacon, 599 p. (In English).
- [12] Bonnell, V. E. (1980). The use of theory, concepts and comparison in historical sociology. *Comparative Studies in Society and History*, (22), pp. 156-173. (In English).
- [13] Skocpol, T. (1984). *Emerging agendas and recurrent strategies in historical sociology. Vision and Method in historical sociology*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 356-392. (In English).
- [14] Tapscott, D. (2014). *The Digital Economy Anniversary Edition: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, McGraw-Hill, 448 p. (In English).
- [15] Metod kraynikh znacheniy. (In Russian). Available at: https://normative_reference_dictionary.academic.ru/35217/%D0%9C%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B8%D1%85_%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9
- [16] Sagdeeva, L. S., & Korobko, S. M. (2019). Human capital as a factor of sustainable development in the conditions of digital economy. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, (31(2)), pp. 211-214. (In Russian).
- [17] Bard, A., & Zoderkvist, Ya. (2004). *NETOKRATIYA. Novaya pravyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. St. Petersburg, Stockholm School of Economics in St. Petersburg Publ., 252 p. (In Russian).
- [18] Abramov, V. L. (2015). Intellektual'nye resursy konkurentosposobnosti sovremennoy organizatsii. *Otkrytoe obrazovanie*, (2), pp. 76-80. (In Russian).
- [19] Spasennikov, V. V. (2019). Teoriya i praktika formirovaniya virtual'nykh komand dlya sovmestnoy deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, 4(4), pp. 265-283. (In Russian).
- [20] Aletdinova, A. A., & Kiprisheva, A. I. (2017). The Emergence of Collective Network Competence in Conditions of Digital Economy Transformation. *Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperation*, (3), pp. 20-24. (In Russian).

- [21] Poplin, E. D. (1979). *Communities: A Survey of Theories and Methods of Research*. 2nd edition. New York, Macmillan, 334 p. (In English).
- [22] Sivanandan, A. (1997). *Heresies and Prophecies: The Social and Political Fallout of the Technological Revolution: an interview*. L., Verso. (In English).
- [23] Tracey, P., & Clark, G. L. (2003). Alliances, networks and competitive strategy: rethinking cluster of innovation. *Growth and Change*, 34(1). (In English). Available at: <https://doi.org/10.1111/1468-2257.00196>
- [24] Connos, M. (1993). *The Race to the Intelligent State: Towards the Global Information Economy of 2005*. Oxford, Cambridge Mass Blackwell Business, 221 p. (In English).
- [25] Sayfullina, L. D. (2018). Management of human capital in the system of digital economic relations, (11-1), pp. 92-96. (In Russian). DOI: 10.17513/fr.42306

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 27/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 03/12/2021

УДК 316.628:711.4

Социальные технологии вовлечения жителей в проектирование благоустройства общественных пространств в Краснодарском крае

Наталья Михайловна Лавренюк-Исаева, Элина Галиевна Исрафилова

Кафедра социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Аннотация. Конкурсы проектов разного статуса в России стали стимулом развития социальных технологий как инструментов конструирования социальной реальности. Вовлечение в этот процесс местных жителей дает им возможность осознать свою идентичность, реализовать право выбора, внести вклад в благоустройство, а организаторам — согласовать общее видение. Это не простой вопрос, решаемый исследователями; он приводит к поиску новых техник и технологий изучения, к разработке и апробации практик соучастия. Статья посвящена результатам исследования, направленного на изучение технологий вовлечения жителей в проектирование благоустройства общественных пространств на примере заявок участников Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды в малых городах и исторических поселениях Краснодарского края за 2019–2020 годы. Авторами на основе анализа проведенных в рамках подготовки конкурсных заявок результатов социологических исследований и кейсов на соответствие конкурсных заявок критериям, обозначенным в методике оценки заявок, сделаны обобщения о значении социальных технологий вовлечения жителей в благоустройство общественных пространств с позиций создания ценностей. Сделаны выводы о положительной динамике применения практик вовлечения разработчиками заявочной документации в отношении разнообразия и тиражирования техник и общих технологий вовлечения жителей, а также о необходимости контроля реализации, заявленного в плане событийной повестки, волонтерской деятельности и общественного контроля за реализацией. Перспективы изучения связаны с масштабированием анализа кейсов, выявлением оригинальных решений вовлечения и контент-анализом в социальных сетях результатов реализации конкурсных заявок как в Краснодарском крае, так и в других регионах России, с систематизацией знаний о территориях и местных сообществах.

Ключевые слова: социальные технологии, проектирование благоустройства общественных пространств, Краснодарский край.

Social technologies for involving residents in the design of public space improvement in the Krasnodar Territory

Natalya M. Lavrenyuk-Isaeva, Elina G. Israfilova

Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University, Ufa, Russia

Abstract. Competitions of projects of different status in Russia have become an incentive for the development of social technologies as tools for constructing social reality. The involvement of local residents in this process gives them the opportunity to realize their identity, exercise the right to choose, contribute to the improvement, and the organizers can agree on a common vision. This is not a simple question, solved by researchers, leads to the search for new techniques and technologies of study, to the development and testing of practices of participation. The article is devoted to the results of a study aimed at studying the technologies of involving residents in the design of public space improvement on the example of applications from participants of the all Russian competition for the best projects for creating a comfortable urban environment in small towns and historical settlements of the Krasnodar Territory in 2019-2020. The authors, based on a descriptive analysis of cases on the compliance of competitive applications with the criteria specified in the application evaluation methodology, generalize about the importance of social technologies for involving residents in the improvement of public spaces from the point of view of creating values. Conclusions are drawn about the positive dynamics of the use of engagement practices by the developers of the application documentation in relation to the diversity and replication of techniques and general technologies for involving residents, as well as the need to monitor the implementation of the stated plan of the event agenda, volunteer activities and public control over the implementation. The prospects of the study are related to scaling up the analysis of cases, identifying original solutions for engagement and content analysis in social networks of the results of the implementation of competitive applications, both in the Krasnodar Territory and in other regions of Russia.

Keywords: social technologies, design of improvement of public spaces, Krasnodar Territory.

Введение

Значение общественных пространств для жизни людей как в крупных, так и в малых городах чрезвычайно велико. Общественные пространства являются неотъемлемой частью любого города, способствующей формированию местного сообщества и ретрансляции культурных ценностей. Общественные пространства создают атмосферу общения и взаимодействия, задают определенный ритм городской жизни.

Цель данного исследования — уточнение феномена социальных технологий вовлечения жителей в благоустройство общественных пространств и проявления их значения в Краснодарском крае в рамках участия во Всероссийском конкурсе лучших проектов создания комфортной городской среды. Гипотетически следует ожидать, что рост интереса к проблемам формирования городской среды приведет к развитию арсенала социальных технологий вовлечения населения в проектирование общественных пространств.

Литературный обзор

Вопросы формирования городской среды с привлечением различных социальных групп широко обсуждаются как за рубежом, так и в российском научном сообществе. В современных городских исследованиях доминируют идеи экосистемного подхода, средовая парадигма взаимодействия человека, общества и городских пространств в русле концепций креативной экономики [1], креативного города [2] и креативного класса [3; 4].

На абстрактном уровне социальные технологии вовлечения жителей представляют любые формы и способы применения теоретических выводов в практических целях. Такое понимание близко определению социальной технологии К. Поппера в концепции социальной инженерии: «Piecemeal social engineering», состоит в постепенном, последовательном, пошаговом или поэтапном осуществлении социальных преобразований. [5; 6] *На конкретном уровне социальные технологии* — инструмент, «набор норм, предписаний и запретов; выступающих как изначально заданный поведенческий или деятельностный стандарт; как алгоритм деятельности, задающий порядок и содержание действий людей в привязке к определенной ситуации и решаемой задаче» [7; 8]. Главное преимущество социальных технологий в том, что их формализация и апробация в аналогичных ситуациях приводят к достижению поставленных целей.

Социальные технологии вовлечения жителей в проектирование благоустройства общественных пространств по степени их вовлеченности можно поделить на первичные и вторичные. Первичные связаны с выявлением, формированием и работой заинтересованных жителей. Это возможно путем анализа пространства города в трех плоскостях: воспринимаемое, постигаемое и проживаемое [9], изучая повседневный опыт жителей. Вторичные — с созданием ядер — постоянно действующих структур вовлеченных, которые увлекают других заинтересованных [10].

Существует ряд работ, в которых раскрыта тема соучастия населения при проектировании городской среды: изучены теоретические концепции и взгляды, предшествующие развитию метода соучаствующего проектирования [11–13], проанализированы российские и зарубежные примеры соучаствующего проектирования городских общественных пространств [14], описаны разнообразные подходы к переосмыслению городских пространств в рамках творческой самореализации горожан [15]. На основе обратной связи с населением проанализированы итоги реализации муниципальных программ «Формирование современной городской среды» [16], проведены социологические исследования, направленные на изучение опыта взаимодействия городских активистов с представителями власти г. Москвы и г. Томска в непосредственной практике физического изменения городской среды [17].

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы, направленные на изучение основных управленческих практик вовлечения населения в проектирование общественных пространств в регионах России. Так, на примере Архангельской области исследователями обобщен опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды. Авторы пришли к выводу о том, что существующие способы взаимодействия власти и горожан представляют собой односторонний процесс и зачастую сводятся к формальному исполнению муниципалитетами требований нормативно-правовых актов, регулирующих реализацию проектов по формированию комфортной городской среды. Авторы предлагают разработать коммуникативную модель управления городским пространством на основе постоянного взаимодействия муниципальных органов власти и горожан [18]. В результате исследований, проведенных в городах Вологодской области, получены данные о том, что соучаствующее проектирование уравнивает баланс социального и физического пространств, гармонизирует социальную сферу города в целом [19].

С 2016 г. активизированы исследования по актуальным вопросам изучения городской среды [18] и благоустройства городов Краснодарского края, как в рамках реализации программы «Формирование современной городской среды» на 2018–2022 годы [20], так и в русле личных инициатив. Широкую известность получил проект предпринимателя С. Галицкого по возведению суперсовременного стадиона и примыкающего к нему парка [21]. Изучаются проблема баланса общих и частных интересов в городском пространстве г. Краснодара [22], а также практики участия краснодарской молодежи в креативном производстве и потреблении (на примере творческих проектов арт-групп «ЗИП» и Recycle) [23].

Однако, несмотря на широкий круг научных работ, посвященных вопросам соучаствующего проектирования, теоретико-методологические основы практического применения социальных технологий вовлечения населения в формирование общественных пространств с целью благоустройства находятся в статусе активного формирования, что и обуславливает актуальность проводимого исследования.

Методы и материалы

Изучение поставленных вопросов реализовано с помощью последовательного описательного, сравнительного анализа выбранных конкурсных заявок на официальном сайте Минстроя РФ из Краснодарского края за 2019 и 2020 гг., которые рассмотрены как кейсы. Кейс-диагностика проведена поэлементно. Элементами стали позиции критериев для отбора конкурсных заявок и их содержательное наполнение.

Информация об опросах 2019-2020 г. жителей городов Краснодарского края (Тихорецк, Курганинск, Лабинск, Тамань)

	Тихорецк	Курганинск	Лабинск	Тамань	Всего
Количество проживающих	56 262	47 975	58 498	10 027	172 762
Количество трудоспособного населения (18+)	45 780	38 049	46 775	8 223	138 827
Дата проведения опроса	Апрель 2020 г.	Март–Апрель 2020 г.	Декабрь 2019 г.	Март–Апрель 2020 г.	2019–2020 гг.
Организатор исследования	Администрация Тихорецкого городского поселения	Администрация Курганинского городского поселения	Администрация Лабинского городского поселения	Администрация Таманского поселения	4
Всего опрошено*	256	4364	1555	522	6 697
Из них молодежь в возрасте 18–30 лет	179 (70 %)	1 832 (42 %)	497 (32 %)	223 (42,9 %)	2 725 (40,7 %)
Из них население в возрасте 30–40 лет	31 (12 %)	1 527 (35 %)	575 (37 %)	188 (36,2 %)	2 357 (35,2 %)
Метод опроса	Онлайн- и Офлайн-анкета	Онлайн-опрос, анкета	Онлайн-опрос, анкета	Онлайн-опрос, анкета	

*Примечание: авторы не участвовали в реализации опросов и не могут гарантировать их качество.

Источник: таблица составлена Э. Г. Исрафиловой на основе содержания конкурсных заявок.

Заявки участников от малых городов и исторических поселений Краснодарского края проанализированы методом вторичного анализа данных в соответствии с методикой оценкой заявок на участие во Всероссийском конкурсе лучших проектов комфортной городской среды 2019 и 2020 гг. на предмет соответствия критериям по степени и разнообразию форм участия граждан и общественности на всех этапах подготовки и реализации проекта. Данные критерии позволяют оценить комплексность и качество социально-культурного предпроектного исследования территории, а именно в области определения потенциальных групп пользователей, заинтересованных в ее развитии, определения их интересов, запросов и потребностей, а также проанализировать степень раскрытия актуальной роли и значения территории общественного пространства, представленной к проекту, выявить ее существующие и утраченные функции, ценности, проблемы, требующие решения. Также отдельно разобраны результаты социокультурных предпроектных исследований победителей конкурса 2020 года.

Результаты

На процесс вовлечения жителей в процесс модернизации общественных пространств ориентирован Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды, организованный в 2018 году в рамках реализации федерального проекта. Он призван «перезагрузить» жизнь в малых городах численностью до 100 тысяч человек и исторических поселениях путем создания новых общественных пространств и объектов социокультурного значения.

Особенность проекта «Формирование комфортной городской среды» состоит в том, что его важнейшим принципом является ориентация на активное участие жителей в обсуждении и принятии решений по благоустройству территории проживания, по отбору объектов для благоустройства, в проектировании и их воплощении. Реализация проекта опирается не только на возможности административного ресурса, но и на инициативу населения на решение конкретных задач территориального развития и благоустройства. Основные результаты онлайн и офлайн-анкетирования жителей администрациями поселений (таблица; выборка стихийная) позволили определить социально-демографические категории будущих пользователей территории, выявить существующие проблемы, наметить необходимые коммерческие сервисы и мероприятия, обозначить потребности населения в отношении проектируемой территории и требования к инфраструктуре на основе мнений представителей возрастных групп 18–40 лет. Население третьего возраста вовлекалось в исследование через участие в проектных семинарах и вебинарах, в глубинных интервью. Вопросы, обсуждаемые на проектных вебинарах, схожи с вопросами анкеты о благоустройстве (проблемы, ценности территории, предлагаемые изменения), однако формат проектных вебинаров с последующим созданием рабочих чатов предполагает более качественную и глубинную работу. Участники вебинаров и глубинных интервью — активные горожане разных профессий (предприниматели, журналисты, музыканты, руководители творческих мастерских и музыкальных групп, работники культуры, а также представители разных городских сообществ, включая пенсионеров).

По условиям Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды участники должны предоставить проект, оценка которого включает, наряду с другими критериями, реализацию принципов соучаствующего проектирования, которые заключаются в следующих мероприятиях:

- 1) организация открытых общественных обсуждений, в ходе которых планируется обсуждение как функций благоустраиваемой территории, так и перечня мероприятий, реализуемых в рамках проекта;
- 2) проведение разнообразных информационных кампаний по привлечению жителей населенного пункта к подготовке проекта, в том числе, широком анонсировании общественного обсуждения;
- 3) описание механизма согласования выбора территории с жителями населенного пункта (с представлением подтверждающей информации);
- 4) использование различных инструментов соучаствующего проектирования (проведение общегородских проектных семинаров, встреч с различными группами пользователей территории, потенциальных бенефициаров, в том числе и через онлайн-мероприятия);
- 5) формирование стратегии вовлечения жителей населенного пункта на последующих этапах работы над проектом.

Еще одной важной чертой предпроектного исследования является разработка программы развития общественного пространства после реализации проекта. В заявке должен быть представлен механизм управления территорией, перечислены конкретные формы событийного наполнения пространства и мероприятия, предусмотрено привлечение добровольческих, волонтерских, некоммерческих и бюджетных организаций, бизнес-сообществ учреждений культуры и образования и т. д. Кроме того, должны быть созданы сайт проекта, группы в соцсетях и чаты в мессенджерах для вовлечения жителей населенного пункта в реализацию проекта.

Более подробно обратимся к рассмотрению и анализу заявок участников, впоследствии ставших победителями конкурса в 2020 году. Так, в рамках социокультурного предпроектного исследования в станице Тамани (проект «Тамань. Берег трех морей. Благоустройство площади Ушакова») в полной мере был реализован инструментарий соучаствующего проектирования.

1. Определены потенциальные группы пользователей, заинтересованных в развитии территории, а именно молодежь, подростки, общественные организации, ТОСы, представители малого бизнеса, представители местного казачества, туристы, мамы с детьми, пенсионеры, ветераны и инвалиды. Были описаны их интересы и потребности относительно проектируемой территории — площади Ушакова. Предложения по вопросу выбора территории, а в дальнейшем и перечня мероприятий, реализуемых в ходе проекта, обсуждались на заседаниях общественной комиссии, в которой, кроме представителей администрации поселения, принимали участие депутаты, ТОСы, Совет ветеранов, руководители НКО, активисты.

2. Привлечены представители различных некоммерческих организаций, бюджетных учреждений, учреждений культуры (Таманский музейный комплекс, Совет ветеранов, Штаб Таманского станичного казачьего общества и др., Территориальное

общественное самоуправление), а также представители бизнес-сообщества (ЗАО «Гаманьнефтегаз», гостиничный комплекс «Диканька»).

3. Организована активная работа в соцсетях и интернет-ресурсах. Был проведен интерактивный анкетный опрос, организованный посредством Google-анкеты, в котором приняли участие 522 человека. Данное мероприятие позволило привлечь жителей населенного пункта к подготовке проекта, а также выявить их основные потребности в вопросе благоустройства проектируемой территории.

4. Население было вовлечено в обсуждение проекта посредством онлайн-технологий — через официальный сайт администрации, официальную страницу социальной сети «ВКонтакте» и сеть Инстаграм.

5. Предоставлена стратегия вовлечения жителей станицы и на этапах реализации проекта — на площади планируют организовывать разнообразные мероприятия: праздники, фестивали, ярмарки, концерты, мастер-классы с участием представителей малого и среднего бизнеса, бюджетных организаций, учреждений образования и др.

Кроме того, организаторами исследования определены существующие и утраченные функции территории, а также выявлены проблемы, требующие решения: отсутствие уличного освещения на площади, отсутствие обустроенных парковочных мест, зеленых насаждений, клумб, газонов, а также детских площадок. Качественно и детально описаны актуальная роль и значение территории для поселения — площадь Ушакова, имея огромный потенциал, в настоящее время почти не задействована в культурной жизни города, утрачена актуальность исторического места.

Как и жители станицы Тамани, так и команда организаторов города Лабинска в рамках исследования по проекту благоустройства общественной территории зоны отдыха «Чистые пруды» применили следующие социальные технологии:

1) организован сбор предложений по выбору территории методом голосования, в котором приняли участие 9 213 человек; 85,4 % отдали свои голоса за территорию бывших городских котлованов;

2) проведены анкетный опрос по выбору территории, опрос в социальных сетях для отбора трех самых интересных названий, рейтинговое голосование за выбор названия проекта, также интернет-голосование по обсуждению перечня мероприятий, реализуемых в рамках проекта;

3) проведен опрос жителей основных районов города по методу фокус-группы на предмет выбора территории;

4) организованы разнообразные встречи с общественными коллективами и организациями города (с представителями спортивных организаций и туристических клубов, творческих коллективов и объединений, волонтерских организаций и др.);

5) организованы встречи с представителями бизнес-сообщества, они проявили готовность к сотрудничеству и функционированию на обновленной территории общественного пространства;

6) выявлены потенциальные группы пользователей территории — участники туристических клубов, активные жители и гости города, участники спортивных мероприятий, школьники и студенты, члены общественных организаций и творческих

коллективов, пенсионеры, предприниматели; были проанализированы их интересы и запросы;

7) результаты исследований размещены на официальном сайте администрации города, в социальных сетях, на досках объявлений в общественных местах, объектах торговли и многоквартирных домах. У каждого была возможность в любое удобное время и в свободной форме выразить свое мнение, внести замечания и предложения любым удобным способом: в социальных сетях, по телефону или в форме письменного предложения на адрес администрации.

Исследователями также была разработана программа дальнейшего развития территории, предполагается, что территория станет значимой городской площадкой для проведения мероприятий в городе, будет использоваться круглогодично семьями с детьми, работниками культуры, учащимися школ, спортивными и танцевальными коллективами для тренировок и репетиций на свежем воздухе, общественными некоммерческими организациями для проведения мероприятий, местными художниками, организаторами выставок животных, обществом рыболовов для проведения соревнований по ловле рыбы и другими категориями населения.

В городе Тихорецке также были организованы мероприятия по вовлечению местного населения в рамках подготовки проекта благоустройства центрального парка:

1) проведен ряд социологических опросов, направленных на выявление портрета горожанина, его отношения к городу и общественным пространствам (256 участников), на выявление актуальной и востребованной территории (876 респондентов), на предмет выбора перечня мероприятий по благоустройству выбранной территорий (онлайн- и офлайн-формы, 256 респондентов);

2) выявлены потенциальные группы пользователей территории — активные горожане, местные жители, представители учреждений культуры, представители бизнеса. В проекте благоустройства центрального парка исследователи стремились учитывать интересы всех представителей заинтересованных групп населения;

3) были организованы проектные вебинары с участием активных горожан разных профессий (предприниматели, журналисты, музыканты, работники ДК, представители администрации города, представители различных общественных организаций) и созданы рабочие чаты в мессенджерах (порядка 25 рабочих чатов);

4) опубликованы результаты предпроектных исследований в газете «Тихорецкие вести», в социальных сетях «ВКонтакте» и Инстаграм, на официальном сайте администрации города и Центрального Тихорецкого парка, а также на других популярных страницах города и района.

5) использованы методы кабинетных и полевых исследований: изучены публикации в местных СМИ, посты и комментарии жителей в социальных сетях, социальные сценарии использования популярных городских территорий, проведены беседы с пользователями территорий на местах, выявлены места притяжения горожан;

6) организованы исследовательские прогулки с привлечением местных жителей, в рамках которых происходили встречи авторов проекта с жителями, городскими активистами и краеведами, представителями администрации. В результате этих прогулок были сделаны выводы о проблемах территории, обозначены ее утраченные функции;

7) проведен круглый стол с представителями предпринимательства города — ключевыми стейкхолдерами территории, на котором присутствовали 17 человек.

8) организованы обсуждения с представителями экспертного сообщества — специалистами в области архитектуры и социологии;

9) Тихорецким историко-краеведческим музеем был создан цикл коротких видеосюжетов в формате экскурсий, рассказывающий об истории города и центрального парка; видеосюжеты, размещенные на страницах сообществ города, посмотрели около 11 тыс. человек;

10) разработано событийное программирование территории с использованием 5 событийных площадок, которые можно будет использовать круглогодично.

Четвертым городом-победителем на конкурсе лучших проектов по формированию городской среды стал город Курганинск с проектом благоустройства водоема по ул. Таманской. В целях вовлечения населения города были задействованы следующие социальные технологии:

1) создана проектная лаборатория «Город через свое сердце», каждый желающий мог присоединиться к проектным командам и принять участие в исследовательских группах;

2) определены основные категории населения, заинтересованные в благоустройстве выбранной территории — это дети и их родители, учащиеся школ, спортсмены, взрослые люди, ведущие активный образ жизни, семьи, пенсионеры, местные художники и учащиеся художественной школы, группы людей с ограниченными физическими возможностями, члены сообществ юннатов и др. Авторы проекта стремились отразить интересы этих групп населения в программе реализации проекта, уделив особое внимание круглогодичному функционированию объекта проектирования;

3) проведено интервью с местными жителями;

4) на местном отделении радио «Европа плюс» был организован прямой эфир с участием Главы поселения;

5) проанализированы обсуждения и комментарии жителей в социальных сетях;

6) организованы исследовательские прогулки, по итогам которых были сделаны выводы о проблемах территории;

7) проведены общие собрания с активными горожанами различных профессий, представителями городских сообществ;

8) проведен социологический опрос населения методом анкетного опроса в условиях самоизоляции посредством Google-анкеты, в котором приняли участие 4 401 человек;

9) для анализа активности городских сообществ были рассмотрены метаданные с онлайн-платформ.

Обсуждение

По итогам анализа конкурсных заявок с проектами реконструкций городских парков в городах Кореновске и Темрюке за 2019 год можно сделать вывод о том, что основные механизмы соучаствующего проектирования почти не нашли применения в предпроектных ис-

следованиях участников. В конкурсных заявках отсутствует информация о проведении общественных обсуждений, семинаров и вебинаров, организации анкетных опросов, фокус-групп, работы с отдельными группами пользователей и т. д. В городах был организован сбор предложений от населения по вопросу выбора территории и перечня планируемых работ — в Кореновске было собрано более 3 000 предложений, в Темрюке менее 50.

Однако опыт вовлечения населения в проектирование городской среды в 2019 году заложил почву для развития методики и инструментария соучаствующего проектирования в последующие годы. В 2020 году от Краснодарского края было подано семь конкурсных заявок, четыре из которых вошли в число победителей конкурса. В рамках подготовки проектов командами организаторов были задействованы следующие способы реализации принципов соучаствующего проектирования:

- выявление потенциальных групп пользователей территории;
- организация анкетных опросов;
- проведение фокус-групп, форсайт-исследований, исследовательских прогулок и круглых столов;
- активная работа в соцсетях и интернет-ресурсах: организация проектных вебинаров, создание рабочих чатов в мессенджерах;
- разработка стратегии вовлечения жителей на всех этапах реализации проектов;
- использование в подготовке проектов методов кабинетных исследований.

Результаты заявок победителей конкурса с позиций кейс-диагностики показали основные результаты социокультурного исследования:

- 1) отсутствуют благоустроенные центры притяжения общественной жизни городов, не определена уникальность территорий, не созданы или находятся в ненадлежащем состоянии идентичные местам объекты;
- 2) местные жители не довольны состоянием или у них нет представлений о том, как должны быть организованы общественные пространства;
- 3) активные сообщества разнообразны, отличаются по интересам, обладают ценностным смысловым зарядом идентичности территорий и формируют событийную повестку.

Выводы

Анализ позволил заключить, что с каждым годом степень вовлеченности жителей в предпроектные социокультурные исследования в качественном и количественном отношении растет за счет участия в обсуждениях, волонтерских движениях, увеличения числа и разнообразия методик социологических опросов. Комплексные мероприятия, организованные в рамках конкурса, стали примером проектов, реализованных по методике соучаствующего проектирования. К обсуждениям и опросам привлекается все большее количество представителей различных социальных групп — будущих пользователей общественного пространства (представители бюджетных и коммерческих организаций, учреждений образования и культуры, представители НКО, депутаты и участники бизнес-сообществ), заинтересованных в развитии территории.

Авторы предпроектных исследований, наряду с количественными исследованиями, стремятся широко использовать инструментарий качественного сбора и анализа данных. В различных формах и форматах были организованы общественные обсуждения, глубинные интервью, фокус-группы, деловые игры, исследовательские прогулки, творческие конкурсы и пр.

Показано, что партисипативное проектирование — это позитивная инновация, которая только начинает внедряться в России. Решения инвесторов, архитекторов и урбанистов непосредственно влияют на жизнь граждан. Их участие в предпроектном исследовании способно повысить эффективность самого проекта. Жители постепенно привыкнув отстаивать «право на город», а архитекторы, экономисты и представители исполнительной власти также научатся новым принципам работы. Подобный процесс коллаборации способствует достижению общих целей в переосмыслении культурного кода города и позволяет горожанам по-новому взглянуть на среду своего обитания, это кардинальное изменение в развитии общественного сознания и восприятия городов. Поэтому перспективным видятся дальнейший научный поиск социальных технологий, их оценка и систематизация лучших практик вовлечения жителей в проектирование общественных пространств городов и исторических поселений России.

Действенность проекта «Формирование комфортной городской среды» как технологии вовлечения жителей в проектирование благоустройства общественных пространств проявляется в развитии компетенций социального конструирования у вовлеченных через совместное проектирование с профессионалами, расширяет представления о возможных преобразованиях, о новых стилях и образах среды жизни, о возможностях своего влияния. Служит драйвером развития их сплочения за счет устанавливаемых коммуникаций и созидательного взаимодействия, путем совместно формируемой событийной повестки, пользования и переноса опыта организации общественного пространства на дворовые территории и личные пространства. Критерии Конкурса стимулируют социологов активно применять разнообразные методы и способы достижения и вовлечения респондентов, руководствуясь принципом изучения действием в социокультурном исследовании, мотивируют к разработке микс-технологий междисциплинарного инструментария социальной инженерии. Это обогащает опыт социологов-практиков, стимулирует транслировать его на апробацию решения новых задач, а также унифицирует качество результатов исследований в рамках подготовки конкурсных заявок. Таким образом, двигаясь от конкретного опыта и обобщения эмпирического социологического, фактологического материала к теоретизированию, формируется новое социологическое знание о территориях и местных сообществах, о праве жителей на города и исторические поселения, как в Краснодарском крае, так и на всей территории России.

Библиографический список

- [1] Хокинс, Дж. Креативная экономика : как превратить идеи в деньги / Дж. Хокинс ; перевод с английского И. Щербаковой. – Москва : Финансовая корпорация Открытие : Классика-XXI, 2011. 253 с. – Перевод изд.: *The creative economy : How people make money from ideas / John Howkins, London, 2001.* – Текст : непосредственный.

- [2] Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри ; перевод с английского В. Гнедовского, М. Хрусталевой, М. Гнедовского. – Москва : Классика-XXI : Ин-т культурной политики, 2006. – 399 с. – Перевод изд.: *The creative city : a toolkit for urban innovators* / Charles Landr, London, 2000. – Текст : непосредственный.
- [3] Флорида, Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее / Р. Флорида ; перевод с английского А. Константинова. – Москва : Классика-XXI, 2011. – 430 с. – Перевод изд.: *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life* / Richard Florida, 2002. – Текст: непосредственный.
- [4] Флорида, Р. Новый кризис городов : джентрификация, дорогая недвижимость, растущее неравенство и что нам с этим делать / Р. Флорида ; перевод с английского Н. Довгулевич. – Москва : Точка, 2018. – 342 с. – Перевод изд.: *The New Urban Crisis: Gentrification, Housing Bubbles, Growing Inequality, and What We Can Do About It* / Richard Florida, New York, 2017. – Текст : непосредственный.
- [5] Поппер, К. Открытое общество и его враги / К. Поппер ; перевод с английского, под редакцией В. Н. Садовского. – Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1 : Чары Платона. – 448 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Социальная инженерия : концепция К. Поппера / Сост. Е. Н. Волков. – URL: <https://evolkov.net/PopperK/soc.engineering/Popper.about.soc.engineering.html> (дата обращения: 09.05.2021). – Текст : электронный.
- [7] Щербина, В. В. Социальные технологии / В. В. Щербина. – Текст : непосредственный // *Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь* / Отв. ред. А. В. Тихонов. – Москва : КРАСАНД, 2015. – 480 с.
- [8] *Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь* / Институт социологии РАН [и др.] ; отв. ред. А. В. Тихонов. – Москва : URSS : КРАСАНД, 2014. – 471 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Lefebvre, H. *The production of space* / H. Lefebvre, D. Nicholson-Smith. – Blackwell : Oxford, 1991. – 142 p. – Direct text.
- [10] Вайнер, В. Как создать комьюнити-центр, центр города будущего, соседский центр / В. Вайнер. – Москва : Изд-во Олега Пахмутова, 2017. – 116 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Антонова, Н. Л. Право на город : повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1597. – Текст : непосредственный // *Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены*. – 2020. – № 3 (157). – С. 443–462.
- [12] SAGA о городе. Трансформация общественных пространств = *The City SAGA. Public spaces in transformation* / Под редакцией О. В. Паченкова, Л. В. Воронковой. – Санкт-Петербург : НП-Принт, 2014. – 190 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Абагеро, Д. Д. Концепция соучаствующего проектирования Генри Саноффа / Д. Д. Абагеро. – DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-1-239-250. – Текст : непосредственный // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. – 2021. – Т. 27, № 1. – С. 239–250.

- [14] Стародубец, А. А. Анализ российской и зарубежных практик соучаствующего проектирования общественных пространств / А. А. Стародубец. – DOI 10.25628/UNIP.2020.46.3.012. – Текст : непосредственный // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2020. – № 3 (46). – С. 70–74.
- [15] Гамурак, А. В. Новый формат общественных пространств сквозь призму соучаствующего проектирования / А. В. Гамурак. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2019. – № 2 (11). – С. 58–64.
- [16] Терская, Л. А. Анализ реализации муниципальной программы «Формирование современной городской среды»: обратная связь с населением / Л. А. Терская, В. В. Червко. – DOI 10.26140/anie-2019-0803-0082. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2019. – Т. 8, № 3 (28). – С. 360–363.
- [17] Опыт общественного участия в планировании комфортной городской среды на примере Архангельской области / А. Г. Деменев, Т. Ф. Шубина, П. В. Шубина [и др.]. – DOI 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91. – Текст : непосредственный // Арктика и Север. – 2018. – № 33. – С. 91–117.
- [18] Касаткина, С. С. Соучаствующее проектирование в развитии пространств городов России (философский анализ) / С. С. Касаткина. – Текст : непосредственный // Градостроительное право. – 2020. – № 1. – С. 43–45.
- [19] Терещенко, Г. Ф. Дизайн городской среды Краснодара в период постмодернизма / Г. Ф. Терещенко. – Текст : непосредственный // Общество : философия, история, культура. – 2016. – № 3. – С. 85–87.
- [20] Ковтуненко, М. Г. Благоустройство территории г. Краснодар / М. Г. Ковтуненко, Р. А. Барчо. – DOI 10.31618/ESU.2413-9335.2020.8.76.951. – Текст : непосредственный // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 7–8. – С. 4–6.
- [21] Рой, О. М. Участие гражданских сообществ в освоении общественных пространств / О. М. Рой. – Текст : непосредственный // Национальные приоритеты России. – 2019. – № 2 (33). – С. 48–53.
- [22] Гриценко, В. П. Проблема баланса общих и частных интересов в городском пространстве Краснодара / В. П. Гриценко. – Текст : непосредственный // Культура и время перемен. – 2017. – № 2. – С. 10–18.
- [23] Плотичкина, Н. В. Молодежь в креативных индустриях г. Краснодара : проекты и практики / Н. В. Плотичкина, Д. О. Стрельцова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2016. – № 1. – С. 119–129.

References

- [1] Howkins, J. (2001). *The creative economy: How people make money from ideas*. London [etc.], Allen Lane, Penguin Press, 263 p. (In English).
- [2] Landr, Ch. (2000). *The creative city: a toolkit for urban innovators*. London, Earthscan Publications LTD, 252 p. (In English).
- [3] Florida, R. (2002). *The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. (In English).

- [4] Florida, R. (2017). *The New Urban Crisis: Gentrification, Housing Bubbles, Growing Inequality, and What We Can Do About It*. USA, New York, Simon and Schuster, 368 p. (In English).
- [5] Popper, K. R. (1966). *The open society and its enemies*. 5th edition. USA, Princeton University Press, 804 p. (In English).
- [6] Volkov, E. N. (Ed.) *Sotsial'naya inzheneriya: kontseptsiya K. Poppera*. (In English). Available at: <https://evolkov.net/PopperK/soc.engineering/Popper.about.soc.engineering.html>
- [7] Shcherbina, V. V. (2015). *Sotsial'nye tekhnologii. Sotsiologiya upravleniya: teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar'*. Moscow, KRASAND Publ., 480 p. (In Russian).
- [8] Tikhonov, A. V. (2014). *Sotsiologiya upravleniya: teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar'*. Moscow, URSS, KRASAND Publ., 471 p. (In Russian).
- [9] Lefebvre, H., & Nicholson-Smith, D. (1991). *The production of space*. Blackwell, Oxford, 142 p. (In English).
- [10] Vayner, V. (2017). *Kak sozdat' kom'yuniti-tsentr, tsentr goroda budushchego, sosedskiy tsentr*. Moscow, Oleg Pakhmutov Publishing House, 116 p. (In Russian).
- [11] Antonova, N. L., Abramova, S. B., & Polyakova, V. V. (2020). The right to the city: daily practices of youth and participation in the production of urban space. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (3(157)), pp. 443-462. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597
- [12] Pachenkov, O. V., & Voronkova, L. V. (2014). *The City SAGA. Public spaces in transformation*. St. Petersburg, NP-Print Publ., 190 p. (In Russian).
- [13] Abagero, D. D. (2021). The concept of collaborative design by Henry Sanoff. *Moscow state university bulletin. Series 18. Sociology and political science*, 27(1), pp. 239-250. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-1-239-250
- [14] Starodubets, A. A. (2020). Analysis of Russian and foreign practices of participatory design of public spaces. *Akademicheskyy vestnik UralNIIproekt RAASN*, (3(46)), pp. 70-74. (In Russian). DOI: 10.25628/UNIIP.2020.46.3.012
- [15] Gamurak, A.V. (2019). New format of public spaces through the prism of participatory design. *Humanities researches of the Central Russia*, (2(11)), pp. 58-64. (In Russian).
- [16] Terskaya, L. A., & Cherevko, V. V. (2019). Analysis of implementation of the municipal program "Formation of a modern urban environment": feedback with the population. *Azimuth of scientific research: economics and administration*, 8(3(28)), pp. 360-363. (In Russian). DOI: 10.26140/anie-2019-0803-0082
- [17] Demenev, A. G., Shubina, T. F., Shubina, P. V., Nenasheva, M. V., Makulin, A. V., & Tarasov, I. A. (2018). Public participation in planning a comfortable urban environment on the example of the Arkhangelsk region. *Arctic and North*, (33), pp. 91-117. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.91
- [18] Kasatkina S. S. (2020). Accessory project planning in urban development of Russia (a philosophical analysis). *Gradostroitel'noe pravo*, (1), pp. 43-45. (In Russian).
- [19] Tereshchenko, G. F. (2016). Design of urban environment of Krasnodar in the period of postmodernism. *Society: philosophy, history, culture*, (3), pp. 85-87. (In Russian).

- [20] Kovtunenکو, M. G., & Barcho, R. A. (2020). Improvement of the territory of Krasnodar. Eurasian Union of Scientists, (7-8), pp. 4-6. (In Russian). DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.8.76.951
- [21] Roy, O. M. (2019). Public participation in the development of public spaces. Nacional'nye priority Rossii, (2(33)), pp. 48-53. (In Russian).
- [22] Gritsenko, V. P. (2017). Problem of balance of the common and private interests in city space of Krasnodar. Kul'tura i vremya peremen, (2), pp. 10-18. (In Russian).
- [23] Plotichkina, N. V., & Streltsova, D. O. (2016). The youth in creative industries of Krasnodar: projects and cases. Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya, (1), pp. 119-129. (In Russian).

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 12/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 28/11/2021

УДК 352.071

**Взаимодействие органов местного самоуправления и населения
в системе проектных инициатив по управлению развитием
малых территорий**

Алена Анатольевна Попкова, Дмитрий Александрович Пезин

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В современных условиях малые территории должны найти себе место в системе пространственного развития России. Перед органами местного самоуправления стоит задача поиска альтернатив и ресурсов развития, одним из которых может стать само население, которое в рамках проектной деятельности взаимодействует с местной администрацией для решения проблем и поиска вариантов развития малых территорий. Проведенное в статье исследование проектных инициатив по социокультурному развитию позволило выделить базовые механизмы взаимодействия органов местного самоуправления и активных граждан, а также разработать на основе сложившейся практики модели включения муниципальных органов и их структурных подразделений в проекты по развитию сельских территорий и малых городов.

Ключевые слова: малые территории, органы местного самоуправления, население, проектные инициативы, развитие территории.

**Interaction of local self-government bodies and population in the system
of project initiatives to manage the development of small territories**

Alena A. Popkova, Dmitrii A. Pezin

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. In modern conditions small territories must find a place for themselves in the system of spatial development of Russia. Local self-government bodies are faced with the task of finding alternatives and development resources, one of which may be the population itself, which, within the framework of project activities, interact with the local administration to solve problems and search for options for the development of small territories. The study of project initiatives for socio-cultural development, carried out in the article, made it possible to identify the basic mechanisms of interaction between local governments and active citizens, and also to develop, on the basis of the established practice, a model of the involvement of municipal bodies and their structural divisions in projects for the development of rural areas and small towns.

Keywords: small territories, local self-government bodies, population, project initiatives, territory development.

Введение

Современные социально-экономические и демографические условия пространственного развития Российской Федерации выделили и определили два ключевых направления данной деятельности — формирование крупных агломерационных центров и точечная инфраструктурная поддержка малых территорий. Следует учитывать, что если агломерации в большинстве своем имеют детализированную систему характеристик и факторов, классификацию специализированных критериев, разнообразие траекторий возможностей и типологию вероятностей наступления рисков, обеспечивающих различные сценарии развития, то в малых территориях чаще всего выделяется система типовых проблем, которые не просто не обеспечивают развитие, а постепенно приводят к упадку и стагнации. С одной стороны, это и демографические деформации, формируемые оттоком экономически активного населения молодого трудоспособного возраста с данных территорий. С другой стороны — это социальные, определяемые утратой ценностно-функциональной модели поведения. С третьей — это экономические, связанные с качественным положением и состоянием хозяйственного комплекса территории. Наконец, это политические, определяемые необходимостью сочетания в деятельности органов местного самоуправления целевых установок и показателей, выстраиваемых и имплементируемых государственными органами власти федерального и регионального уровней и, действуя на основе выявленных и формализованных потребностей территории в решении большинства проблем, связанных с жизнедеятельностью граждан.

Несмотря на имеющиеся проблемы, на выявление и представление в объективированном виде которых также требуется большая предварительная подготовительная работа, малая территория не только получает возможность не быть вычеркнутой из повестки стратегических ориентиров развития отдельного субъекта федерации, федерального округа или даже страны в целом, а, напротив, в последнее время становится полноценным объектом комплексного анализа, ретроспективной оценки и выявления специфических аспектов для процесса разработки, принятия, утверждения и при необходимости корректировки важных стратегических решений через их фиксацию в соответствующих программах развития. Особое внимание сосредотачивается на эффективности указанной деятельности посредством подтверждения этого путем присвоения ей высокого статуса национального проекта под названием «Жилье и городская среда» [1]. Получение статуса национального проекта обеспечивает уверенность в обязательном обеспечении соответствующего объема и соблюдении первоочередного приоритета финансирования, в рамках которого одним из самых значимых мероприятий является проведение конкурса по благоустройству общественных пространств малых городов и исторических поселений, государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [2].

Во время проводившихся ранее и продолжающихся в настоящее время дискуссий в научном и политическом сообществе дефиниция «малая территория» начинает приобретать новые существенные значения и смыслы в процессе более глубокого и детального исследования проблем территориального развития, однако она пока не смогла получить единого системного определения. Это обусловлено тем, что в актуальных ис-

следованиях по данному направлению в качестве объекта выступает либо малый город, либо сельское поселение. Но по сути схожесть существующих проблем и серьезных препятствий для развития и аналогия применяемых лицами, принимающими решения, различных управленческих практик в сельских и городских поселениях определяет существенные условия и очевидную необходимость ее формирования и дальнейшую постоянную калибровку. Нами для данного исследования в качестве малой территории была применена следующая формулировка: сельское или городское поселение с численностью жителей до 100 тыс. человек с определенным коммуникативным пространством, имеющим возможности взаимного информирования и развитых связей внутри местного сообщества [3].

Как показывает регулярная практика деятельности самых разнообразных органов власти, административных подразделений и структур, коммерческих предприятий и организаций, данное коммуникативное пространство в большинстве случаев формируется в результате осознанной активной деятельности при разработке и реализации планов и проектов по развитию территорий. Особое внимание чиновники уделяют затратам в соответствии с осуществляемыми мероприятиями по пространственному развитию территории и финансовым планам [4].

Материалы и методы

Для целей и задач данного исследования в качестве обозначенной проблематики были применены и использованы как общенаучные методы, такие как логико-формализованный и системный анализ, метод моделирования, так и специфические, наиболее ярко подсвечивающие значимые стороны исследуемого вопроса — это социологический метод — контент-анализ текста проектных заявок.

Современное осмысление значения малых территорий в пространственном и социально-экономическом развитии страны, региона представлено в работах А. Ж. Абилова, Е. М. Бадашкеева, А. А. Бекболова, Ю. А. Гунажинова, Г. Ф. Жаркой, М. В. Перькова и др. [5–8]. Систематизация внутренних факторов, обуславливающих развитие малых территорий, представлена в исследованиях Е. В. Бирюковой, Н. Г. Благовидовой, А. П. Мышкиной, И. А. Секушина, Т. В. Усковой, Н. В. Юдиной и др. [9–11]. Осмысление значения активности населения, местных сообществ и их инициатив в развитии территории представлено в трудах И. В. Параничева, И. С. Семененко, Ю. В. Уханова, А. А. Чернеги и др. [12–14].

Прикладной аспект исследуемой тематики получен на основе контент-анализа 120 проектных заявок, представленных на конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел» Фонда Елены и Геннадия Тимченко в 2017 и 2019 гг. инициативными группами малых городских и сельских территорий Уральского федерального округа.

Результаты и обсуждения

Детальный анализ результатов проведенного исследования проектных заявок малых территорий регионов Уральского федерального округа показал, что проектная активность в различных субъектах Российской Федерации неодинаковая: наибольшее коли-

чество инициатив представлено из Свердловской области — 27,3 % от общего числа проектов, а наименьшее из Курганской области — 3 %. Заявки из Тюменской и Челябинской областей примерно на одном уровне — 20,5 и 18,2 % соответственно. Значения объема заявок из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов также близки друг к другу — 9,8 и 12,9 %, с разницей всего в 3,1 % пункта. По типу муниципальных образований наиболее активными заявителями являются жители городских округов и сельских поселений, на них приходится почти 2/3 проектных заявок. На третьем месте по количеству поданных заявок находятся муниципальные районы — 16,7 %, замыкают список городские поселения со значением 9,1 % (рис. 1). На первый взгляд кажущееся наличие корреляции между численностью населения региона и количеством поданных заявок в общем объеме не подтверждается. Представительство субъектов РФ в общем числе заявок не сопряжено с количественным составом населения регионов. Так, самый маленький по численности населения регион УрФО Ямало-Ненецкий автономный округ по объему проектных заявок в общей численности составляет 9,8 % и опережает более чем в 3 раза по количеству заявок от жителей Курганской области. В свою очередь, низкая активность городских поселений по сравнению, например, с сельскими, говорит о достаточно высоком уровне насыщенности объектами культуры в городах, чем в сельской местности.

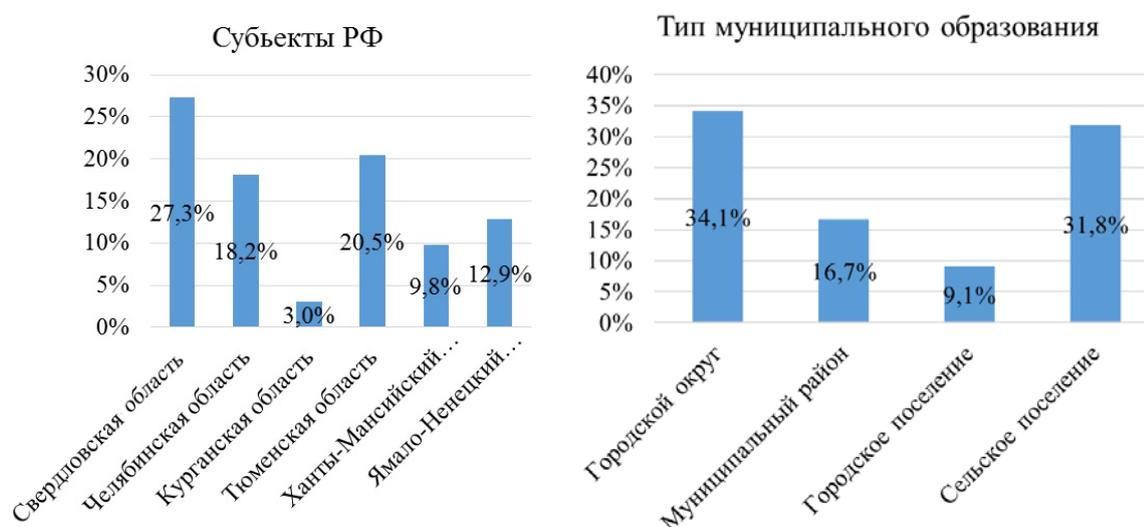

Рисунок 1. Распределение проектных заявок по типам муниципальных образований и субъектам РФ

В качестве гипотезы можно предположить, что основной и решающей причиной, мотивирующей и подводящей жителей к идее необходимости разработки проектной заявки, ее детальной проработке и обязательном доведении до формализованного результата в виде сформированной документации, целиком и полностью готовой к подаче с целью реализации и привлечения финансовых ресурсов на территорию их проживания, является целенаправленная деятельность граждан, которая дает возможность создать условия для осуществления реального решения имеющихся, в том числе доста-

точно давних, кажущихся нерешаемыми проблем. Таковых проблем в малых муниципалитетах немало — от сокращения численности жителей, в том числе по причине отрицательной миграции, до безработицы во всех возрастных группах, отсутствия средств производства и низкого качества жизни населения. Однако в силу объективных причин население понимает и осознает, что решение или пусть только снижение влияния некоторых из них им не под силу.

Подвергнув классификации поданные заявки по тематикам проблем, на решение которых жители готовы направить свои усилия, удалось выявить достаточно явную их общность. С учетом того, что заявки могли быть отмечены в нескольких блоках, общая сумма превышает 100 %. В условиях стагнации ключевыми проблемами развития территорий в результате проведенной группировки было выявлено стержневое направление, которое население готово решать в рамках проектной деятельности. Сделав некоторое обобщение, стало возможным сделать вывод, что широко такую сферу проблем можно назвать «утратой исторического наследия», выражающейся, во-первых, в «утрате традиции и истории», занимающей половину проектных инициатив, во-вторых, в «отсутствии механизма передачи истории и опыта другим поколениям» (18,9 %), в-третьих, в «отсутствии межпоколенческого взаимодействия», отраженном в 16,7 % заявок. Традиционными факторами, сдерживающими развитие малых территорий, занимающими весомую долю в общем объеме, являются «неразвитость организации досуга» — 21,2 % и «неразвитость туризма» — 15,9 %. Стоит отметить низкое количество заявок, тематика которых направлена на решение проблем, напрямую связанных с материально-техническим обеспечением, то есть «утратой места (здания, сооружения, памятника)» — 6,1 %, а также предрассудочным наличием в малых территориях «асоциального поведения» — всего 2,3 % от общего объема заявок (рис. 2).

Рисунок 2. Тематика проблем, на решение которых направлены проектные инициативы

Подобная ситуация может говорить не об отсутствии проблем, относящихся к так называемым традиционным, а наоборот, заявители стараются выглядеть в более

привлекательном свете, чтобы экспертная комиссия оказалась гораздо благосклонней к рассматриваемым проектам. Полностью исключить это на текущем этапе исследования не представляется возможным, так как простой логический вывод комиссии будет напрашиваться; если проектная заявка будет направлена на решение асоциальных проблем, то, следовательно, на данной территории значительное количество жителей, кто не по тем или иным причинам выпал из слоев населения, поведение которых социально одобряемо или, как минимум, социально приемлемо. В итоге члены комиссии вынуждены задаться риторическим вопросом: «Кто тогда будет реализовывать проект?».

Соответственно, данные направления свидетельствуют о том, что население готово активно включаться в решение проблем территории с перспективой формирования факторов, способствующих в дальнейшем обеспечению потенциала развития в качестве исторического места, туристической привлекательности, востребованности места молодежи для проживания.

Более того, в условиях ограниченности бюджетных ресурсов, характерной для малых территорий, проект является механизмом привлечения финансов на решение имеющихся проблем. Анализ проектных заявок показал, что запрашиваемый объем ресурсов составляет в 73 % случаев более 500 тысяч рублей, а именно: более 1 млн руб. — 22,0 %, в диапазоне от 700 до 1 000 тыс. руб. — также 22 %, заявки с размером запрашиваемых сумм от 500 до 700 тыс. руб. — 29,5 % и лишь 13,6 % авторских проектных заявок запрашивают менее 500 тыс. руб., что для данного типа территорий является существенным вкладом, привлекаемым в развитие территории за счет социокультурных проектов, направленных на решение местных значимых проблем (рис. 3).

Рисунок 3. Запрашиваемые суммы в бюджете проекта

Как показало исследование, активность населения и его участие в развитии территорий формируются в основном не сами по себе, а в точках притяжения, которыми в малых территориях выступают различного рода учреждения. Использование их инфраструктуры, объединение людей в команды по профессиональному признаку, работа с целевой аудиторией, в ходе которой выявляются ключевые проблемы, формируются идеи, являются теми благоприятными факторами, способствующими созданию проектной инициативы. Фактически в малых территориях муниципальные учреждения и автономные некоммерческие организации становятся общественными пространствами, куда приходят жители не только за услугой, но и для выстраивания внутритерриториального диалога, обозначения социальных потребностей, выработки направлений развития.

Анализируя структурный перечень организаций, представивших проектные заявки на конкурс, можно отметить, что инициаторами проекта в большей степени вы-

ступают муниципальные учреждения культуры — 43,9 % от общего количества заявок, что в принципе обусловлено направлением исследуемого конкурса — развитие территорий средствами культуры. Кроме того, наличие в структуре организаций, представивших проектные инициативы, большой доли муниципальных учреждений, в том числе муниципальные учреждения дополнительного образования (9,8 %), муниципальные общеобразовательные учреждения (школа) (6,8 %), а также библиотеки и музеи, по 9,8 и 3,0 % соответственно. В общем это количество составило 73,3 % от итогового значения заявок, что в явном виде определяет заинтересованность муниципальных органов власти в формировании и развитии инициатив, направленных на развитие собственных территорий. При этом на основе данного анализа была выявлена существенная доля некоммерческих организаций (12,1 %), функционирующих на территории малых муниципалитетов и осуществляющих активную деятельность по формированию и реализации инициативных проектов (рис. 4), включая самих жителей, желающих самостоятельно и собственными силами направить свою деятельность на решение местных проблем.

Рисунок 4. Виды организаций, заявляющих проектную инициативу

На основе проведенного исследования было выявлено, что в ходе разработки и планируемой реализации проекта выстраивается система партнерских отношений между жителями в лице волонтеров, мастеров народных промыслов, лидеров общественного мнения, индивидуальных предпринимателей, а также сеть государственных и муниципальных учреждений, функционирующих на малых территориях, органами различных ветвей и уровней власти. Административный ресурс в лице государственных органов и органов местного самоуправления необходим в качестве партнера для успешной реализации проекта, и большинство из них активно включаются в проектные мероприятия: 91,7 % — органы местного самоуправления и 88,6 % — органы государственной власти регионального и федерального уровня. Высокую долю среди участников составляют некоммерческие организации, особенно советы ветеранов (70,5 %),

что говорит о наличии существенного количества активных граждан в малых территориях старшего поколения, но имеющих проактивную позицию, обладающих достаточными силами и энергией, а также находящихся на пенсии, и следовательно, не связанных обязательной необходимостью осуществлять трудовую деятельность (рис. 5). Позитивные практики показывают, что вовлечение старшего поколения в реальную деятельность по управлению территориями, где они сами проживают, дает возможность применить их накопленный жизненный опыт, широкие компетенции и неистраченную энергичность. «Именно поэтому различные виды и формы активности пожилых людей в региональном социуме все чаще рассматриваются не в традиционной парадигме вовлечения в соответствующие процессы (пожилые как объекты активности), но и с позиций вовлеченности (пожилые как субъекты активности)» [15].

Рисунок 5. Участники команды, отмеченные в проектных заявках

Анализ материалов показал, что во взаимодействии жителей и органов местного самоуправления в ходе проектной деятельности складываются три модели взаимодействия в малых территориях (таблица):

- модель «сверху вниз» — посредством административного указания муниципальным учреждениям со стороны органов местного самоуправления о необходимости формирования проектной инициативы для привлечения ресурсов на территорию и обеспечения социально значимых результатов;
- модель «снизу вверх» — посредством формирования инициативы активными гражданами, проживающими на территории и стремящимися к изменениям среды вокруг себя;
- модель «партнерство» — администрация выстраивает конструктивное взаимодействие с населением, выявляя активных граждан, способных инициировать проектное предложение и реализовать его, в случае поддержки проекта.

Наиболее распространена модель взаимодействия «сверху вниз» (95 %), когда именно органы местного самоуправления выступают инициаторами деятельности по

разработке идей и проектов, организуют деятельность и мероприятия по объединению ресурсов муниципальных учреждений, жителей, актуализируя собственное и их более пристальное внимание на наиболее остро стоящих в муниципалитете проблемах. Это обусловлено еще и тем, что в целом в малых поселениях, несмотря на относительную компактность и тесноту взаимодействия, присутствует разобщенность жителей в социальной среде, наподобие как это ярко проявляется среди городского населения, и именно муниципальные учреждения в ходе своего функционирования и реализации конкретных действий становятся точками притяжения активности, обеспечивающими аккумуляцию ресурсов, не в полной мере используемого потенциала активных и предприимчивых граждан различных поколений.

**Модели взаимодействия органов местного самоуправления и населения
в системе проектных инициатив по развитию малых территорий**

«Сверху вниз» (92 %)	«Снизу вверх» (5 %)	«Партнерство» (3 %)
Административное указание муниципальным учреждениям со стороны органов местного самоуправления о необходимости формирования проектной инициативы для привлечения ресурсов на территорию и обеспечения социально значимых результатов	Формирование инициативы активными гражданами, проживающими на территории и стремящимися к изменениям среды вокруг себя. Поиск поддержки и поручительства административных структур. Два целевых ориентира: <ul style="list-style-type: none"> • не поддержат, но и не препятствуют; • включение постепенно в муниципальную повестку 	Администрация выстраивает конструктивное взаимодействие с населением, выявляя активных граждан, способных инициировать проектное предложение и реализовать его в случае поддержки проекта («городские обеды», собрания, сходы и др.)

Органы местного самоуправления почти всегда заявлены в качестве участников проекта. Анализ проектных заявок показал, что наиболее активным участником проектной деятельности является местная администрация. Глава муниципального образования и депутаты представительного органа проявляют свое участие в проектах крайне редко, поручая координацию деятельности по проектам социокультурного развития заместителям глав администрации по социальным вопросам и отраслевым структурным подразделениям администрации.

Наиболее активным участником проектной деятельности в социокультурном развитии территории являются подразделения администрации по культуре, образованию и молодежной политике. Управление или в отдельных случаях комитет по культуре указаны в качестве участников в половине поданных заявок (50,0 %), управление образования указано в 24,2 % заявителей, управление по молодежной политике — в 18,9 % проектов (рис. 6). Именно эти подразделения аккумулируют и собирают во-

круг себя инициативных и активных граждан, способных разработать и реализовать реальный, полезный и действенный проект на территории их проживания.

Рисунок 6. Подразделения местной администрации — активные участники проектной деятельности

Таким образом, исследование проектных заявок малых территорий регионов Уральского федерального округа показывает, что сегодня органы местного самоуправления активно включаются в проектную деятельность, направленную на разработку и реализацию проектов по развитию территорий, более того, даже сами выступают инициаторами подобных проектов. Однако успех данных проектов зависит от способности органов местного самоуправления и населения выстроить конструктивный диалог и взаимовыгодное сотрудничество в решении проблем территории и выработки стратегических ориентиров их развития.

Выводы

В ходе проведения авторского исследования проектных инициатив поданных по развитию малых территорий Уральского федерального округа за период 2017–2019 гг. были выявлены и определены следующие содержательные подходы и тенденции.

1. На сегодняшний день население малых территорий активно выступает с проектными предложениями и инициативами, направленными на решение важных и актуальных проблем и преодоление социально-экономической стагнации данных территориальных образований. Количественный объем предлагаемых проектов не зависит ни от уровня социально-экономического развития региона, ни от численности его населения. Почти во всех регионах Уральского федерального округа проявляется проектная активность, особенно выражено это в малых муниципалитетах, где ресурсы развития существенно ограничены и активность населения, а также проектная деятельность являются мощным ресурсом, направленным на преодоление социальной разобщенности, негативных миграционных тенденций, утраты исторического наследия и привлечения на территорию грантового финансирования из различных источников.

2. Основной и ключевой «точкой притяжения» активности на территории данных муниципальных образований являются муниципальные учреждения. Именно они своим наличием на территории а также благодаря практической деятельности выступают площадкой интеграции культур, фактическими инициаторами реальных изменений, акторами интегративных межпоколенческих действий и процессов, субъектами событийных мероприятий.

3. Побуждение к внутритерриториальной интеграции в рамках фактического включения граждан в разработку проектной инициативы приводит к формированию полноценной сетевой модели развития муниципалитета, в которую на условиях партнерства и сотрудничества начинают включаться различные субъекты развития, такие как муниципальные учреждения различной направленности деятельности, некоммерческие организации, бизнес в лице индивидуальных предпринимателей, административные структуры и депутаты различных управленческих уровней и, конечно же, активные жители и сообщества.

4. В ходе процесса подготовки, разработки и в последствии реализации проекта устанавливается и документально формируется различная практика взаимодействия органов местного самоуправления и активных жителей, к которым относятся служащие и работники муниципальных организаций и учреждений; практику взаимодействия условно можно сформулировать и представить в зависимости от усиления партнералистской роли административных структур местных органов власти в виде трех моделей: «партнерство», «снизу вверх» и «сверху вниз». Формирование той или иной модели существенным образом зависит от специфики самой территории: наличия большого количества или недостатка или даже отсутствия активных жителей, положительного опыта ранее успешно реализованных проектных инициатив и идей, высокой развитости территориальной и социокультурной идентичности.

Библиографический список

- [1] Национальный проект «Жилье и городская среда» // Официальный сайт национальных проектов России. – URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda> (дата обращения: 05.04.2021). – Текст : электронный.
- [2] Постановление Правительства РФ от 31.05.2019 № 696 (ред. от 10.07.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/725/725f4b61b8ed39429ca08316f6e7456d.pdf> (дата обращения: 11.12.2020). – Текст : электронный.
- [3] Стратегическое развитие малых поселений : проблемы и решения. – URL: http://cultmosaic.ru/content-load-/Strategicheskoe_razvitie_malyh_poselenij.pdf (дата обращения: 11.03.2021). – Текст : электронный.

- [4] Гвоздева, О. В. Перспективы развития малых территорий с учетом зарубежного опыта / О. В. Гвоздева, Ю. С. Сеница. – Текст : электронный // Московский экономический журнал. – 2020. – № 3. – URL: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10166>.
- [5] Бирюкова, Е. В. Особенности демографической ситуации в малых городах ЦЧР и их муниципальных районах / Е. В. Бирюкова. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : естественные науки. – 2017. – № 11 (260). – С. 176–185.
- [6] Перькова, М. В. Малые города как устойчивое развитие территорий / М. В. Перькова. – Текст : непосредственный // Вестник БГТУ имени В. Г. Шухова. – 2014. – № 4. – С. 63–66.
- [7] Гунажинова, Ю. А. Значение малых городов в современной территориальной политике / Ю. А. Гунажинова, Г. Ф. Жаркая, Е. М. Бадашкева. – DOI 10.18334/err.10.4.100807. – Текст : непосредственный // Экономика. Предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 1051–1062.
- [8] Чернега, А. А. "Сила местных сообществ": практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) / А. А. Чернега. – DOI 10.31119/jssa.2020.23.3.3. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23, № 3. – С. 51–77.
- [9] Бекболов, А. А. Малые города как фактор устойчивого развития / А. А. Бекболов, А. Ж. Абилов. – Текст: непосредственный // Наука и образование сегодня. – 2020. – № 6–1 (53). – С. 88–91.
- [10] Благовидова, Н. Г. Креативный потенциал в устойчивом развитии малых исторических поселений / Н. Г. Благовидова, А. П. Мышкина, Н. В. Юдина. – Текст: электронный // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-potentsial-v-ustoychivom-razviti-malyh-istoricheskikh-poseleniy> (дата обращения: 18.09.2021).
- [11] Ускова, Т. В. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов / Т. В. Ускова, И. А. Секушина. – DOI 10.15838/esc.2021.1.73.5. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 56–70.
- [12] Попкова, А. А. Управление развитием сельских территорий : вызовы и возможности / А. А. Попкова, Ю. М. Конев. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2020. – № 4. – С. 85–93
- [13] Уханова, Ю. В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия / Ю. В. Уханова, И. В. Параничева. – DOI 10.15838/ptd.2019.4.102.8. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2019. – № 4 (102). – С. 132–147.
- [14] Семененко, И. С. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития : научный дискурс и европейские политические реалии / И. С. Семененко. – DOI 10.31429/26190567-20-3-6-27. – Текст : непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 3. – С. 6–27.

- [15] Павлова, И. А. Комплексная оценка социально-экономической вовлеченности граждан старшего поколения в региональный социум на примере трудовой активности / И. А. Павлова, О. П. Недоспасова, Г. А. Барышева. – DOI 10.18799/26584956/2020/4(39)/1060. – Текст : непосредственный // Векторы благополучия : экономика и социум. – 2020. – № 4 (39). – С. 48–84.

References

- [1] Natsional'nyy projekt "Zhil'e i gorodskaya sreda". (In Russian). Available at: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/zhile-i-gorodskaya-sreda>
- [2] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.05.2019 No 696 (red. ot 10.07.2020) "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Kompleksnoe razvitie sel'skikh territoriy" i o vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/725/725f4b61b8ed39429ca08316f6e7456d.pdf>
- [3] Strategicheskoe razvitie malykh poseleniy: problemy i resheniya. (In Russian). Available at: http://cultmosaic.ru/content-load-/Strategicheskoe_razvitie_malyh_poselenij.pdf
- [4] Gvozdeva, O. V., & Sinitsa, Yu. S. (2020). Prospects for the development of small territories based on foreign experience. *Moscow journal*, (3). (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10166>
- [5] Biriukova, E. V. (2017). Osobennosti demograficheskoi situatsii v malykh gorodakh TSCHR i ikh munitsipalnykh raionakh. *Belgorod State University Scientific Bulletin Naturalsciences*, (11(260)), pp. 176-185. (In Russian).
- [6] Perkova, M. V. (2014). Malye goroda kak ustoichivoe razvitie territorii. *Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov*, (4), pp. 63-66. (In Russian).
- [7] Gunazhinova, Yu. A., Zharkaya, G. F., & Badashkeeva, E. M. (2020). The importance of small towns in modern territorial policy. *Journal of economics, entrepreneurship and law*, 10(4), pp. 1051-1062. (In Russian). DOI: 10.18334/epp.10.4.100807
- [8] Chernega, A. A. (2020). "The power of local communities: practices, mechanisms and models of resident's participation in sociocultural development of territories (on the materials of small towns and villages in the Vologda region). *The journal of sociology and social anthropology*, 23(3), pp. 51-77. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.3.3
- [9] Bekbolov, A. A. & Abilov, A. Zh. (2020). Malye goroda kak faktor ustoichivogo razvitiya. *Science and Education Today*, (6-1(53)), pp. 88-91. (In Russian).
- [10] Blagovidova, N. G., Myshkina, A. P. & Udina, N. V. (2021). Kreativnyi potentsial v ustoichivom razvitii malykh istoricheskikh poselenii. *Nauka obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie*, (1). (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-potentsial-v-ustoychivom-razvitii-malyh-istoricheskikh-poseleniy>
- [11] Uskova T. V., & Sekushina, I. A. (2021). Strategic priorities of small and medium towns' development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), pp. 56-70. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.5

- [12] Popkova, A. A., & Konev, Yu. M. (2020). Rural development management: challenges and opportunities. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 85-93. (In Russian).
- [13] Ukhanova, U. V. & Paranicheva, I. V. (2019). Prerequisites and involvement of the rural population in the practice of civic participation. *Problems of territory's development*, (4(102)), pp. 132-147. (In Russian). DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.8
- [14] Semenenko, I. S. (2019). The rural local community in development policies in Europe: discourse and agency. *South Russian journal of social sciences*, 20(3), pp. 6-27. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-3-6-27
- [15] Pavlova, I. A., Nedospasova, O. P., & Barysheva, G. A. (2020). Comprehensive assessment of socio-economic involvement of older generation in the regional society on the example of labor activity. *Journal of wellbeing technologies*, (4(39)), pp. 48-84. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2020/4(39)/1060

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 23/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 29/11/2021

УДК 314.1(571.1)

**Социальный портрет регионов Западной Сибири:
экономические причины и демографические последствия**

**Максим Витальевич Фомин, Вадим Александрович Безвербный,
Елена Адольфовна Лукашенко, Николай Юрьевич Микрюков,
Тимур Робертович Мирязов**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье приведены результаты социального исследования регионов Западной Сибири в контексте детерминации происходящих в них демографических процессов. Цель работы — выявить эмиграционные мотивы населения и установить причины миграционной убыли. Информационной базой послужили данные региональной и муниципальной статистики Росстата, а также результаты социологических опросов, проведенных в регионах Западной Сибири. Для изучения демографического развития данных территорий применялись картографический и статистический методы, сравнительный анализ, в социальном исследовании использовались статистический, графический методы, проводилось анкетирование. Были определены особенности демографического развития Западной Сибири на региональном и муниципальном уровнях. Выявлены новые центры миграционного прироста вне агломераций в регионах Западной Сибири. Найдены основные детерминанты эмиграции, среди которых первоочередными являются низкие доходы населения и опережающий рост цен. Обнаружен парадокс региональной экономики, при котором уровень развития основных ресурсных предприятий мало сказывается на росте благосостояния населения. Выявлены особенности диверсификации монопрофильных городов Кузбасса, предложены новые актуальные направления диверсификации с учетом накопленного опыта и мнения жителей региона. Предложены экономические меры, направленные на изменение негативных демографических процессов. Результаты работы могут быть использованы органами государственной власти для разработки экономических мер, нацеленных на уменьшение оттока населения и разворот демографических тенденций в позитивное русло. Перспективные исследования могут быть направлены на изучение причин миграционной привлекательности отдельных муниципальных образований, демографических процессов и формирующих их экономических причин.

Ключевые слова: региональное развитие, региональная социология, региональная демография, миграция, Западная Сибирь, моногорода, Кузбасс.

**Regions social portrait of Western Siberia: economic causes
and demographic consequences**

**Maxim V. Fomin, Vadim A. Bezverbny, Elena A. Lukashenko,
Nikolay Yu. Mikryukov, Timur R. Miriazov**

*Institute for Demographic Research - Branch of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract. This article presents the results of a social study of the regions of Western Siberia in the context of the determination of demographic processes occurring in them. The purpose of the study was to identify the emigration motives of the population, to search for the causes of migration loss. The information base for the study was the data of regional and municipal statistics of Rosstat, as well as the results of sociological surveys of the population conducted in the regions of Western Siberia. To study the demographic development of the regions of Western Siberia, the methods of cartographic, statistical, comparative analysis were used, survey methods, statistical, graphic methods were used in social research. As a result of the study, the features of the demographic development of Western Siberia at the regional and municipal levels are determined. New centers of migration growth outside the agglomerations in the regions of Western Siberia have been identified. The main determinants of emigration of the population from the West Siberian regions have been found, among which low incomes of the population and outstripping price growth are of primary importance. The paradox of the regional economy has been discovered, in which the level of development of the main resource enterprises has little effect on the growth of the welfare of the population. The peculiarities of diversification of single-industry cities of Kuzbass are revealed, new topical directions of diversification are proposed, taking into account the accumulated experience and opinions of residents of Kuzbass. Economic measures aimed at changing negative demographic processes are proposed. The results of the work can be used by public authorities to develop economic measures aimed at reducing the outflow of population and turning demographic trends in a positive direction. Prospective studies can be aimed at investigating the reasons for the migration attractiveness of individual municipalities, as well as further research of demographic processes and their formative economic causes.

Keywords: regional development, regional sociology, regional demography, migration, Western Siberia, company towns, Kuzbass.

Введение

Сибирское генерал-губернаторство было разделено на две части в 1822 году, с тех пор Западную и Восточную Сибирь стали рассматривать отдельно друг от друга. В 2022 году данные территории преодолеют 200-летний рубеж своего условного разделения. Общие проблемы депопуляции Западной Сибири актуализируют необходимость исследования причин данного явления посредством социологических методов. Применение научных подходов к установлению обстоятельств, обуславливающих отток населения, может способствовать разработке и принятию на государственном уровне мер, направленных на уменьшение и дальнейшее прекращение миграционной убыли населения в стратегически важных и богатых природными ресурсами регионах России, а также развороту демографических тенденций в позитивное русло.

Традиционно к Западной Сибири относят территории бассейна реки Оби и ее притока Иртыша, а к Восточной Сибири — бассейна реки Енисея и ее притока Ангары. Центральная и западная части Западной Сибири находятся на равнине, которая подразделяется на северную (таежную) зону, где находится Томская область со специализацией в том числе по деревообработке, а также на южную, куда входят лесостепи и степи Алтайского края с преобладанием черноземных почв и специализацией на агропромышленном производстве. В юго-восточной части Западной Сибири основная часть системы расселения находится в Кузнецкой межгорной котловине, богатой углем и железной рудой. На крайнем юго-востоке находятся высокогорья Горной Шории и Алтая, привлекательные для туристов и благоприятные для развития сельского хозяйства.

Наряду с природно-ресурсными видами хозяйственной деятельности (деревообработкой в таежной Томской области, нефтедобычей на Стрежевском месторождении, агропромышленным комплексом Алтайского края, угольно-металлургической специализацией Кемеровской области) в макрорегионе находится большое количество высокотехнологичных промышленных предприятий. Западная Сибирь является одним из старейших центров академической науки и технологических разработок в России (г. Томск, г. Новосибирск). Крупнейшие машиностроительные предприятия («Сибкабель» в г. Томске, Новосибирский приборостроительный завод, производственное объединение «Полет» в г. Омске) появились в Западной Сибири в результате эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Другие построены в годы довоенной (Западно-Сибирский, Новокузнецкий металлургические комбинаты) и послевоенной (Омский нефтеперерабатывающий завод) индустриализации.

Западная Сибирь испытала присущее России смещение центра с севера на юг в результате поступательного освоения сначала северных, а затем и южных регионов. Сначала центральное положение занимал г. Томск, расположенный на Сибирском тракте. В XX веке с введением в действие Транссибирской железнодорожной магистрали значение Сибирского тракта и самого города стало уменьшаться, начался рост г. Новосибирска, который в настоящее время является столицей Сибирского федерального округа, его крупнейшим научным и производственным центром.

Теоретическая значимость проведенного социального исследования заключается в выявлении особенностей развития региональной экономики, влияющих на миграционные предпочтения населения. Практическая значимость состоит в разработке предложений, позволяющих улучшить экономическую ситуацию в регионах с целью привлечения человеческих ресурсов.

Согласно экспедиционным исследованиям, проводившимся в 2019–2020 гг. [1–5], многие жители Сибири и Дальнего Востока высказывают желание переехать в другие регионы. Главной причиной этого респонденты называют низкие доходы в регионе их проживания. Социальное исследование, проведенное в Кемеровской, Омской, а также Томской областях, направлено на дальнейшее выявление общих закономерностей и индивидуальных особенностей мотивации к миграции и обуславливающих их факторов региональной экономики в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Литературный обзор

Исследование Западной Сибири началось сразу после покорения огромной территории Зауралья во второй половине XVI века. Особый вклад в изучение региона внес географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский [6]. Западная Сибирь представлена в 16 томе энциклопедии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». В советский период исследования проводились в ходе развития промышленного потенциала региона. Развернутую экономико-географическую характеристику Западной Сибири дал М. И. Помус. Изучению промышленного потенциала Кузбасса посвящены работы академика И. П. Бардина [7]. В настоящее время вопросами социальных и экономических проблем

макрорегиона занимаются многие региональные исследователи. Аграрный сектор экономики и сельское хозяйство Западной Сибири в своих работах рассматривал Д. С. Орлов [8], вопросы системы расселения и пространственного развития — А. Г. Зинченко и Л. А. Безруков [9], проблемы экономического развития Западно-Сибирского макрорегиона — Р. В. Гусельников, С. В. Пацала и Н. В. Горошко [10; 11]. А. В. Азарова исследовала историю развития юга Западной Сибири [12]. Рекреационный потенциал региона рассматривали в своих работах Н. Ю. Наумов, Е. А. Дзагоева [13; 14].

Диссертация Е. В. Антонова представляет собой обобщающий труд, в котором показана разнонаправленная динамика демографического и экономического развития регионов и городов Западной Сибири в период 1991–2014 гг. [15]. В целом большее демографическое и экономическое сжатие характерно для Кемеровской области и многих ее городов. Прирост населения в те годы отмечался в региональных центрах: Омске, Томске, Кемерово. Рост промышленного производства при этом наблюдался в Омске, некоторых городах Кузбасса и в таких городах Томской области, как Асино, Колпашево.

Обстоятельные экспедиционные исследования регионов Западной Сибири проводились Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук [16; 17]. Эксперты изучали в том числе особенности промышленного роста городов Западной Сибири (Новокузнецка), а также специфику экономического развития сельской местности.

Материалы и методы

В данной публикации рассмотрены итоги экспедиции, проходившей в июне 2021 года в Томской, Омской и Кемеровской областях. Основным методом сбора материала являлось анкетирование, в котором приняли участие 784 респондента ($N = 784$). Анкеты включали вопросы, касающиеся желания сменить регион проживания, мотивов, побуждающих к переезду, а также вопросы, связанные с социально-экономической ситуацией. В выборку вошло несколько городов рассматриваемых регионов.

В Омской области исследования проводились в малых городах, удаленных от центра и относительно приближенных к нему. В таблицах ответы респондентов по данной территории систематизированы как «глубинное пространство Омской области». Для выявления демографических тенденций использовались картографический, графический и описательный методы, сравнительный анализ и анализ географического положения. Социологические методы (анкетирование) применялись для выявления миграционных настроений и оценки их мотивации. Рассмотрим демографические тенденции в регионах Западной Сибири.

Результаты

Результаты проведенного анкетирования сведены в таблицу 1 (источник здесь и табл. 3–8: отдел геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о желании переехать (в %)

Субъект	Да, хотел(-а) бы переехать	Не хотел(-а) бы, чтобы мои дети здесь жили
Томская область	64,9	57,3
Кемеровская область	60,3	67,8
Глубинное пространство Омской области	33,0	63,9

Как следует из таблицы 1, подавляющее большинство опрошенных хочет переехать, что свидетельствует о существенном эмиграционном потенциале. Меньшая доля желающих сменить регион проживания наблюдалась в малых городах Омской области, что может быть обусловлено пожилым возрастом респондентов. Отвечая на вопрос о желаемом месте жительства детей, большинство респондентов высказалось за переезд. Исходя из этого, можно сделать вывод, что существенная часть населения регионов Западной Сибири хочет сменить место проживания.

По всей видимости, люди старшего поколения говорят о желании переехать в южные регионы (например, Краснодарский край), а молодые респонденты рассматривают для себя крупные города-миллионники с широкими возможностями трудоустройства и получения образования. В Томской области число респондентов, положительно ответивших на вопрос о переезде детей, оказалось меньше числа желающих переехать самим. Это связано с тем, что 10 % респондентов отметили необходимость принятия данного решения детьми самостоятельно.

Доля желающих переехать оказалась сравнительно ниже в крупных региональных центрах (54,9 % — в Томске, 53,2 % — в Кемерово) и выше в малых городах (75 % высказались за переезд в Асино, 68,8 % — в Ленинске-Кузнецком, 59 % — в Анжеро-Судженске). Наиболее значимой причиной возникновения этого желания является экономическая ситуация и состояние социальной сферы в городах проживания респондентов, а также отсутствие перспектив улучшения экологической ситуации в угледобывающем Кузбассе. В Томской области жителей беспокоит вопрос захоронения ядерных отходов в регионе.

Также в рамках анкетирования жителям были заданы вопросы, касающиеся экономической ситуации в регионе в целом и динамики развития местных предприятий в частности (табл. 1 и 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос об экономической ситуации (в %)

Субъект	Экономическая ситуация ухудшается
Томская область	74,2
Кемеровская область	67,5
Глубинное пространство Омской области	78

Подавляющее большинство респондентов во всех исследуемых регионах отмечают ухудшение экономической ситуации. Опрошенные указывают на опережающий рост цен на товары и услуги и стагнацию доходов. По мнению жителей, покупательная способность населения падает и, как следствие, снижаются реальные доходы. Среди причин ухудшения экономической ситуации они называют закрытие или длительное отсутствие основных предприятий, уменьшение бюджетного финансирования, проблемы в среде малого предпринимательства. В Кемеровской области лучше оценивают ситуацию жители регионального центра (63,8 %), а также г. Ленинска-Кузнецка (65,6 %), где сохраняется угледобыча, хуже — жители городов, где угольные предприятия практически закрыты (73 % в Анжеро-Судженске). Наихудшая экономическая ситуация, согласно анкетированию, отмечается в наиболее удаленных от регионального центра малых городах (Тара — 81,8 %).

В Омской области респонденты называют причиной ухудшения экономической ситуации перевод предприятий нефтяной отрасли в другие регионы. Жители г. Анжеро-Судженска Кемеровской области отмечают, что многие центральные офисы предприятий переезжают в крупные областные центры (г. Новосибирск, г. Кемерово). Управление предприятиями из других регионов, по мнению респондентов, нередко приводит к их деградации. Жители нестоличных городов указывают на дефицит рабочих мест, низкий уровень заработных плат, что ведет к вынужденной вахтовой занятости (г. Ленинск-Кузнецкий, г. Тара). Среди тех, кто считает, что ситуация стабильна, многие уточняют, что население находится в ситуации стабильной бедности, низких доходов. В контексте общеэкономической ситуации необходимо рассмотреть субъективную оценку развития предприятий региона (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос о развитии ключевых предприятий (в %)

Субъект	Ключевые предприятия деградируют	Затруднились с ответом	Ключевые предприятия развиваются	Стагнируют	Одни развиваются, другие деградируют
Томская область	26,5	31,6	23,4	15,6	9,6
Кемеровская область	40,4	11	29,3	5,6	19
Глубинное пространство Омской области	65,2	4,8	3,2	6,3	3,1

Примечание. Сумма по строке может превышать 100 %, так как указаны средние значения процента ответивших по городам региона.

Согласно данным таблицы 3, развитие предприятий опрошенные оценивают выше, чем экономическую ситуацию в целом. В Томской и Кемеровской областях почти четверть респондентов считает, что предприятия развиваются. Однако жители Томска, Анжеро-Судженска уверены, что регион не развивается вслед за ними, поскольку их руководство находится в столице. Жители также отмечают, что успешные компании

скупают московские собственники. В Омской области респонденты связывают деградацию предприятий с их управлением из других регионов.

В нестоличных городах Кузбасса опрошенные уверены, что владельцы не инвестируют в свои компании и персонал, заработная плата не повышается, что приводит к текучке кадров и оттоку населения из региона.

Жители отмечают разницу в развитии отдельных предприятий. Согласно оценке респондентов Томской и Кемеровской областей, развиваются агропромышленный комплекс, а также нефтегазовая отрасль. В Кемеровской области повсеместно отмечается падение спроса на уголь и, как следствие, возникновение проблем в угледобывающей отрасли. Респонденты также указывают на развитие крупных предприятий и закрытие, деградацию малых, в том числе вследствие высокой налоговой нагрузки. По мнению некоторых опрошенных, происходит деградация промышленного комплекса города в целом (закрытие стекольного завода, швейной фабрики в г. Анжеро-Судженске).

В г. Асино Томской области респондентам был задан вопрос о влиянии на экономику города деревообрабатывающего предприятия с китайским участием. Мнения респондентов разделились примерно поровну: одни оценивают деятельность лесопромышленного предприятия позитивно, другие обращают внимание на большой объем вырубки, низкую степень переработки древесины и значительное количество неиспользованных древесных отходов. Жители также указывают на высокую степень стратификации: высокие доходы у иностранных хозяев предприятия и низкие у местных жителей. Для более глубокого социального анализа респондентам были заданы вопросы относительно динамики неравенства населения по доходам и ситуации с мигрантами (табл. 4, 5).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос о неравенстве по доходам населения (в %)

Субъект	Неравенство по доходам в регионе нарастает
Томская область	69,9
Кемеровская область	71,6
Глубинное пространство Омской области	80,6

Неравенство по доходам преимущественно проявляется в глубинке Омской области. Сильнее это ощущают жители удаленного от столицы г. Тары (87,1 %). Респонденты отмечают более высокие доходы у владельцев местных ресурсов (лесов), а также у вахтовиков. В Кемеровской области жители указывают на высокий уровень коррупции и неоправданно высокие зарплаты руководителей. В Кузбассе наибольший уровень неравенства отмечают жители г. Кемерово (77,9 %). По их мнению, уровень бедности растет, при этом возможностей увеличивать доход больше у состоятельных людей. Респонденты, считающие, что неравенство остается на том же уровне, часто отмечают, что происходит повсеместное сокращение доходов.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос о ситуации с мигрантами (в %)

Субъект	Сложная, необходимо ограничивать миграцию	Стабильная, терпимая
Томская область	25,2	57,7
Кемеровская область	21,9	70,4
Глубинное пространство Омской области	38,7	53,2

Согласно данным таблицы 5, большинство респондентов оценивает ситуацию с миграцией как стабильную, терпимую. Необходимость ограничения иммиграции превысила уровень 50 % в ответах респондентов г. Тары, которые наблюдают большое количество мигрантов из Таджикистана и Узбекистана на стройках и в магазинах. В г. Анжеро-Судженске труд мигрантов использовался при строительстве нефтеперерабатывающего завода.

Кроме того, жителям исследуемых регионов задавали вопрос о возможности использования потенциала территории (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос об использовании потенциала территории (в %)

Субъект	Потенциал региона (города) используется не в полной мере
Томская область	57,9
Кемеровская область	65,5
Глубинное пространство Омской области	67,6

Как следует из данных таблицы 6, более половины респондентов считают, что потенциал территории использован недостаточно. В Омской области жители отмечают необходимость развития предприятий и сельского хозяйства (г. Тара), говорят о необходимости возвращения ключевых акторов бизнеса в регион. О важности остановки переезда предприятий в другие регионы говорят респонденты г. Анжеро-Судженска.

В Томской области отмечается потребность в развитии сектора более глубокой переработки древесины. Повсеместно респонденты указывают на необходимость развития производства, создания рабочих мест, повышения уровня заработных плат, направления большей доли налоговых доходов на развитие регионов и муниципальных образований.

В специализирующемся на угольно-металлургическом производстве Кузбассе был задан вопрос о возможных направлениях диверсификации экономики региона. Ставилась цель выяснить, какой видят диверсификацию региона его жители. Результаты представлены на рисунке 1.

Большинство жителей городов Кузбасса отмечают необходимость развития прежде всего агропромышленного комплекса и пищевой промышленности в качестве диверсифицирующих отраслей. Это может быть обусловлено дефицитом местных продуктов питания, желанием потреблять экологичную продукцию, пользоваться товарами местного производства.

Также жители назвали перспективным развитие туристической отрасли. Уникальные ландшафты Горной Шории, безусловно, привлекательны для туристов, однако конкуренция со стороны других аттрактивных мест, прежде всего Алтая, вынуждает искать и другие источники диверсификации экономики. За развитие в Кузбассе химической и нефтехимической промышленности высказалось 13 % респондентов. Справедливо были отмечены традиционные для Кузбасса металлургическая и машиностроительная отрасли, небольшое число жителей перспективной считают лесную отрасль.

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о возможных перспективных отраслях Кузбасса помимо угледобычи (в %)

В моногородах Кузбасса уже более 10 лет проводится политика диверсификации экономики, ее перепрофилирования с угледобывающей отрасли в сторону развития альтернативных сфер экономики. Одним из моногородов, в котором проводилась целенаправленная диверсификация посредством государственных и частных инвестиций, был Анжеро-Судженск. Уникальность его транспортно-географического положения (пересечение нефтепроводов юга и севера Западной Сибири, а также Восточной Сибири) послужила предпосылкой создания Яйского нефтеперерабатывающего завода.

В исследовании предпринята попытка оценить степень и успешность диверсификации экономики моногорода через формирование новой отрасли взамен фактически закрывшейся угледобывающей.

Большинство ответивших считают, что достичь диверсификации моногорода Анжеро-Судженска пока не удалось (табл. 7), они объясняют свой ответ, в частности, тем, что было закрыто пять угледобывающих шахт, прошли сокращения на двух других заводах, при этом открыт только один нефтеперерабатывающий завод. Кроме того, респонденты указали на низкую трудоемкость нефтепереработки и отметили, что в стро-

ительстве завода были заняты мигранты, а на нефтеперерабатывающем производстве — иногородние специалисты.

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос об успехе диверсификации моногорода Анжеро-Судженска (в %)

Вариант ответа	Процент ответивших
Диверсифицировать экономику моногорода пока не удалось	66
Затрудняются ответить	13
Диверсификация достигнута	11
Диверсификация достигнута частично, но недостаточно	8

Таким образом, в сложившихся условиях многие жители вынуждены работать вахтовым методом, и они крайне слабо ощущают эффект диверсификации. Заявившие о частичной диверсификации считают, что экономика города была переориентирована только на 20–30 %. Респонденты подчеркивают, что в городе имеются другие организации — фармацевтический завод, машиностроительное предприятие «Анжеромаш», компании деревообрабатывающей промышленности, — на которые можно опереться для дальнейшей диверсификации. Если все инвестиции направлять только на развитие нефтеперерабатывающего завода, то будет формироваться новый тип монопрофильности, что пока и происходит.

Обсуждение

В результате исследования удалось выявить значительный миграционный потенциал: более 50 % респондентов заявили о своем желании сменить регион проживания. В основном миграционные настроения связаны с низкой оплатой труда и при этом высокой стоимостью жизни. Рассмотрим статистические показатели демографического развития регионов Западной Сибири.

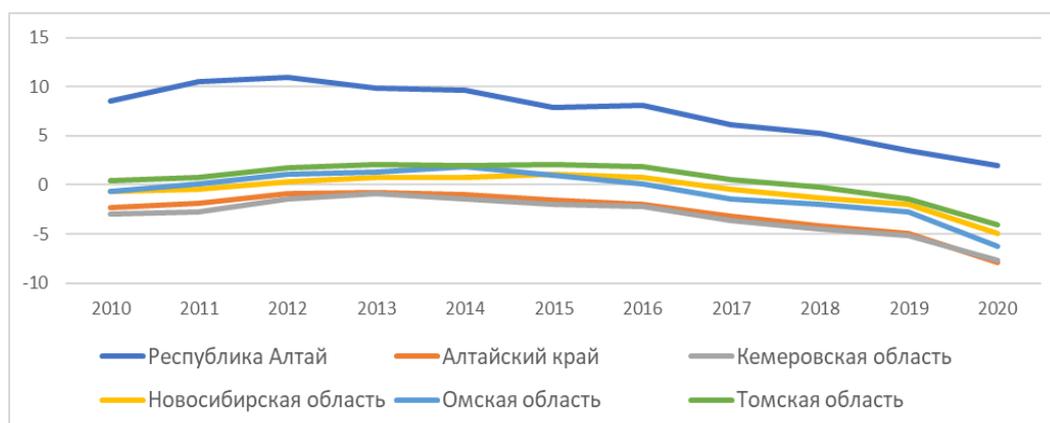

Рисунок 2. Динамика коэффициента естественного прироста на 1 000 жителей в регионах Западной Сибири в 2010–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Как следует из рисунка 2, в настоящее время во всех регионах Западной Сибири, кроме Республики Алтай, имеет место нарастающая естественная убыль населения. Это связано как с процессами старения населения, так и со снижением рождаемости. Миграционные тенденции также почти во всех регионах характеризуются отрицательными показателями (табл. 8).

Таблица 8

Сальдо межрегиональной и международной миграции в регионах Западной Сибири в 2017–2020 гг.

Регион	Год							
	2017.	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
	Сальдо межрегиональной миграции				Сальдо международной миграции			
Республика Алтай	–218	–469	303	299	–63	126	255	45
Алтайский край	–9 299	–8 746	–6 715	–3 657	1 240	1 335	2 564	1 241
Кемеровская область (Кузбасс)	–9 536	–11 923	–9 234	–6 205	5 406	3 510	6 725	2 451
Новосибирская область	1 184	2 778	3 132	550	9 492	5 252	7 236	1 465
Омская область	–1 021	–3 008	–1 199	–7 458	1 168	906	–910	–2 915
Томская область	–1 040	–1 759	–2 578	–4 250	–95	1 096	5 841	–167

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Почти все регионы Западной Сибири имеют отрицательный баланс межрегиональной миграции и интенсивно теряют население в межрегиональном обмене. Исключение составляют только Республика Алтай с уникальной горной природой, а также Новосибирская область, притягивающая население Дальнего Востока и всей Сибири. Показатели международной миграции, как правило, имеют положительные значения. По всей видимости, в регионы юга Западной Сибири (Алтайский край) направлены потоки переселенцев-соотечественников из Казахстана. Суммарно в Западной Сибири преобладает миграционная убыль, обусловленная интенсивным оттоком населения в другие районы России. Таким образом, на региональном уровне демографические процессы в Западной Сибири носят ярко выраженный негативный характер. Проанализировать демографические процессы на муниципальном уровне можно на картах плотности населения (рис. 3). Источник рис. 3–6: отдел геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН.

На карте видно, что высокой плотностью населения характеризуется запад Кемеровской области, представляющий собой высокоурбанизированную зону, полицентрическую агломерацию городов. Высокая плотность населения отмечается также к западу и востоку от г. Омска в районах по Транссибу. В северной части Томской области, расположенной в таежной природной зоне с большой степенью заболоченности территорий, плотность населения на большей части территории низкая. Исключение составляет Томская городская агломерация и городской округ Стрежевой. Динамика изменения численности населения по муниципальным образованиям представлена на рисунке 4.

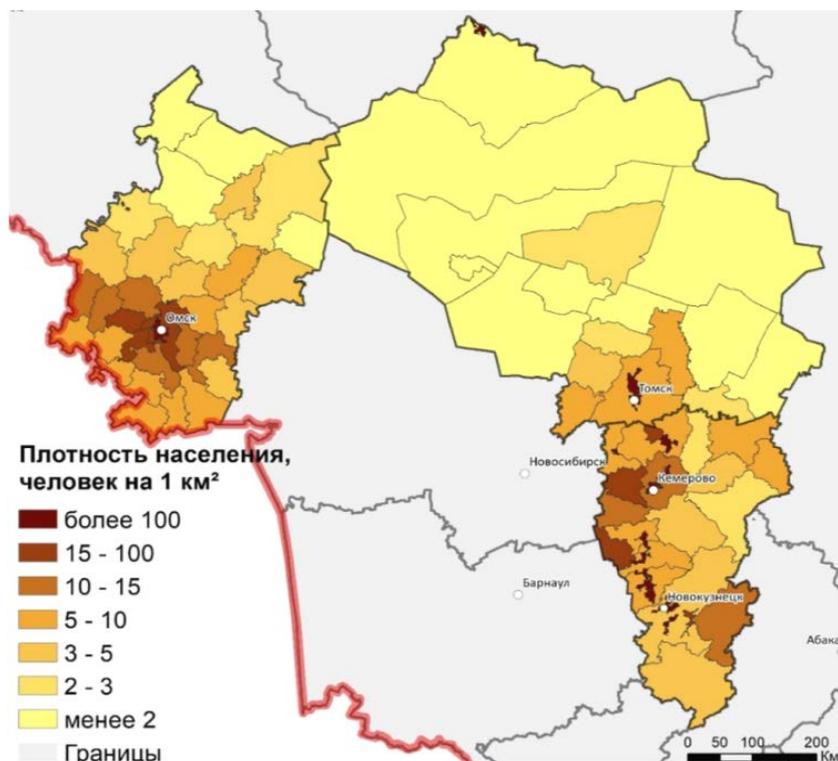

Рисунок 3. Карта плотности населения муниципальных районов и городских округов Томской, Омской и Кемеровской областей в 2020 г.

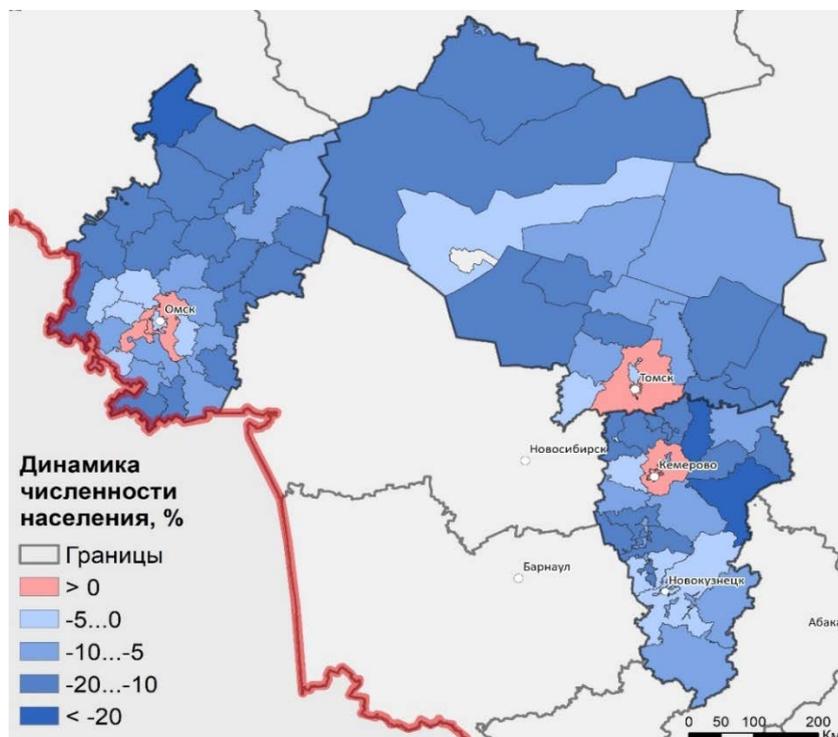

Рисунок 4. Динамика изменения численности населения по муниципальным районам и городским округам Томской, Омской и Кемеровской областей в 2011–2020 гг.

Согласно данным карты, положительную динамику изменения численности населения в настоящее время имеют только агломерации региональных центров. Динамика естественного прироста по муниципальным образованиям представлена на рисунке 5. Естественным приростом характеризовалась только агломерация г. Томска. На большей части территории отмечалась естественная убыль. Миграционная ситуация представлена на рисунке 6.

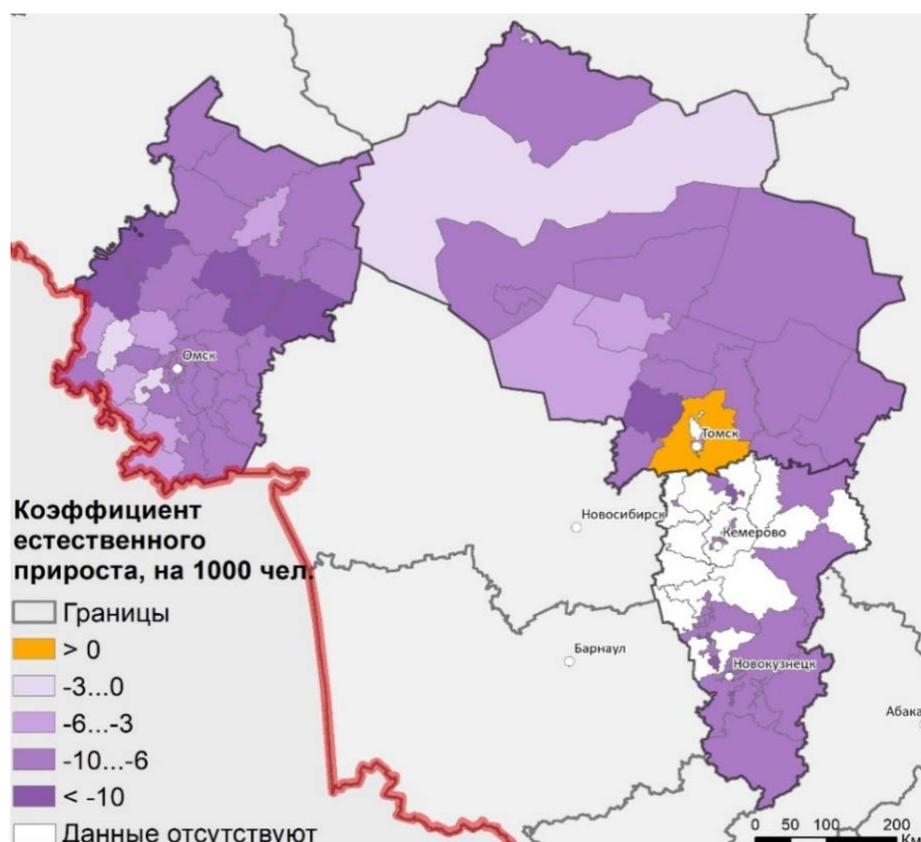

Рисунок 5. Коэффициент естественного прироста населения по муниципальным районам и городским округам Томской, Омской и Кемеровской областей в 2020 г.

Согласно данным, представленным на рисунке 6, картина распределения миграционного потока более «пестрая». Миграционный прирост наблюдается в Томской, Омской, Новокузнецко-Междуреченской агломерациях. Однако точки прироста выделяются и вне крупнейших агломераций. Так, уже с 2019 г. притоком населения из других муниципальных образований характеризовался Тарский район на севере Омской области. В Томской области с 2020 г. начался миграционный прирост за счет внутрирегиональной и межрегиональной иммиграции в Александровском районе (вокруг г. Стрежевого) и нефтяном городе Кедровом. Кроме того, с 2019 года начался рост внутрирегиональной иммиграции в Верхнекетском районе на северо-востоке Томской области, а с 2020 года — в Тегульдетском районе за счет внутрирегиональной и межрегиональной иммиграции. Таким образом, в 2019–2020 гг. обозначились новые точки при-

роста межрегиональной и внутрирегиональной иммиграции, что требует проведения дополнительного исследования.

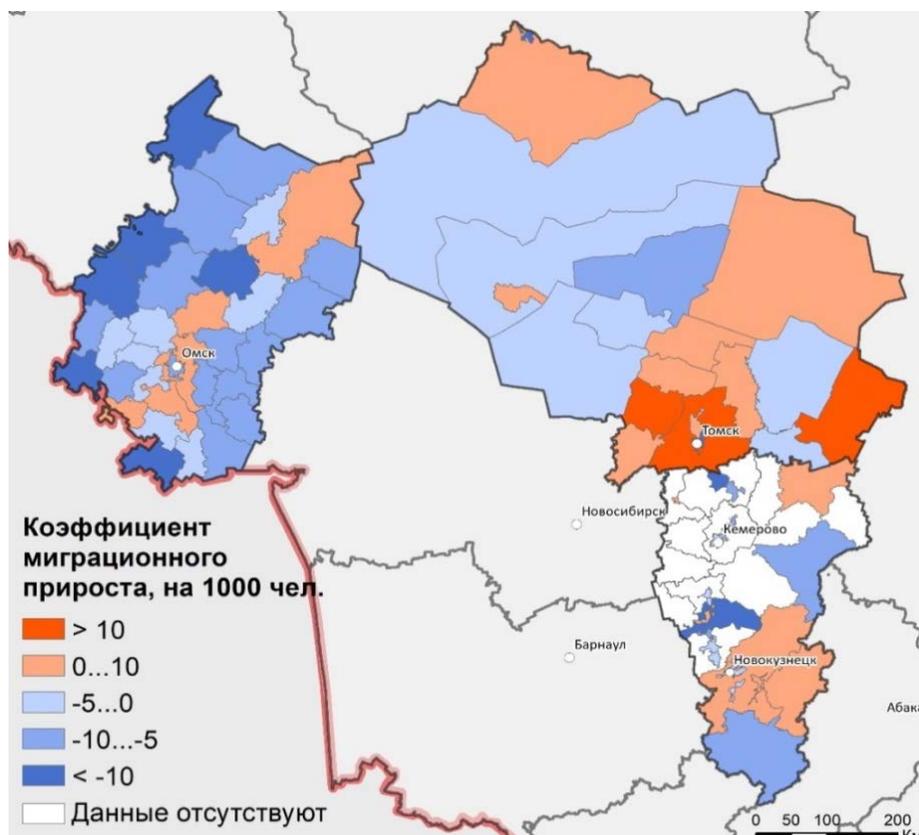

Рисунок 6. Коэффициент миграционного прироста населения по муниципальным районам и городским округам Томской, Омской и Кемеровской областей в 2020 г.

Вместе с тем, приходится признать, что позитивные демографические процессы происходят в основном лишь в агломерациях региональных центров. Их рост является экстенсивным за счет аккумуляции внутрирегионального демографического ресурса. Исчерпав его, региональные центры также перейдут в стадию затухания и депопуляции. Как показали экспедиционные исследования, эмиграция из регионов происходит в основном по экономическим причинам с целью повышения уровня и качества жизни.

Из рисунке 7 следует, что среднедушевые денежные доходы населения в регионах Западной Сибири находятся в диапазоне от 20 до 30 тыс. рублей в месяц. Даже в таких ресурсных регионах, как Кузбасс, доходы в среднем составляют 25 тыс. рублей в месяц, что примерно в три раза меньше, чем в Москве, и ниже, чем в регионах Центральной России. При этом речь идет только о среднем значении доходов населения и без учета социальной стратификации. Столь существенная разница в доходах населения между столицей и другими регионами неизбежно приводит к центростремительным тенденциям в межрегиональной миграции и демографической убыли удаленных регионов.

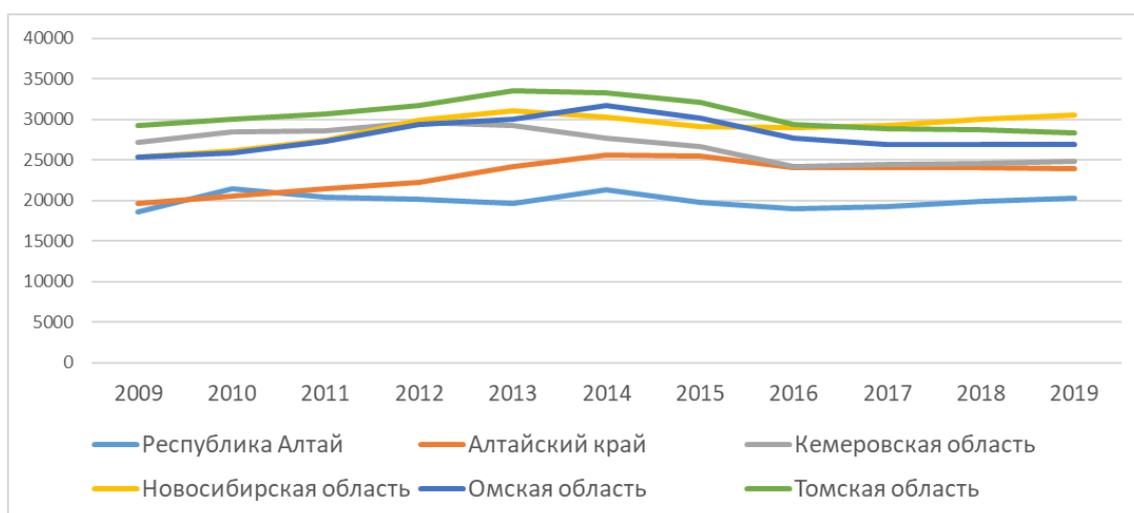

Рисунок 7. Динамика реальных среднелюшевых денежных доходов населения регионов Западной Сибири в 2010–2019 гг. в ценах 2019 г.

Источник: составлено по данным Росстата.

Таким образом, основываясь на полученных статистических данных, можно сделать вывод о многолетней депопуляции рассматриваемых регионов. Проведенные социальные исследования свидетельствуют о значительном потенциале для дальнейшей убыли населения. Низкие доходы, отсутствие для молодежи возможностей существенно увеличить заработок в регионе проживания являются несомненным выталкивающим фактором. Социальные исследования позволили выявить структурные проблемы в экономике регионов Западной Сибири и предложить варианты их разрешения.

Выводы

Более половины опрошенных желают сменить регион проживания в связи с ухудшением экономической ситуации, отсутствием возможностей для самореализации и ввиду необходимости поиска высокооплачиваемой работы. Выявлен парадокс региональной экономики: успехи развития предприятий (как правило, ресурсных) оказывают незначительное влияние на благосостояние жителей регионов. Очень слабая связь успешности предприятий и доходов жителей приводит к демотивации развития экономики регионов. Жители отмечают слабый рост местного предпринимательства, успешный бизнес, как правило, покупают собственники из других регионов, которые впоследствии мало внимания уделяют региону, где находится производство.

Опросы свидетельствуют о том, что успехи отдельных предприятий не ведут к росту заработных плат даже у работающих там сотрудников, респонденты отмечают низкий уровень инвестиций в оборудование и персонал. опережающий рост цен обуславливает падение покупательной способности населения. Параллельно со снижением уровня жизни происходит динамичное социальное расслоение, о чем тоже свидетельствуют опросы. Это основные причины оттока населения, особенно молодого.

В угольно-металлургическом Кузбассе жители отмечают слабый уровень диверсификации, низкую ориентированность на местных жителей новых предприятий, счи-

тают необходимым задействовать предприятия других моногородов, чтобы остановить формирование новой монопрофильности. По мнению жителей, требуется развивать сельское хозяйство и пищевую промышленность как эффективные трудоемкие отрасли, способные сформировать альтернативную угледобыче занятость в регионе и обеспечить население качественной продукцией местного производства.

В ходе проведенного исследования были подтверждены негативные демографические тенденции в регионах Западной Сибири: естественная и миграционная убыль населения, его отток в другие регионы. Вместе с тем за 2019–2020 гг. выявлены новые внеагломерационные районы миграционной привлекательности, что говорит о необходимости проведения дополнительных внутрорегиональных исследований. Замечено, что доходы населения в регионах Западной Сибири существенно ниже, чем в столице, нефтегазовых регионах и даже в Центральной России, что порождает центростремительные тенденции и стимулирует отток населения.

Таким образом, с целью снижения темпов и остановки процессов депопуляции в регионах Западной Сибири первоочередное внимание необходимо уделять развитию экономики: повышению уровня доходов населения, недопущению опережающего роста цен, установлению связи между уровнем развития предприятий (особенно ресурсных) и доходами местного населения. Развитие экономики Кузбасса, наиболее населенного региона из исследуемых, требует проведения поступательной многоотраслевой диверсификации, ориентированной на местных жителей, через трудоемкие отрасли промышленности и сельского хозяйства.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–010–00836 А.

Библиографический список

- [1] Пространственное развитие Приморского края и Сахалинской области: мнение жителей / М. В. Фомин, В. А. Безвербный, И. А. Селезнев [и др.]. – DOI 10.31857/S013128120011588-7. – Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. – 2020. – № 4. – С. 133–152.
- [2] Социально-экономический и демографический анализ пространственного развития Республики Саха (Якутия) / М. В. Фомин, В. А. Безвербный, И. А. Селезнев [и др.]. – DOI 10.34023/2313-6383-2021-28-4-96-106. – Текст : непосредственный // Вопросы статистики. – 2021. – № 4. – С. 96–106.
- [3] Пространственное развитие регионов Приамурья: социальный аспект / М. В. Фомин, В. А. Безвербный, И. А. Селезнев [и др.]. – DOI:10.31857/S013128120015435-9. – Текст : непосредственный // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 3. – С. 160–174.

- [4] Проблемы пространственного развития регионов севера Дальнего Востока России : социологический анализ / М. В. Фомин, В. А. Безвербный, И. А. Селезнев [и др.]. – DOI 10.30758/0555-2648-2020-66-2-217-233. – Текст : непосредственный // Проблемы Арктики и Антарктики. – 2020. – Т. 66, № 2. – С. 217–233.
- [5] Селезнев, И. А. Социологический анализ проблем пространственного развития (на примере регионов Западной и Восточной Сибири) / И. А. Селезнев, Н. Ю. Микрюков, Т. Р. Мирязов. – DOI 10.26653/2076-4685-2020-6-01. – Текст : непосредственный // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2020. – № 6. – С. 5–23.
- [6] Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16. Западная Сибирь : [Тобольская и Томская губернии] / сост. И. П. Толмачев [и др.]. – Санкт-Петербург, 1907. – 591 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Черная металлургия в перспективе развития промышленного комплекса Кузбасса : тезисы докладов акад. Бардина И. П. – Текст : электронный // Государственный архив Кемеровской области. – URL: <http://www.kuzbassarchives.ru/upload/medialibrary/ee8/ee8b42c3e5e69e1d30daf9053fadcd1d8.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
- [8] Орлов, Д. С. Эволюция структуры аграрного сектора Западной Сибири во второй половине 60-х — первой половине 80-х годов XX века / Д. С. Орлов. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2013. – № 2 (116). – С. 46–49.
- [9] Безруков, Л. А. Особенности территориальной хозяйственно-расселенческой структуры и перспективы пространственного развития Сибири / Л. А. Безруков. – Текст : электронный // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 6 (25). – URL: <http://dx.doi.org/10.15862/05EVN614>.
- [10] Гусельников, Р. В. Проблемы экономического развития Западной Сибири в 1990–2000 гг. / Р. В. Гусельников. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2014. – № 5 (132). – С. 29–33.
- [11] Пацала, С. В., Горошко, Н. В. Новосибирская область в хозяйстве России : транспорт и логистика / С. В. Пацала, Н. В. Горошко. – DOI 10.15593/2224-9354/2020.4.14. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2020. – № 4. – С. 167–187.
- [12] Азарова, Л. В. Основные направления в развитии хозяйственного комплекса юга Западной Сибири во второй половине XX столетия / Л. В. Азарова. – Текст : непосредственный // Омский научный вестник. – 2013. – № 1 (118). – С. 246–249.
- [13] Наумов, Н. Ю. Рекреационный потенциал Западной Сибири / Н. Ю. Наумов. – Текст : непосредственный // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2011. – № 8. – С. 200–204.
- [14] Дзагоева, Е. А. Пространственно-временная трансформация туристских центров в Алтайском регионе / Е. А. Дзагоева. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2–7 (62). – С. 38–42.

- [15] Антонов, Е. В. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990–2010-х годах : специальность 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» : диссертация кандидата географических наук / Антонов Евгений Викторович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2016. – 247 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Экспедиционный проект «Направления реиндустриализации экономики юга Западной Сибири : Кемеровская область и Алтайский край». – URL: <https://ieie.su/assets/files/sci/exp16-malov.pdf> (дата обращения: 28.11.2021). – Текст : электронный.
- [17] Экспедиционный проект «Оценка перспективных направлений модернизации экономики Азиатской России : южные регионы Западной Сибири». – URL: <https://www.ieie.su/assets/files/sci/exp14-malov.pdf> (дата обращения: 28.11.2011). – Текст : электронный.

References

- [1] Fomin, M. V., Bezverbny, V. A., Seleznev, I. A., Shushpanova, I. S., & Miryazov, T. R. (2020). Spatial development of Primorsky territory and the Sakhalin region: opinion of residents. *Far eastern studies*, (4), pp. 133-152. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120011588-7
- [2] Fomin, M. V., Bezverbny, V. A., Seleznev, I. A., Schneiderman, I. M., & Miryazov, T. R. (2021). Socio-economic and demographic analysis of spatial development of the Republic of Sakha (Yakutia). *Voprosy statistiki*, (4), pp. 96-106. (In Russian). DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-4-96-106
- [3] Fomin, M. V., Bezverbny, V. A., Seleznev, I. A., Lukashenko, E. A., Mikryukov, N. Yu., & Miryazov, T. R. (2021). Spatial development of the Amur river regions: social aspect. *Far eastern studies*, (3), pp. 160-174. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120015435-9
- [4] Fomin, M. V., Bezverbny, V. A., Seleznev, I. A., Shushpanova, I. S., Lukashenko, E. A., & Miryazov, T. R. (2020). Regions spatial development problems of the russian far east north: sociological analysis. *Arctic and Antarctic research*, 66(2), pp. 217-233. (In Russian). DOI: 10.30758/0555-2648-2020-66-2-217-233
- [5] Seleznev, I. A., Mikryukov, N. Yu., Miryazov, T. R. (2020). The sociological analysis of the spatial development problems (on example of Western and Eastern Siberia regions). *Scientific review. Series 2: Human science*, (6), pp. 5-23. (In Russian). DOI: 10.26653/2076-4685-2020-6-01
- [6] Tolmachev, I. P. (Ed.) (1907). *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey. Tom 16. Zapadnaya Sibir': [Tobol'skaya i Tomskaya gubernii]*. St. Petersburg, 591 p. (In Russian).
- [7] Ferrous metallurgy in the perspective of the development of the Kuzbass industrial complex: tezisy докладов acad. Bardina I. P. State Archive of the Kemerovo region. (In Russian). Available at: <http://www.kuzbassarchives.ru/upload/medialibrary/ee8/ee8b42c3e5e69e1d30daf9053fadcl1d8.pdf>.

- [8] Orlov, D. S. (2013). Evolution of the structure of the agricultural sector in Western Siberia in the second half of the 60's - the first half of the 80's of the twentieth century. Omsk scientific bulletin, (2(116)), pp. 46-49. (In Russian).
- [9] Bezrukov, L. A. (2014). The key features of the economic and settlement pattern of Siberia, and the prospects for spatial development of Siberia. *Naukovedenie*, (6(25)). (In Russian). Available at: <http://dx.doi.org/10.15862/05EVN614>
- [10] Guselnikov, R. V. (2014). Problemy ekonomicheskogo razvitiya Zapadnoy Sibiri v 1990-2000 gg. Omsk scientific bulletin, (5(132)), pp. 29-33. (In Russian).
- [11] Patsala, S. V., & Goroshko, N. V. (2020). Novosibirsk oblast in the Russian economy: transport and logistics. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, (4), pp. 167-187. (In Russian). DOI: 10.15593/2224-9354/2020.4.14
- [12] Azarova, L.V. (2013). The main directions in the development of the economic complex of the south of Western Siberia in the second half of the XX. Omsk scientific bulletin, 1(118), pp. 246-249. (In Russian).
- [13] Naumov, N. Yu. (2011). *Rekreatsionnyy potentsial Zapadnoy Sibiri. Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*, (8), pp. 200-204. (In Russian).
- [14] Dzagoeva, E. A. (2015). Existential transformation of the tourist centers in Altai region. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2-7(62)), pp. 38-42. (In Russian).
- [15] Antonov, E. V. (2016). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i rynki truda gorodov Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1990-2010-kh godakh*. Diss. kand. geograf. nauk. Moscow, 247 p. (In Russian).
- [16] Ekspeditsionnyy proekt "Napravleniya reindustrializatsii ekonomiki yuga Zapadnoy Sibiri: Kemerovskaya oblast' i Altayskiy kray". (In Russian). Available at: <https://ieie.su/assets/files/sci/exp16-malov.pdf>
- [17] Ekspeditsionnyy proekt "Otsenka perspektivnykh napravleniy modernizatsii ekonomiki Aziatskoy Rossii: yuzhnye regiony Zapadnoy Sibiri". (In Russian). Available at: <https://www.ieie.su/assets/files/sci/exp14-malov.pdf>

Получена / Submitted: 30/11/2021

Доработана / Revised: 02/12/2021

Принята к публикации / Accepted: 03/12/2021

УДК 316.35

Современные профсоюзы: новые качества старых функций

**Игорь Юрьевич Фомичев¹, Никита Дмитриевич Цыганенко¹,
Ирина Владимировна Павлова²**

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра геологии месторождений нефти и газа, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. Работа посвящена социологическому анализу актуальной для обществоведения проблемы институционализации профсоюзных организаций как элементов современного российского гражданского общества. Мы исследуем проблему функционирования социальных институтов в обществе в целом, рассмотрения индивида в качестве социального субъекта, когда он трансцендирует в социальное инобытие, проявляет себя как специфически социальная форма субъективности, как совокупность социальных функций и т. п. Деятельность профессиональных союзов мы рассматриваем в условиях развития российского гражданского общества как специфический институт развития этого общества. Так же как гражданское общество, современные профсоюзы основаны на социальных технологиях самоуправления и самоорганизации, возникают и выделяются в силу объективной необходимости индивидуализации определенной социальной функции, институционализируют потребности защиты прав трудящихся и налаживания основ социального партнерства в российском обществе.

Ключевые слова: профессиональные союзы, гражданское общество, социальный институт, современные особенности деятельности профессиональных союзов, самоуправление и самоорганизация.

Trade unions: modern features of their activities

Igor Yu. Fomichev¹, Nikita D. Tsyganenko¹, Irina V. Pavlova²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Geology of Oil and Gas Fields, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. This article is devoted to a sociological analysis of the problem of institutionalization of trade unions as elements of modern Russian civil society, which is urgent for social science. We investigate the problem of the functioning of social institutions in society, considering the individual as a social subject, when he transcends into social otherness, manifests himself as a specifically social form of subjectivity, as a set of social functions, etc. We consider the activities of trade unions in the context

of the development of Russian civil society as a specific institution for the development of this society. Just like civil society, trade unions are based on social technologies of self-government and self-organization; they arise and stand out due to the objective need to individualize a certain social function, institutionalize the needs of protecting workers' rights and establishing the foundations of social partnership in Russian society.

Keywords: trade unions, civil society, social institution, modern features of trade union activities, self-government and self-organization.

Введение

Современные российские профессиональные союзы вызывают повышенный интерес исследователей, прежде всего, в связи с тем, что находятся в процессе постепенного преобразования и становления как неотъемлемый и значимый институт российского гражданского общества. Теоретическое осмысление сущности и социальной роли современных профессиональных союзов, их традиционных функций, которые по-разному выглядят в условиях социалистического и капиталистического общественного устройства и которые эволюционируют в новое социальное качество, преобразуются в ходе современных социальных изменений, оказывается сегодня актуальной задачей, реализуемой во многих исследованиях. Научное внимание в них уделяется самым различным аспектам деятельности современных российских профессиональных союзов, причем реализуется оно учеными, представляющими различные сферы гуманитарного знания. Можно утверждать, что в целом авторы фиксируют положительную динамику преобразований в профсоюзной жизни.

С точки зрения базовых дефиниций в работах отмечается, что в современном социальном знании профессиональные союзы продуктивно рассматривать как общественные объединения граждан, связанных одной производственной либо непроизводственной сферой деятельности [1]. Если в целях избежания несущественной для задач данной работы дискуссионности обойти вниманием концепцию о том, что любая человеческая деятельность является производством какого-либо продукта, материального или духовного, то здесь определяется исходный признак квалификации профессионального союза. Авторами выделяются приоритетные цели профсоюзной работы, которые по своей сути частично совпадают с целями стратегического развития государства и его экономики, в частности, подчеркивается важность курса на дальнейшее развитие социального государства [2].

В научной литературе анализируются как достижения в деятельности современных российских профсоюзов, так и ключевые проблемы профсоюзного движения. Так, например, отмечается значительный рост авторитета региональных организаций за счет наделения профсоюзов правом инициирования законопроектов, что имеет место в нескольких десятках регионов нашей страны [3–5]. В то же время выявляются объективные трудности в укреплении профсоюзного фактора в развитии гражданского общества. Среди прочих выделяются такие, как все еще недостаточно высокая профсоюзная активность трудящихся, значительная территориальная разобщенность, отсутствие постоян-

ных и специальных профсоюзных каналов связи, относительно невысокая социальная сплоченность, солидарность трудящихся [6]. Как вариант, возможное решение проблем профсоюзного развития предполагается через его законодательную поддержку [7].

Материалы и методы

Материалы, на основе которых написана данная статья, представляют собой публикации отечественных и зарубежных ученых, различные формы эмпирических исследований по рассматриваемой теме, юридические материалы, касающиеся правовых основ профсоюзной деятельности. В качестве использованных в работе методов можно выделить ряд традиционных общенаучных теоретических методов исследования, например, метод теоретического синтеза, метод сравнительного анализа, диалектический метод и др.

Так, например, диалектический метод лежит в основе рассмотрения проблемы социализации человеческого индивида в общественном пространстве, вхождения социального субъекта в профессиональную жизнь. В статье исходным положением ситуации развития является то, что индивиды как природные субъекты оказываясь в социальном пространстве, как правило, перманентно пребывают в маргинальном состоянии отчуждения своей антропной сущности, утраты родовой определенности и постепенно трансцендируют в социальное инобытие. Таким образом, происходит дробление целостности субъекта на систему социальных функций, определенных социальных ролей и статусов. Социализация детерминируется факторами среды, например, тем, какие ценностные смыслы и значения считывает и усваивает индивид в процессе освоения общественного опыта.

С помощью метода сравнительного анализа в статье были определены различные характеристики деятельности профессиональных союзов в традиционной ситуации советского общества и в капиталистической действительности, а также были зафиксированы определенные тенденции в его развитии и т. д. Результаты конкретно-социологических исследований позволили проанализировать факторы, характеризующие социальную роль профессиональных союзов.

Результаты и обсуждение

Общественное бытие подвижно социальными институтами. Многочисленные определения общества, так или иначе сводящие его образ к некоей совокупности человеческих индивидов, постольку некорректны, поскольку не учитывают того обстоятельства, что социальные институты по своей сущности являются элементами надчеловеческой реальности, необходимыми и устоявшимися общественными процессами. Такие институты соответствующим образом определяют правила научного дискурса об индивиде, оказываются специфическими формами инобытия индивидов в социуме, в котором они воплощаются уже как социальные сущности, то есть в виде социальных функций, ролей, статусов, а поэтому как нецелостные субъекты, отчужденные от своей «первой» природы. Соответствующая современному уровню развития методологии социальной науки постановка вопроса о сущности того, что мы называем обществом, определяет, что последнее необходимо рассматривать как непрерывный многофункциональный

процесс взаимодействия социальных субъектов, который организуется прежде всего социальными институтами, осуществляющими его нормативное сопровождение, упорядочивающее субъект-субъектные (или субъект-объектные и другие) отношения, возникающие в социальной действительности. Эти отношения взаимосвязаны и взаимообусловлены, то есть имеет место социализация субъектов и, соответственно, гуманизация социальных объектов. При этом важно понимать, что общество обладает собственным бытием, представляет собой особую реальность, существующую независимо от реальности, воплощенной в элементах, его составляющих.

Если следовать этой логике, то становится понятно, что предмет социологического исследования не ограничивается обществом. Его (предмет) можно обозначить как социальный универсум, представляющий собой множество всех возможных связей и отношений, которые существуют или могут возникнуть в процессе общественного развития. При этом главным элементом и основным содержанием социального универсума являются индивиды, совокупность их разнообразных отношений, межличностное пространство их взаимосвязей, где сосуществуют и источник, и адресат социальной активности. Индивиды как социальные субъекты являются партнерами по взаимодействию, воспринимаемыми и реагирующими. При этом, как ранее подчеркивалось, в социальном универсуме индивид пребывает в маргинальном состоянии отчуждения своей антропной сущности, утраты родовой определенности. Матрица общественных отношений детерминирует развитие индивида, имплементируя процессы социализации, формирования общественной индивидуальности, что происходит за пределами его естественного бытия. Диалектика становления социума латентно предполагает дробление целостности субъекта на систему социальных функций, прагматическое богатство ролевого репертуара. В этих условиях формируется личность, характеристики которой зависят от того, какие ценностные смыслы и значения считывает и усваивает индивид в процессе освоения общественного опыта. Причем в некоторых современных интерпретациях этого традиционно признаваемого процесса предлагается говорить даже не о личностях, а о неких специфических формах субъективности, что дополнительно усложняет понимание реального функционирования процессов общественных отношений [8].

В среде таких совокупностей социальных отношений, перманентно организуемых в некие общественные структуры, необходимо выделить так называемое гражданское общество. По поводу содержания этого понятия проведено немало теоретических дискуссий. Тем не менее научный и методологический консенсус по этой проблеме еще впереди, а здесь, в соответствии с задачами данной работы, достаточным будет выделение некоторых сущностных характеристик этого феномена. Прежде всего, это относительно автономная среда негосударственных некоммерческих организаций, часто добровольных (обществ, профессиональных и других объединений, ассоциаций, клубов, фондов, разного рода учреждений — научных, культурных и т. д.), социальная функция которых состоит в регуляции деятельности гражданского населения путем самоуправления и самоорганизации в соответствии с разделяемыми в данном социуме ценностями. Само существование гражданского общества говорит о легитимированном признании прав и свобод граждан на самовыражение и самоактуализацию в определен-

ных рамках правового демократического государства, в рамках нормативных форм соответствующего семантического континуума. Как правило, такая социальная среда актуализируется как система самоуправляемых общественных коммуникаций и является платформой и мотивом социального становления и преобразования индивида, осознания им своего нормативного и общественного потенциала.

Одним из таких элементов системы самоуправляемых общественных коммуникаций являются профессиональные союзы, которые мы рассматриваем в качестве особого института современного гражданского общества, призванного в существенной степени организовывать и направлять процессы совершенствования трудовых отношений в условиях российского социума. Профессиональные союзы являются типичным образцом социального феномена, порождением общества, а точнее — системы взаимодействий многочисленных форм социальной субъективности, а не природных индивидов (как это нередко представляется). Калейдоскопичность появления и функционирования социальных субъектов соответствует содержанию их ролевого репертуара. Этот феномен — профессиональные союзы — возникает и выделяется в силу объективной необходимости индивидуализации определенной социальной функции и обособливается в относительно самостоятельную семантическую подсистему в качестве особой общественной целостности, реализующейся не в тотальности целей развития индивида, а в тотальности целей развития социума.

Такое понимание процессов возникновения и развития профессиональных союзов как социального феномена характеризуется не только объективными общественными причинами, но всегда имеет еще и свою историческую хронологию. Профессиональные союзы (профсоюзы) как реальный фактор отправления определенной социальной функции появились в России в начале XX века. Их возникновение исследователи обычно связывают с определенным этапом в развитии производительных сил, в частности, с исторически обусловленной дифференциацией профессиональной деятельности в сфере наемного труда. Профессиональные союзы заполнили возникшую и свободную нишу социальных инструментов институционализации общественных интересов трудящихся и защиты их трудовых и гражданских прав. С современной точки зрения это добровольные объединения трудящихся, имеющих общие профессиональные и другие интересы, которые организуются в целях поддержания и защиты их социального статуса во всех его аспектах — от правовых до материально-бытовых. Важно подчеркнуть, что особое значение профессиональных союзов во многом определяется главной сферой их реализации, а именно сферой трудовых отношений — базовых в социально-экономическом плане как для государства, так и для самого работника и его семьи. Вместе с тем, профессиональные союзы в своей деятельности ориентированы и на общесоциальные цели, достижение которых позволяет гражданам страны реализовать стремление к достижению устойчивого материального и психологического положения в общественном пространстве, которые в целом соответствуют общим стратегическим целям развития российского государства.

Рассмотрим характерные особенности функционирования этого важного института современного гражданского общества. Прежде всего, это институционализация самого феномена аутентичной общественной структуры, существование которой

направлено на придание трудящемуся человеку достойного социального статуса и обеспечение его профессионального и духовного развития. Среди целей деятельности профсоюзных организаций, как правило, выделяют, прежде всего, становление и развитие элементов социального государства, решение проблем социального партнерства, правовую работу и законотворческую деятельность, укрепление авторитета профсоюзных организаций в высших органах власти, поддержание вопросов сферы занятости и противодействие увеличению безработицы, а также недопущение неправомерных сокращений и других нарушений прав работников. В поле зрения профсоюзов оказываются перманентное отслеживание и стимулирование высокой социальной эффективности предприятий, своевременность и уровень оплаты труда трудящихся, повышение минимального размера оплаты труда до уровня минимального потребительского бюджета, прогресс и укрепление контрольных и регулирующих позиций в вопросах охраны труда, организации оздоровления, материальной помощи и отдыха трудящихся. В последнее время особую актуальность в нашей стране приобрела популяризация здорового образа жизни, что можно соотнести с пандемией, а можно рассматривать как следствие изменения культурных приоритетов российских граждан.

Наиболее признанная особенность деятельности профсоюзов в организации — это организация и легитимация их отношений с работодателями, формализация и сопровождение соответствующих процедур. Интересы трудящихся, прописанные и не прописанные в законодательстве, весьма разнообразны, относятся ко всем сферам производственной деятельности, от условий труда до материальной поддержки работника. В соответствии с законом принципы таких отношений закрепляются в коллективном договоре, который представляет собой правовой акт, заключаемый профсоюзами с администрацией и регламентирующий трудовые взаимодействия работников и работодателей в организации (в том числе и индивидуальных предпринимателей). Договоры, как правило, заключаются на срок от одного до трех лет между наемными работниками и работодателями непосредственно или через их представителей. В них утверждаются не только собственно трудовые показатели (размер заработной платы, оплата сверхурочных часов, отпусков и т. п.) и условия труда (рабочее место, техника безопасности и другие), но и социальные гарантии (например, гарантии занятости, критерии увольнений, льготы, практика разрешения трудовых споров и т. д.). Договоры принимают форму легитимизированной социальной технологии, должны системно отражать потребности сторон, быть глубоко продуманными, осмысленными и рациональными. В то же время в реальной практике нередки случаи недооценки важности этого акта и шаблонного подхода, когда договоры, точнее — процесс их заключения, носят формально-ритуальный характер.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в таком договоре латентно содержится другая характерная особенность деятельности профсоюзной организации, а именно ее представительная и посредническая функция в деле обеспечения юридических прав и свобод трудящихся в их отношениях с работодателем. И что особенно важно для простого трудящегося человека — без необходимости прямого контакта с последним. Это обстоятельство для многих рядовых тружеников реально становится значимым фактором социально-психологической поддержки, поскольку нередко наемный

работник не обладает навыками ведения равноправного диалога с руководством, официального формулирования и аргументирования позиций в отстаивании своих прав. Профсоюз имеет возможность организовывать и проводить в жизнь такие процессы высококвалифицированно, благодаря наличию соответствующего опыта и возможности подключить к процессу грамотных юристов и общественность. Публичный характер деятельности профсоюзной организации предполагает вменение стороне работодателя персональной социальной ответственности и соответствующую реакцию общественного мнения на последствия принятых управленческих решений. Такая структура и логика социально-профессиональных взаимодействий всегда (на протяжении довольно длительной истории их существования) создавала для профсоюзных организаций соответствующий общественный авторитет, формировала действенную публичную платформу для реализации задач социального партнерства на производственном уровне.

Профессиональными союзами реализуются и другие важные аспекты социального партнерства в организации, такие, например, как формирование коллектива и соответствующей профессиональной культуры. С точки зрения современной социологической науки это актуальная теоретическая и практическая проблема. Коллективизм здесь в его социальном контексте квалифицируется как один из ведущих принципов развитой организационной культуры и один из признаков возникновения в рамках формальной организации сложившейся устойчивой структуры неформальных отношений [9].

Вообще современной социологии известны различные виды коллективного поведения. Самый распространенный — «толпа», когда в некоем общем пространстве собирается достаточно большое число людей, которые группируются для достижения неких общих целей. Они выражают общие эмоции, а феномен толпы значительно усиливает их. Типичным считается массовый отказ от общественно принятых поведенческих норм, податливость внешнему влиянию (внушению, призывам), унификация поведения через подражание другим, следование доминирующим настроениям. С другой стороны, отдельные виды коллективного поведения могут и не предполагать пространственной близости субъектов — это, например, «аудитория» и «публика». П. Штомпка, один из наиболее известных современных социологов, предлагает отнести к видам коллективного поведения феномен «поколения», когда большая группа людей вместе переживает социальные трансформации. «В одних и тех же ситуациях, — пишет П. Штомпка, — они действовали индивидуально, но таких действующих индивидов было много. В этом смысле это было типичное коллективное поведение. Для каждого из них важным элементом его сознания и самочувствия, будь то радость, надежда, духовная мобилизация и т. п., был тот факт, что он не один, а среди многих других» [10]. Ученый обращает внимание на квалифицирующие факторы, такие как параллельность действий и переживаний, сходство биографий, объединяющее пространство и др., которые образуют специфическую ментальность и соответствующие системы ценностей, духовных и материальных.

Трудовой коллективизм, к формированию которого непосредственное отношение имеют профсоюзы, является одним из базовых социально-психологических механизмов, обладающих высоким потенциалом сплочения и солидарности. В своем пре-

дельном развитии трудовой коллективизм предназначен реализовать такую форму практического гуманизма, которая утверждает отношение к человеку как к непреходящей высшей ценности. Даже будучи инкорпорированным в управляемую стихию производственного процесса принцип гуманизма не теряет своей сущности, которая в самом общем виде выражена в требовании рассматривать человека как цель, а не как средство достижения неких профессиональных показателей. В таких профессиональных отношениях доминантой выступает индивидуальная самооценка каждого участника, а субъекты трудовых отношений сознательно воспринимают коллегу как ментальное и духовное продолжение своего «я», что по идее является интенциональным проявлением отношения человека к самому себе как к Роду. В таких отношениях деловые задачи не лишаются своей прагматичности и ценностной валентности, но должны быть гармонизированы с заявленными гуманитарными задачами. Не теряя ощущения реальности, подчеркнем, что это элементы ситуации предельного потенциального воплощения гуманности в коллективистских трудовых отношениях. Реализация такой перспективы напрямую зависит от развития конкретной цивилизации, общей культуры представителей профессионального сообщества и реализуемых принципов профессиональной этики руководителя, таким образом, все еще впереди.

Рассмотренная совокупность элементов системы социального партнерства в деятельности профессиональных союзов и пространствах реализации этой системы в целом вскрывает специфические проявления подлинной, экзистенциальной сущности этой работы, своеобразной сверхзадачи профсоюзной деятельности — преодоление барьеров отчуждения и самоотчуждения трудящихся от социума и его институтов, в первую очередь от профессиональной среды, трансцендированием и актуализацией в ней индивида как субъекта гражданского общества и в то же время гуманизации трудовых отношений и других аспектов трудовой деятельности людей.

Важная задача в работе профессиональных союзов в сфере гуманизации трудовых отношений — контроль и предотвращение нежелательных тенденций в управленческой деятельности разного уровня в производственной организации. Например, соблюдение трудового договора со стороны большинства администраций обычно является некую форму репрессивной практики тотального регулирования профессиональных действий работников, установления так или иначе понятой и принятой производственной дисциплины. Приверженность таким управленческим принципам неизбежно означает, что организация так или иначе реализует в трудовых отношениях только те стандарты рабочего поведения, которые позволяют ей эффективнее достигать планируемых показателей в создании продукта и развиваться в более высокую организационную целостность. Цели администрации, как правило, прагматичны и поэтому более стремятся к деантропологизации работника, к реинтегрированию в трудовой коллектив социо и профессионально ориентированных работников, «чистых», воплощенных социально-профессиональных функций, реализующих должностное как имманентный социальный механизм и составляющих «человеческий капитал» организации. Такие отношения формируют условия для возникновения ситуации конфликта между работниками и администрацией предприятия. Это зона прямой ответственности профсоюзов в соответствии с их исконным предназначением — контролем за соблюдением прав тру-

дящихся. Тенденции профсоюзной работы в своей основе, как подчеркивалось, противоположны и нацелены на очеловечивание профессионального социума и производственных отношений, которые не будут препятствовать достижению совокупных организационных целей [11]. В современных условиях, надо признать, эти тенденции реально ограничены и предполагают стерилизацию и нейтрализацию тех интенций работников, которые могут быть квалифицированы как преждевременные и избыточные для новокапиталистического этапа развития наших производственных организаций и, соответственно, всей социально-профессиональной сферы общества.

При анализе социальной роли российских профсоюзов важно не терять из виду то обстоятельство, что в настоящее время, в отличие от советского периода истории нашей страны, они уже не являются таким же мощным фактором социального развития российского государства. Однако современный этап становления и развития профсоюзного движения в Российской Федерации свидетельствует о встраивании его в вертикаль госуправления на основе традиционно присущих ему социальных механизмов. Дело в том, что производственная организация, являясь базовым элементом деятельности такого социального института, как профессиональные союзы, не исчерпывает всего пространства профсоюзной работы. Существует специфическая форма развития профсоюзного движения, которая состоит в заключении и активном участии в исполнении особого рода социальных документов — трехсторонних соглашений. Так, на федеральном уровне заключается генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации. Аналогичные соглашения могут заключаться и на других уровнях, например на региональном (межрегиональном), отраслевом (межотраслевом), территориальном и т. д. Это определенного рода правовые акты, которые определяют наиболее общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на соответствующем уровне, позволяющие обоснованно выстраивать взаимодействие между представителями трудящихся, работодателями и государством, например, устанавливать нормы оплаты труда, условия труда, социальные гарантии и льготы. Как видим, через такую договорную практику действительно и авторитетно осуществляется работа профессиональных союзов по реальному укреплению социального партнерства в современном российском обществе.

Нельзя обойти вниманием еще одну важную сферу деятельности профсоюзов в деле укрепления социального партнерства. Так, в целях регулирования трудовых и социальных взаимодействий в развитии генерального соглашения создана Российская трехсторонняя комиссия по урегулированию этих отношений. Важной задачей этой комиссии является установление общих принципов проведения социально-экономической политики при учете интересов всех трех участвующих субъектов: наемных рабочих, работодателей и государства. Это важнейший инструмент утверждения важной роли профессиональных союзов в осуществлении социального диалога, социального партнерства в современной России. Вне заседаний деятельность комиссии осуществляет координационный совет под управлением координатора трехсторонней комиссии, назначенного Указом Президента РФ [12]. Такие же комиссии работают во всех субъектах Российской Федерации. Эффективное использование таких социальных

механизмов позволяет объединенным профессиональным союзам постепенно становиться действенным элементом в системе социального развития современного российского общества.

Выводы

В результате проделанной работы мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, вся современная общественная жизнь движима системой взаимодействия разнообразных социальных субъектов. В этой системе важное место занимают социальные институты, среди которых в соответствии с задачами данной работы мы особо выделяем такие общественные объединения, как профессиональные союзы.

Во-вторых, специфика общественной деятельности профессиональных союзов раскрывается в полной мере при рассмотрении их в качестве института современного гражданского общества, призванного в существенной степени организовывать и направлять процессы совершенствования трудовых отношений в условиях российского социума. Как и большинство элементов гражданского общества, профсоюзы являются негосударственными некоммерческими структурами, существующими на принципах самоуправления и самоорганизации, что во многом определяет их специфичность как элементов современной системы социального партнерства.

В-третьих, современные профсоюзы — это своеобразное организационное воплощение, институционализация общественной потребности в формировании достойного социального статуса трудящегося человека в России, обеспечение его законных прав. Как показывает исследование, это общественное предназначение реализуется следующими способами.

- Через организацию и легитимацию отношений работников с работодателями, формализацию и сопровождение соответствующих этим задачам организационных процедур, например заключения трудового договора в рамках соответствующих организаций. В заключаемом при участии профсоюзов трудовом договоре, как правило, утверждаются не только собственно трудовые показатели (размер заработной платы, оплата сверхурочных часов, отпусков и т. п.) и условия труда (рабочее место, техника безопасности и др.), но и социальные гарантии (например, гарантии занятости, критерии увольнений, льготы, практика разрешения трудовых споров и т. д.). Такую деятельность профсоюзов мы рассматриваем как один из основных факторов реально осуществляемого социального партнерства.

- Через реализацию представительской и посреднической функции в деле обеспечения юридических прав и свобод трудящихся в их отношениях с работодателем. Это еще одна реальная сфера функционирования отношений социального партнерства. Профсоюз имеет возможность организовывать и проводить в жизнь такие процессы высококвалифицированно, благодаря наличию соответствующего опыта и возможности подключить к процессу грамотных юристов и общественность.

- Путем формирования коллектива и соответствующей профессиональной культуры. Коллективизм в современной социологической науке квалифицируется как один из ведущих принципов развитой организационной культуры, важнейший фактор

преодоления барьеров отчуждения и самоотчуждения трудящихся от профессиональной среды, трансцендирования и актуализации в ней индивида и в то же время гуманизации трудовых отношений.

На наш взгляд, это наиболее значимые социальные функции профессиональных союзов в реализации задач укрепления социального партнерства в современном российском социуме. Подчеркнем, что современным профсоюзам еще только предстоит завоевать должный авторитет в обществе как действенного фактора борьбы за права трудящихся и социальную справедливость, преодолевающего коллизии экзистенциального конфликта между эксплуататором и его невольными жертвами.

Библиографический список

- [1] Скрипникова, М. И. Профсоюз и работодатель / М. И. Скрипникова, Ю. И. Смирнов, Е. В. Александрова. – Текст : непосредственный // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2018. – № 1 (97). – С. 204–209.
- [2] Колоева, Ф. А. Основные тенденции и проблемы устойчивого развития промышленности региона / Ф. А. Колоева. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5 : Экономика. – 2015. – № 2 (160). – С. 104–107.
- [3] Макарова, В. А. Место и роль профсоюзов в жизни современного российского общества / В. А. Макарова, М. А. Гончаров. – Текст : электронный // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 121. – URL: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-121-023>.
- [4] Асанова, Е. Н. Социальные проблемы профсоюзов и их решение / Е. Н. Асанова. – URL: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/asanova.doc> (дата обращения: 28.09.2020). – Текст : электронный.
- [5] Цыганенко, Н. Д. Значимость профсоюзов в формировании устойчивого положения гражданского общества в социальном пространстве / Н. Д. Цыганенко, И. Ю. Фомичев. – Текст : непосредственный // Социология. – 2020. – № 2. – С. 81–86.
- [6] Орешников, И. М. О социально-экономическом назначении профсоюзов и усилении их функции социальной защиты работников / И. М. Орешников, М. М. Сунарчина. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2014. – № 1. – С. 37–39.
- [7] Уханова, Ю. В. Профсоюзные организации как субъект гражданского участия (опыт Вологодской области) / Ю. В. Уханова. – DOI 10.31857/S013216250008324-9. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 54–64.
- [8] Тео, Т. Homo neoliberalus : from personality to forms of subjectivity / Т. Тео. – DOI 10.1177/0959354318794899. – Direct text // Theory & psychology. – 2018. – Vol. 28, Issue 5. – P. 581–599.

- [9] Фомичев, И. Ю. Коллективизм в современной философии управления организациями / И. Ю. Фомичев. – Текст : непосредственный // *Философия хозяйства*. – № 6 (72). – 2010. – С. 177–183.
- [10] Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; перевод с польского С. М. Червонной. – Москва : Логос, 2005. – 664 с. Перевод изд.: *Socjologia analiza społeczeństwa* / Piotr Sztompka, Krakow, 2002.– Текст : непосредственный.
- [11] Фомичев, И. Ю. Профессиональная этика как постмодернистская форма институционализации морали / И. Ю. Фомичев. – Текст : непосредственный ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский индустриальный университет. – Тюмень : ТИУ, 2016. – 197 с.
- [12] Указ Президента РФ от 05.02.1993 № 188 «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений». – URL: <http://pravo.gov.ru/>. – Текст : электронный.

References

- [1] Skripnikova, M. I., Smirnov, Yu. I., & Aleksandrova, E. V. (2018). Profsoyuz i rabotodatel'. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, (1(97)), pp. 204-209. (In Russian).
- [2] Koloeva, F. A. (2015). Main tendencies and providing problems of sustainable regional industrial development. *The Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economics*, (2(160)), pp. 104-107. (In Russian).
- [3] Makarova, V. A., & Goncharov, M. A. (2016). The place and the role of trade unions in the life of the contemporary Russian society. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, (121). (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.21515/1990-4665-121-023>
- [4] Asanova, E. N. *Sotsial'nye problemy profsoyuzov i ikh reshenie*. (In Russian). Available at: <http://www.psu.ru/psu/files/4802/asanova.doc>
- [5] Tsyganenko, N. D., & Fomichev, I. Yu. (2020). Significance of trade unions in the formation of the sustainable situation of civil society in social space. *Sociology*, (2), pp. 81-86. (In Russian).
- [6] Oreshnikov, I. M., & Sunarchina, M. M. (2014). Bout social and economic appointment of labor unions and strengthenings of their function of social protection of workers. *Socio-political sciences*, (1), pp. 37-39. (In Russian).
- [7] Ukhanova, Yu. V. (2020). Labour union organizations as a subject of civic participation: Vologda oblast case study. *Sociological Studies*, (1), pp. 54-64. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250008324-9
- [8] Teo, T. (2018). Homo neoliberalus: from personality to forms of subjectivity. *Theory & psychology*, 28(5), pp. 581-599. (In English). DOI: 10.1177/0959354318794899
- [9] Fomichev, I. Yu. (2010). Kollektivizm v sovremennoy filosofii upravleniya organizatsiyami. *Philosophy of economy*, (6(72)), pp. 177-183. (In Russian).

- [10] Sztompka, P. (2002). *Socjologia analiza społeczeństwa*. Krakow, Znak, 654 p. (In Polish).
- [11] Fomichev, I. Yu. (2016). *Professional'naya etika kak postmodernistskaya forma institucionalizatsii morali*. Tyumen, Industrial University of Tyumen Publ., 197 p. (In Russian).
- [12] Ukaz Prezidenta RF ot 05.02.1993 No 188 "O Rossiyskoy trekhstoronney komissii po regulirovaniyu sotsial'no-trudovykh otnosheniy". (In Russian). Available at: <http://pravo.gov.ru>

Получена / Submitted: 07/07/2021

Доработана / Revised: 26/08/2021

Принята к публикации / Accepted: 30/08/2021

**Межнациональные отношения:
оценки учащейся провинциальной молодежи**

**Нурсафа Гафуровна Хайруллина¹, Юрий Михайлович Конев¹,
Владимир Федорович Ковров²**

¹*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

²*Кафедра социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия*

Аннотация. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., а также по договору НИР «Разработать индикаторы социологического мониторинга с целью выявления напряженности между обучающимися старших классов общеобразовательных школ и ГАПОУТО «Агротехнологический колледж» разных национальностей и проведение социологического мониторинга межнациональных, межконфессиональных и общественно-политических отношений в Заводоуковском муниципальном районе» с АУДО МО Заводоуковский городской округ «Центр развития детей и молодежи». В сентябре 2021 года среди старшеклассников четырех заводоуковских школ и учащихся колледжа был проведен онлайн-опрос, который позволил охарактеризовать национальную идентификацию обучающихся, выявить уровень межнациональной напряженности между обучающимися школ, измерить социальную дистанцию к представителям различных национальностей, а также выявить роль образовательного учреждения в формировании благоприятной и позитивной среды для межнационального взаимодействия. Анализ результатов позволил выявить факторы, которые оказывают влияние на возникновение напряженности между старшеклассниками и учащимися разных национальностей. К ним, помимо национальной принадлежности, мы относим социальные характеристики участников опроса, например, место жительства, место учебы. Данные факторы оказывают влияние на мнения старшеклассников и учащихся при оценке предлагавшихся вопросов. К примеру, большинство и учащихся, и старшеклассников считают, что в колледже и школе созданы благоприятные условия, позволяющие проявлять уважение к обычаям, традициям и языку учащихся иных национальностей, но, по мнению учащихся колледжа, там чаще готовы помочь в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности. Результаты исследования позволили разработать мероприятия по снятию напряженности между старшеклассниками школ и учащимися колледжа разных национальностей, которые приезжают на обучение из разных населенных пунктов района, и для гармонизации этих отношений.

Ключевые слова: учащаяся провинциальная молодежь, межнациональные отношения, социальная дистанция, этническая идентификация, межнациональная напряженность.

International relations: evaluations by student provincial youth

Nursafa G. Khairullina¹, Yury M. Konev¹, Vladimir F. Kovrov²

¹*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

²*Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia*

Abstract. The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity" 2020-2022, as well as under the research agreement "Develop indicators of sociological monitoring in order to identify tension between students of senior classes of secondary schools and GAPOUTO "Agrotechnological college" of different nationalities and conducting sociological monitoring of interethnic, inter-confessional and socio-political relations in the Zavodoukovsky municipal district "with AUDO MO Zavodoukovsky urban district" Center for the Development of Children and Youth". In September 2021, an online survey was conducted among high school students at four Zavodoukovsk schools and college students, which made it possible to characterize the national identity of students, identify the level of interethnic tension between school students, measure social distance to representatives of different nationalities, and also identify the role of an educational institution in the formation of a favorable and a positive environment for interethnic interaction. The analysis of the results made it possible to identify factors that influence the emergence of tension between high school students and students of different nationalities. To them, in addition to nationality, we include the social characteristics of survey participants, for example, place of residence, and place of study. These factors influence the opinions of high school students and students when assessing the proposed questions. For example, the majority of both students and high school students believe that favorable conditions have been created in the college and school, allowing them to show respect for the customs, traditions and language of students of other nationalities, but, according to college students, they are more often ready to help in difficult situations, regardless of the national accessories. The results of the study made it possible to develop measures to relieve tension between high school students and college students of different nationalities, who come to study from different settlements of the region, and can harmonize these relations.

Keywords: student provincial youth, interethnic relations, social distance, ethnic identification, interethnic tension.

Введение

В Тюменской области, согласно результатам последней Всероссийской переписи, проживают представители 143 национальностей. Являясь благополучным регионом с точки зрения социально-экономической и общественно-политической ситуации, область на протяжении последних десятилетий является привлекательной для трудовых мигрантов из бывших союзных республик Средней Азии (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана) и Северного Кавказа. Миграционные процессы способствуют возникновению социальной напряженности в отношениях между представителями различных национальностей и вероисповеданий. Фактором гармонизации таких отношений является грамотная государственная национальная политика.

Принципы государственной национальной политики закреплены в Конституции РФ, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [1; 2], что актуализирует их значимость для современного российского, в том числе провинциального социума [3; 4]. Неслучайно гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений названа приоритетным направлением государственной национальной политики России.

В целях гармонизации межнациональных отношений, предупреждения межнациональных конфликтов и межэтнического противостояния органы власти разных уровней должны своевременно выявлять случаи возникновения напряжений [5–7]. Но

без постоянного изучения учета общественного мнения решения власти будут иметь односторонний характер. Данные исследования авторами ведутся на протяжении последних десяти лет [8; 9]. Для полного контроля над ситуацией государству необходимо максимально учитывать ожидания и потребности россиян, интересы представителей различных не только религиозных и этнических групп, но и возрастных групп населения [10; 11]. Поэтому изучение состояния отношений между учащимися различных национальностей, выявление причин межнациональной напряженности среди провинциальной учащейся молодежи, проживающей на юге Тюменской области, позволят предложить мероприятия по снятию напряженности между обучающимися разных национальностей.

Исходя из цели исследования сформулированы следующие задачи:

- 1) охарактеризовать национальную идентификацию обучающихся;
- 2) выявить уровень межнациональной напряженности обучающихся школ и Агротехнологического колледжа;
- 3) измерить социальную дистанцию между представителями различных национальностей;
- 4) выявить роль образовательного учреждения в формировании среды для межнационального взаимодействия.

Гипотезы исследования: предполагается, что 1) национальная идентификация провинциальной молодежи носит устойчивый характер; 2) межнациональная напряженность возникает чаще среди обучающихся колледжа; 3) учащаяся молодежь чаще дистанцируется от сверстников среднеазиатских и кавказских национальностей; 4) основополагающую роль в формировании гармоничных межнациональных отношений у подростков и молодежи играет семья, а в развитии — образовательное учреждение.

Методы и инструментарий

Объект исследования — обучающиеся школ и Агротехнологического колледжа Заводоуковска в возрасте от 14 до 20 лет. Метод исследования — онлайн-опрос. Анкета содержала 26 вопросов, ключевые показатели и индикаторы представлены в таблице 1. Объем выборочной совокупности составил 403 респондента (286 и 117 человек соответственно).

В опросе приняли участие 45,0 % юношей, обучающихся в колледже, и 34 % — учащихся школ, а также 55,0 и 66,5 % девушек, обучающихся соответственно в колледже и заводоуковских школах. Две трети опрошенных (66,7 %) обучающихся колледжа живут в г. Заводоуковске, а каждый третий житель села приехал для обучения в город. Распределение старшеклассников заводоуковских школ: 92,6 % живут в городе; 7,4 % приехали из сельских поселений в город.

Национальный состав участников опроса соответствует сложившейся структуре населения юга Тюменской области: более 80 % участников опроса русские, далее в порядке убывания — татары, башкиры, украинцы, азербайджанцы, армяне, немцы, узбеки, таджики, чеченцы и представители других национальностей (от 11,0 до 14,4 % в зависимости от места обучения).

Таблица 1

Ключевые показатели и индикаторы социологического исследования

Задача	Показатель	Индикатор	Вопрос анкеты
Дать характеристику национальной идентификации обучающихся	Национальная идентичность обучающихся	Отношение к своей национальности	A5
		Отношение к своей национальной принадлежности	6
		Чувство неполноценности из-за своей национальной принадлежности	7
		Чувство стыда за людей своей национальности	8
		Оценка дружбы между людьми одной национальности	9
		Чувство превосходства представителей твоей национальности над другими	10
Выявить уровень межнациональной напряженности обучающихся школ и Агротехнологического колледжа	Этническая толерантность	Симпатии и антипатии к людям своей национальности	11
		Отношение к национальности как фактору неприятия	12–13
		Отношение к чужой речи как фактору напряженности	14
		Оценка людей других национальностей при близком общении	15
Измерение социальной дистанции к представителям различных национальностей	Социальная дистанция	Готовность сотрудничества с представителем любого народа, несмотря на национальные различия	16
		Готовность принять как друга представителей различных национальностей	17
		Готовность принять как соседа представителей различных национальностей	18
		Готовность принять как коллегу по учебе представителей различных национальностей	19
		Готовность принять как жителя своего города, села представителей различных национальностей	20
		Отрицание общения с представителями различных национальностей	21
Выявить роль образовательного учреждения в формировании среды для межнационального взаимодействия	Оценка социальной среды	Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	22
		Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности	23
		Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	24
		Оскорбления по национальному признаку	25
		Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	26
Анализ социально-демографических характеристик	Социально-демографический портрет	Пол, возраст, национальность, место проживания	1, 2, 3, 4

Результаты исследования

Выявление специфики межэтнической напряженности начнем с анализа ответов на вопрос, скрывают ли свою национальность старшекласники заводоуковских школ (далее старшекласники) и учащиеся Агротехнологического колледжа (далее учащиеся), расположенного в городе Заводоуковске. Анализ ответов показал, что большинство опрошенных никогда не скрывают свою национальность (89,0 и 92,6 % соответственно). Отметим, что только 6,5 % учащихся колледжа и 4,8 % старшекласников признались в том, что скрывают свою национальную принадлежность постоянно или иногда.

Признаком национальной идентификации могут выступать ответы учащихся на вопрос об отношении к своей национальной принадлежности. Две трети обучающихся колледжа и чуть меньшее число старшекласников ответили, что гордятся своей национальной принадлежностью (66,7 и 60,9 % соответственно), каждый третий учащийся колледжа к своей национальной принадлежности относится безразлично. Среди старшекласников такой ответ дали на 6,2 % респондентов больше. Вызывает позитивную оценку, что только два участника онлайн-опросов (один старшекласник и один обучающийся колледжа) стыдятся своей национальности.

На следующий вопрос: «Приходилось ли Вам испытывать чувство неполноценности из-за своей национальной принадлежности?» большинство опрошенных колледжа и общеобразовательных школ (85,5 и 89,1 % соответственно) ответили, что никогда не испытывали чувства неполноценности из-за своей национальной принадлежности. При этом 7,5 % учащихся и 5,9 % старшекласников постоянно или иногда испытывают чувство неполноценности из-за своей национальной принадлежности. Еще 5,0–7,0 % старшекласников и учащихся затруднились ответить на поставленный вопрос.

Следующим индикатором национальной идентификации выступают ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам испытывать стыд за людей своей национальности?» Здесь каждый второй учащийся ответил, что никогда не испытывал стыд за людей своей национальности, а вот среди старшекласников таких меньше на 10 %. При этом 41,0 % учащихся признались, что иногда испытывали стыд за людей своей национальности, а постоянно испытывали — 17,1 %, это каждый шестой респондент. При этом среди старшекласников чувство стыда испытывал иногда или постоянно каждый второй (30,9 и 18,9 % соответственно). Одновременно 8,5 % учащихся затруднились ответить на поставленный вопрос, среди старшекласников таких меньше — 5,3 %.

Далее участникам опроса было предложено высказать свое согласие или несогласие с утверждением, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности. Чуть более трех четвертей опрошенных учащихся (79,5 %) ответили, что скорее и совершенно не согласны с данным утверждением, среди старшекласников таких больше — 88,4 %. Согласие с данным утверждением высказали 6,8 % учащихся (согласен — 4,6 % и скорее согласен — 2,2 %) и 3,9 % старшекласников. При этом 13,7 % учащихся в чем-то согласны, а в чем-то не согласны с данным утверждением, а среди старшекласников таких в два раза меньше (табл. 2).

Следующий вопрос позволил выяснить, приходилось ли респондентам испытывать превосходство представителей своей национальности над другими. Четверть опрошенных учащихся и старшеклассников (26,5 и 25,0 % соответственно) признались, что испытывали превосходство над людьми других национальностей: каждый десятый ответил «Да, постоянно», а каждый шестой — «Иногда». Чуть более половины опрошенных никогда не испытывали чувства превосходства над людьми других национальностей. При этом каждый пятый учащийся и каждый четвертый старшеклассник затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таблица 2

Распределение ответов на утверждение, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Обучающиеся	
	школ	колледжа
Согласен	2,5	4,6
Скорее согласен	1,4	2,2
В чем-то согласен, в чем-то нет	7,7	13,7
Скорее не согласен	14,4	13,7
Не согласен	74,0	65,8

Индикатором этнической толерантности могут выступать ответы на вопрос, трудно ли уживаются участники опроса с людьми своей национальности. Почти каждый пятый учащийся признался, что иногда или постоянно испытывает затруднения при общении с людьми своей национальности. Среди старшеклассников таких больше на 4,5 %. Почти три четверти учащихся и две трети старшеклассников имеют противоположную позицию, они ответили, что не испытывают затруднений при общении с людьми своей национальности. Почти каждый десятый учащийся и старшеклассник испытал затруднения с ответом на данный вопрос.

Более чем две трети опрошенных учащихся считают, что люди других национальностей иногда или постоянно создают неприятности (33,3 и 6,0 % соответственно). Среди старшеклассников таких меньше на 6,0 %. При этом чуть более половины опрошенных учащихся ответили, что люди других национальностей никогда не создают им неприятности, среди старшеклассников такого мнения придерживаются на 7,2 % больше. Почти каждый десятый участник опроса затруднился ответить на поставленный вопрос.

Каждый третий учащийся, принявший участие в опросе, постоянно или иногда испытывает напряжение, когда слышит вокруг себя чужую речь. Среди старшеклассников таких больше на 7,1 %. При этом более половины опрошенных (57,2 и 58,1 % соответственно) никогда не испытывают такого напряжения (табл. 3). Отметим, что 7,7 % учащихся затруднились ответить на данный вопрос, среди старшеклассников таких в 5 раз меньше.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос, испытывают ли респонденты напряжение, когда слышат вокруг себя чужую речь, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Обучающиеся	
	школ	колледжа
Да	7,4	5,1
Иногда	33,9	29,1
Никогда	57,2	58,1
Затрудняюсь ответить	1,5	7,7

Ответы на следующий вопрос позволили выявить направленность в межнациональных взаимодействиях (позитивную или негативную). Каждый десятый участник опроса испытывает раздражение при близком общении с людьми других национальностей. При этом чуть более чем три четверти учащихся не испытывают раздражение при близком общении с людьми других национальностей, среди школьников таких больше на 6,1 % (79,5 и 85,6 % соответственно). Каждый десятый учащийся затруднился ответить на данный вопрос, среди старшеклассников таких в 2,5 раза меньше (табл. 4). По нашему мнению, за формулировкой «Затрудняюсь ответить» скрывается неуверенность участников опроса, в первую очередь учащихся колледжа, поскольку именно они чаще старшеклассников выбирают данный, нейтральный вариант ответа.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос, испытывают ли респонденты раздражение при близком общении с людьми других национальностей, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Обучающиеся	
	школ	колледжа
Да	2,0	1,9
Иногда	8,1	7,5
Никогда	85,6	79,5
Затрудняюсь ответить	4,3	11,1

На вопрос: «Должны ли люди других национальностей иметь ограничения в праве проживания в г. Заводоуковске, три четверти учащихся ответили отрицательно, среди старшеклассников таких на 12,1 % больше. При этом 14,5 % учащихся ответили, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания в г. Заводоуковске, среди старшеклассников так считают менее 10 % (табл. 5). При этом 12,0 % учащихся затруднились вновь ответить на поставленный вопрос, среди старшеклассников таких вдвое меньше.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос, что люди других национальностей должны иметь ограничения в праве проживания в г. Заводоуковске, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Обучающиеся	
	школ	колледжа
Да	3,0	3,4
Иногда	6,1	11,1
Никогда	85,6	73,5
Затрудняюсь ответить	6,3	12,0

Готова ли учащаяся молодежь взаимодействовать и иметь дела с представителями любых национальностей? Или национальные различия оказывают влияние на принятие решения о деловых взаимоотношениях? Ответы на данные вопросы можно получить из таблицы 6. Как видим, однозначно готовы иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия, три четверти опрошенных старшеклассников и на 7,4 % меньшее число учащихся. Каждый шестой признался, что готов, но не всегда — иногда, среди старшеклассников такой вариант ответа выбрали в два раза меньшее число опрошенных. А вот четкий отрицательный ответ на данный вопрос высказали менее 10 % процентов участников опроса (6,8 и 8,1 % соответственно), и такое же число учащихся и старшеклассников затруднились ответить на данный вопрос.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос о готовности иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Обучающиеся	
	школ	колледжа
Да	77,5	70,1
Иногда	8,1	16,2
Никогда	8,1	6,8
Затрудняюсь ответить	6,3	6,9

В ходе исследования нам удалось измерить социальную дистанцию между представителями различных национальностей. Традиционно выделяют следующие шкалы социальной дистанции: готовность принять в качестве друга, соседа, коллеги по учебе, жителя моего города, села или не хотел бы с ним общаться, видеть в своем городе. Если провести анализ оценок участников опроса по всем предложенным дистанциям в зависимости от национальности, то можно увидеть, что большинство опрошенных готовы принять представителей других национальностей в лучшем случае как друзей или жителей своего города или населенного пункта. Позитивная оценка присутствует в отве-

тах от 31 до 63 % участников опроса в зависимости от анализируемой национальности. При этом русских, украинцев и белорусов выбирают чаще в качестве друзей, а не жителей своего города, а узбеков и таджиков, наоборот, готовы чаще принять в качестве жителей своего города, но не в качестве близкого друга. Представителей других национальностей готовы принять почти одинаковое число опрошенных учащихся и старшеклассников и в качестве близкого друга, и в качестве жителей своего города. При этом от 3 до 11 % участников опроса готовы принять представителей определенной национальности в качестве соседа или коллеги по учебе. Как видно из данных таблицы 7, каждый десятый старшеклассник и учащийся готов принять представителей всех национальностей (кроме русских, татар и башкир) в качестве соседа, а в качестве коллеги по учебе почти в два раза реже называются украинцы и белорусы, в 2,5–3 раза реже азербайджанцы, чеченцы, ингуши, грузины, армяне, осетины, в 5 раз реже — представители из Средней Азии. Татар, башкир и русских готовы принять и в качестве друга, и в качестве соседа.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос, в каком качестве респонденты готовы лично принять людей определенных национальностей, в зависимости от места обучения, в % к общему числу опрошенных

Национальность	В качестве				
	друга	соседа	коллеги по учебе	жителя моего города	не хочу общаться и видеть в своем городе
Татары, башкиры	40,2/	5,0/	6,0/	41,9/	6,9/
	41,3	6,7	5,7	42,0	4,3
Русские	58,1/	3,3/	3,3/	31,6/	3,5/
	63,4	3,0	5,0	28,5	1,9
Украинцы, белорусы	42,7/	11,1/	6,0/	35,0/	5,2/
	47,3	9,5	6,0	33,6	3,6
Узбеки, таджики	34,2/	11,1/	1,7/	40,2/	12,8/
	37,1	7,4	6,0	43,1	6,4
Азербайджанцы, чеченцы, ингуши	39,3/	7,0/	2,3/	37,6/	13,7/
	38,2	8,1	4,3	41,3	7,4
Грузины, армяне, осетины	37,6/	8,5/	3,5/	37,6/	12,8/
	41,8	8,2	7,1	37,6	5,3

Примечание: в числителе представлены ответы учащихся колледжа, в знаменателе — старшеклассников школ.

Далее подробнее рассмотрим оценки участников по каждой анализируемой дистанции. Первая дистанция — принятие в качестве друга. Как показывают данные, представленные в таблице 7, этническая общность не является однозначным фактором желательности и возможности принятия в качестве друга представителя той или иной национальности. Более половины опрошенных учащихся допускают принятие в каче-

стве друга русских, чуть меньше половины — украинцев, белорусов, татар и башкир. Представителей других национальностей готовы принять около трети опрошенных учащихся. По нашему мнению, это объясняется тем, что представители указанных национальностей в сельских районах юга Тюменской области поселились в ходе миграционных процессов, а взаимоотношения русских, татар и украинцев носят длительный характер. Более того, перечисленные этносы в структуре населения области имеют численное преобладание. В ответах старшеклассников при оценке национальности друга, в отличие от учащихся колледжа, не выявлено значимых различий, можно отметить, что их число превышает от 3 до 5 % в зависимости от национальности. Например, в качестве друга готовы принять 42,7 % учащихся, а среди старшеклассников таких 47,3 %. Азербайджанцев, чеченцев, ингушей готовы принять как жителей своего города 37,6 % учащихся и 41,3 % старшеклассников.

В качестве желательного соседства учащиеся и старшеклассники рассматривают преимущественно украинцев и белорусов, а также узбеков и таджиков, далее следуют грузины, армяне и осетины. В ответах старшеклассников и учащихся при оценке национальности соседа, как видим, не выявлено значимых различий, можно отметить количественное превышение позитивных оценок к представителям отдельных национальностей. Например, в качестве соседа каждый десятый учащийся (11,1 %) готов принять узбеков и таджиков, среди старшеклассников готовность высказали только 7,4 %. В целом учащаяся молодежь не дистанцируется от выходцев из Средней Азии, это говорит об отсутствии неприязненного отношения к ним (см. табл. 7).

Поскольку значительная часть социальных взаимодействий осуществляется в образовательном учреждении, то оценка друг друга происходит в ходе учебных и практических занятий, когда оценке подвергаются в первую очередь знания, а также личностные и деловые качества. Поэтому в качестве коллеги по учебе учащиеся выбирают преимущественно представителей татарской и башкирской национальностей, а также украинцев и белорусов. А вот узбеков и таджиков учащиеся менее всего склонны видеть в качестве коллег по учебе, поскольку те, чаще всего плохо владеют русским языком, сложнее усваивают учебный материал, традиционные российские ценности, пытаются воспроизводить в учебных заведениях этнические стереотипы поведения.

Следующая шкала социальной дистанции — «житель моего города, села». Как видим из данных таблицы 7, различия между представителями анализируемых национальностей не значительны. В качестве постоянных жителей г. Заводоуковска учащиеся и старшеклассники готовы принять приезжих и из Средней Азии и с Северного Кавказа, но наибольшее предпочтение получили представители татарской и башкирской национальностей, традиционно населяющие юг Тюменской области.

Последняя шкала, которую следует проанализировать, — «нежелание общаться и видеть в своем городе» представителей определенных национальностей, то есть желание исключить из круга своего общения, а также желание не поддерживать формальные и неформальные контакты. Ответы на данный вопрос в открытой или скрытой форме доказывают нам интолерантное отношение к представителям следующих национальностей: узбекам, таджикам, азербайджанцам, чеченцам, ингушам, грузинам, армянам, осетинам. Хотя уровень неприятия не является критическим, но свидетельствует о

наличии напряженности и конфликтности в межэтнических отношениях в первую очередь учащихся колледжа. Проводя сравнительный анализ ответов учащихся и старшеклассников, можно увидеть двухразовое превышение у учащихся негативных оценок к представителям отдельных национальностей. Например, с узбеками и таджиками не хотели бы общаться 12,8 % учащихся, среди старшеклассников таких только 6,4 %.

Проведенный выше анализ подтверждает наличие неприязненного отношения и учащихся, и старшеклассников к представителям Средней Азии и Северного Кавказа, поэтому далее рассмотрим ответы участников опроса о причинах, вызывающих раздражение и неприязнь к представителям некоторых народов, с которыми им приходилось общаться во время учебы и свободное время. Разрешалось выбрать все возможные варианты причин.

Триада причин, названных старшеклассниками и учащимися, различается, но главные причины носят социокультурную окраску. Чуть более четверти опрошенных старшеклассников основной причиной назвали отсутствие у приезжих элементарной культуры и неумение себя вести в обществе, по оценкам учащихся колледжа, данная причина занимает четвертую позицию. По мнению четверти опрошенных учащихся и старшеклассников, второй причиной (первой у учащихся) является то, что приезжие ведут себя развязно, как хозяева, не соблюдают обычаи нашей страны. Безусловно, данная причина способствует возникновению и развитию межнациональных конфликтов, экстремистских настроений среди молодежи и других негативных последствий, с которыми столкнулись европейские государства, открыв границы для мигрантов. Пропагандируемые европейские ценности не нашли поддержки у мигрантов, они продолжали соблюдать свои традиционные ценности, игнорируя ценности принимающего общества.

Каждый пятый учащийся и старшеклассник считает, что люди других национальностей враждебно относятся к русским. Отметим, что для старшеклассников данная причина в рейтинге занимает третью позицию, а у учащихся — вторую. В чем проявляется враждебность, предстоит изучить на следующем этапе исследования. Чуть меньшее число опрошенных опасаются их в связи с угрозой терроризма (17,1 %).

Почти каждый десятый респондент раздражается и испытывает неприязненное отношение к представителям некоторых национальностей из-за манеры их поведения, внешности, одежды.

Отметим, что причинами раздражения и неприязни названы и экономические причины: респондентам не нравится, что они контролируют определенные сферы бизнеса, отнимают рабочие места у местного населения и занимаются преступной деятельностью.

Как было отмечено выше, значительную часть времени обучающиеся проводят на территории учебного заведения, где посещают учебные занятия или практические работы в специально отведенных лабораториях, мастерских. Кроме того, в образовательных учреждениях работают творческие кружки, спортивные секции, где происходит непосредственное общение учащихся различных национальностей между собой, а также с учителями и наставниками. В образовательной среде происходят формирование и развитие толерантного отношения к представителям различных национальностей;

школа, колледж являются институтами этнической и религиозной социализации учащейся молодежи. Рассмотрим оценки учащихся и старшеклассников некоторых условий, сложившихся в Агротехнологическом колледже и заводоуковских школах. Участники опроса оценивали по пятибалльной шкале (где 1 балл означает наименьшую выраженность сложившихся условий, 5 баллов — наибольшую выраженность) пять условий, способствующих развитию толерантного отношения к представителям различных национальностей.

Две трети опрошенных учащихся и старшеклассников считают, что в колледже и школе созданы благоприятные условия, позволяющие проявлять уважение к обычаям, традициям и языку учащихся иных национальностей, именно они поставили высшие баллы (4 и 5). При этом каждый пятый поставил среднюю оценку (3), а каждый десятый наименьшие баллы. Можно предположить, что один из десяти обучающихся придерживается противоположного мнения: в колледже не созданы условия для уважительного отношения к обычаям, традициям и языку учащихся иных национальностей (табл. 8).

Таблица 8

Оценки обучающихся некоторых условий, характеризующих ситуацию в колледже, в % к общему числу опрошенных

Характеристика	Оценка (в баллах)				
	1 — наименее выражено	2	3	4	5 — наиболее выражено
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей	5,3/ 7,7	5,7/ 3,4	21,2/ 19,7	29,7/ 21,4	38,2/ 47,9
Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности	3,9/ 10,3	4,3/ 4,3	11,3/ 13,7	28,0/ 17,9	52,5/ 53,8
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности	40,7/ 50,4	22,1/ 14,5	19,6/ 20,5	8,6/ 6,8	8,9/ 7,7
Оскорбления по национальному признаку	52,2/ 57,3	17,6/ 12,8	14,4/ 16,2	8,3/ 4,3	7,6/ 9,4
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)	55,0/ 57,3	16,8/ 12,8	12,1/ 17,1	8,6/ 4,3	7,5/ 8,5

Примечание: в числителе представлены ответы учащихся колледжа, в знаменателе — старшеклассников школ.

Более чем три четверти опрошенных учащихся (80,5 %) считают, что в колледже готовы помочь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности, среди старшеклассников таких меньше — 71,7 %. Противоположную точку зрения высказали 8,2 % учащихся, согласно которой в колледже при оказании помощи обращают внимание на национальность обращающегося. Отметим, что среди старшеклассников такого мнения придерживается почти в два раза большее число респондентов. Каждый десятый участник опроса поставил среднюю оценку (1 и 3).

Почти две трети опрошенных склоняются к тому, что в колледже и школе не приняты недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности. При этом 17,7 % учащихся считают, что в колледже приняты недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности, среди старшеклассников такую оценку дали 14,5 % опрошенных. Отметим, что каждый пятый участник анкетного опроса поставил среднюю оценку.

Примерно аналогичные оценки мы видим, анализируя ответы учащихся и старшеклассников на оставшиеся две составляющие социально-психологической атмосферы, сложившейся в образовательных учреждениях. Так, 15,9 % учащихся уверены, что в колледже приняты оскорбления по национальному признаку, они поставили высшие баллы выраженности данным проявлениям (4 и 5); в школах они происходят реже, среди старшеклассников такие оценки поставили 12,6 % опрошенных. Среднюю оценку поставили 14,4 и 16,2 % учащихся и старшеклассников соответственно. Две трети опрошенных считают, что в школе и колледже не наблюдаются оскорбления по национальному признаку.

По мнению 16,1 % учащихся, в колледже происходят хулиганские действия на межнациональной почве, наблюдается физическое насилие (избиения и драки), в школах это наблюдается реже: среди старшеклассников такое мнение высказали 12,8 % опрошенных. Чуть более чем две трети опрошенных высказали противоположную оценку: в колледже и школе не происходят хулиганские действия на межнациональной основе, нет случаев физического насилия (избиений, драк).

Выводы

Результаты исследования, проведенного среди провинциальной учащейся молодежи, показали, что место обучения оказывает влияние на состояние отношений, складывающихся между старшеклассниками и учащимися разных национальностей. Специфика сельских районов юга Тюменской области (как и большинства российских регионов) не позволяет большинству сельских подростков получить общее среднее или среднее специальное образование в своих поселениях. Большинство школьников получают образование (как начальное, так и среднее, и общее среднее) в близлежащих крупных населенных пунктах, районных центрах или провинциальных городах. Большинство сельских выпускников средних школ поступают в колледж для получения одновременно общего среднего образования и освоения новой профессии. Незначительная часть продолжают обучение в общеобразовательных школах для последующего поступления в высшие учебные заведения.

Общение молодых людей между собой в образовательных учреждениях и вне стен школ и колледжа способствует формированию позитивного и негативного потенциала, на который оказывают влияние многие факторы, о которых речь шла выше. С одной стороны, общение старшеклассников и учащихся разных национальностей способствует преодолению национальных стереотипов, распространению позитивной информации об особенностях своей этнокультурной среды, преодолению напряженности и негативных стереотипов. С другой стороны, общение между собой во время учебных

и практических занятий, в досуговой среде (кружки, секции, библиотеки и пр.) может способствовать возникновению разного рода конфликтов.

Следует отметить, что сформулированные гипотезы в ходе проведенного исследования подтвердились.

1. Национальная идентификация провинциальной молодежи носит устойчивый характер: более половины обучающихся колледжа и старшекласников гордятся своей национальной принадлежностью, большинство опрошенных никогда не испытывали неполноценность из-за своей национальной принадлежности.

2. Межнациональная напряженность возникает чаще среди обучающихся колледжа в связи со спецификой контингента обучающихся. Две трети учащихся — это сельская молодежь, которая в отличие от городской (провинциальной) молодежи имеет более низкую образовательную подготовку, в материальном плане менее обеспечена, находясь в отрыве от родительского дома, чаще испытывает стресс и не может сразу адаптироваться к городской жизни, более подвержена влиянию окружающей среды.

3. Учащаяся молодежь чаще дистанцируется от сверстников среднеазиатских и кавказских национальностей, что выражается в нежелании общаться и видеть в своем городе в первую очередь узбеков, таджиков, азербайджанцев, чеченцев, желание исключить их из круга своего общения, не поддерживать с ними формальные и неформальные контакты.

4. В образовательных учреждениях сложилась атмосфера уважительного отношения к обычаям, традициям и языку учащихся всех национальностей, взаимной помощи в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности. Не приветствуются недружелюбные высказывания о людях другой национальности, оскорбления по национальному признаку и хулиганские действия на межнациональной почве. Таким образом, основополагающую роль в формировании гармоничных межнациональных отношений у подростков и молодежи играет семья, а в их развитии — образовательное учреждение. Таким образом, администрация учебного заведения совместно с родительским комитетом должна искать и реализовывать эффективные мероприятия для поддержания позитивного коммуникативного пространства учащейся молодежи.

Библиографический список

- [1] Новый текст Конституции Российской Федерации с поправками 2020. – Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>.
- [2] Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/. – Текст : электронный.

- [3] Конев, Ю. М. Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области / Ю. М. Конев, М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 3 (383). – С. 82–87.
- [4] Конев, Ю. М. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи (по результатам социологического опроса студентов Тюменского государственного нефтегазового университета) / Ю. М. Конев, Л. В. Ребышева, Ю. П. Савицкая. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. – С. 203–205.
- [5] Россия — Тюмень : векторы евразийского развития : [коллективная монография] / Г. А. Байгонакова О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко [и др.] ; под редакцией В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллиной ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный нефтегазовый университет. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – 324 с. – Текст : непосредственный.
- [6] Хайруллина, Н. Г. Межэтнические отношения в Тюменской области : динамика и тенденции / Н. Г. Хайруллина, Е. М. Воробьев ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный нефтегазовый университет. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. – 196 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Хайруллина, Н. Г. Межэтнические отношения в полиэтничном российском регионе: социологическое измерение / Н. Г. Хайруллина. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского государственного технического университета им. А. Н. Туполева. – 2013. – № 1. – С. 182–184.
- [8] Игнатова, Е. В. Общественно-политические, межнациональные и межконфессиональные отношения в оценках студентов / Е. В. Игнатова, Н. Г. Хайруллина, Н. В. Казакова. – Текст : непосредственный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2020. – № 2. – С. 129–133.
- [9] Ковров, В. Ф. Проблемы гармонизации межнациональных отношений в Республике Башкортостан : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Ковров Владимир Федорович. – Уфа, 2000. – 126 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Khairullina, N. G. Interaction between generations : a sociological approach / N. G. Khairullina, K. N. Sadykova. – DOI 10.5829/idosi.wasj.2014.31.01.14279. – Direct text // World Applied Sciences Journal. – 2014. – Vol. 31, Issue 1. – P. 124–127.
- [11] Хайруллина, Н. Г. Влияние пандемии коронавируса на социальное пространство студентов / Н. Г. Хайруллина, А. Л. Егоров, В. Ф. Ковров. – DOI 10.46320/2073-4506-2020-8-147-382-383. – Текст : непосредственный // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8 (147). – С. 382–383.

References

- [1] Novyy tekst Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii s popravkami 2020. (In Russian). Available at: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

- [2] Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 No 1666 "O Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda". (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/
- [3] Konev, Yu. M., Belonozhko, M. L., & Barabakov, O. M. (2016). Social mood of rural residents in the south of Tyumen region. *Sociological Studies*, (3(383)), pp. 82-87.
- [4] Konev, Yu. M., Rebysheva, L. V., & Savitskaya, Yu. P. (2015). Valuable orientations of modern students (based on a poll of students of the Tyumen State Oil and Gas University). *Modern Problems of Science and Education. Surgery*, (1-2), pp. 203-205. (In Russian).
- [5] Baygonakova, G. A., Barbakov, O. M., Belonozhko, M. L., Gavriiliuk, V. V., Gavriiliuk, T. V., Grosheva, I. A.,... Shelomentseva, V. P. (2015). *Rossiya - Tyumen': vektory evrazijskogo razvitiya*. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University Publ., 324 p. (In Russian).
- [6] Khairullina, N. G., & Vorob'ev, E. M. (2014). *Mezhetnicheskie otnosheniya v Tyumenskoy oblasti: dinamika i tendentsii*. Tyumen, Tyumen State Oil and Gas University Publ., 196 p. (In Russian).
- [7] Khairullina, N. G. (2013). Interethnic relations in multiethnic Russian region: sociological dimension. *Vestnik KGTU im. A. N. Tupoleva*, (1), pp. 182-184. (In Russian).
- [8] Ignatova, E. V., Khayrullina, N. G., & Kazakova, N. V. (2020). Social and political, inter-national and interconfessional relations in estimations of students. *Economical and humanities researches of the regions*, (2), pp. 129-133. (In Russian).
- [9] Kovrov, V. F. (2000). *Problemy garmonizatsii mezhnatsional'nykh otnosheniy v Respublike Bashkortostan*. Diss. ... kand. sotsiol. nauk. Ufa, 126 p. (In Russian).
- [10] Khairullina, N. G., & Sadykova, K. N. (2014). Interaction between generations: a sociological approach. *World Applied Sciences Journal*, 31(1), pp. 124-127. (In English). DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.31.01.14279
- [11] Khayrullina, N. G., Egorov, A. L., & Kovrov, V. F. (2020). Impact of the coronavirus pandemic on students' social space. *Eurasian Law Journal*, (8(147)), pp. 382-383. (In Russian). DOI: 10.46320/2073-4506-2020-8-147-382-383

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 11/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 13/11/2021

УДК 316.6

Социальный характер в «Я-концепции» молодежи

Рафаэль Бадретдинович Шайхисламов

Кафедра социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социального характера молодежи. Проблематика социального характера в социально-психологической и социологической литературе относится к числу наименее изученных тем. Между тем динамичные социальные, политические, духовные процессы, нарастание их неопределенности делают все более востребованными исследования, нацеленные на изучение формирования социального характера как всего общества, так и поколений. Роль социального характера как фактора социальной стабильности противоречива. Он может быть и барьером на пути социальных преобразований. Но он же является основой сохранения целостности общества в условиях кризиса. Социальный характер является социально-психологической базой устойчивого развития общества.

Автор дает свое понимание феномена социального характера как проявления системы ориентаций (устойчивой направленности, принципов, идеалов, убеждений) в социальном поведении личности, группы, общества в целом. Благодаря внутренней социально-психологической устойчивости личности ее поведение также носит устойчивый характер в самых различных ситуациях. Рефлексия и оценки личности в виде суждений о своем индивидуальном и социальном характере представляют собой «Я-концепцию».

На основе исследований по Республике Башкортостан, проведенных под руководством автора статьи, анализируются уровни проявления ориентаций молодежи: «ориентация-на-себя», «ориентация-на-традиции», «ориентация-на-других» (терминология Д. Рисмена). Автор приходит к выводу о слабой дифференциации ориентаций молодежи. Социальный характер молодежи представляет собой синтез слабо проявляемых ориентаций на себя и ориентаций на традицию при периферийном положении ориентации на других. Это свидетельствует о том, что рыночные отношения и корпоративные правила не привели к доминированию в молодежной среде рыночного характера, к тотальному подчинению поведения требованиям бюрократической системы. В то же время индивидуализм со всеми его положительными и негативными сторонами также не является доминирующей характеристикой молодежи. Ориентация на себя тесно переплетена с ориентацией на традиции. Эти два типа ориентаций являются не оппозиционными, а взаимодополняющими.

Ключевые слова: молодежь, социальный характер, Я-концепция, ориентация-на-себя, ориентация-на-традицию, ориентация-на-других.

Social character in the Self-concept of youth

Rafael B. Shaikhislamov

Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University, Ufa, Russia

Abstract. The article deals with the issues of the social nature of young people. The problems of social character in the socio-psychological and sociological literature are among the least studied topics. Meanwhile, dynamic social, political, and spiritual processes, and their increasing uncertainty, make research aimed at studying the formation of the social character of both the entire society and generations more and more popular. The role of social character as a factor of social stability is contradictory. It can also be a barrier to social transformation. But it is also the basis for preserving the integrity of society in times of crisis. Social character is the socio-psychological basis for the sustainable development of society.

The author gives his understanding of the phenomenon of social character as a manifestation of a system of orientations (stable orientation, principles, ideals, beliefs) in the social behavior of an individual, group, and society as a whole. Due to the internal socio-psychological stability of the individual, his behavior is also stable in a variety of situations. The reflection and evaluation of the personality in the form of judgments about its individual and social character is the Self-concept.

On the basis of studies on the Republic of Bashkortostan conducted under the guidance of the author of the article, the levels of manifestation of youth orientations: "self-orientation", "tradition-orientation", "orientation-to-others" (D. Riesman's terminology) are analyzed. Such research is a pioneer in the sociological and socio-psychological literature.

The author comes to the conclusion about the weak differentiation of youth orientations. The social character of young people is a synthesis of weakly manifested orientations to themselves and orientations to tradition, with the peripheral position of orientation to others. This indicates that market relations and corporate rules have not led to the dominance of the mentality of young people of a market nature, the total subordination of behavior to the requirements of the bureaucratic system. At the same time, individualism, with all its positive and negative aspects, is also not the dominant characteristic of young people. Self-orientation is closely intertwined with traditional orientation. These two types of orientations are not oppositional, but complementary.

Keywords: youth, social character, Self-concept, self-orientation, tradition-orientation, orientation-to-others.

Введение

Проблемы изучения характера, хотя и оказались вытесненными на периферию психологической науки, приобретают актуальность в силу того, что требуется научное осмысление неоднозначных, зачастую парадоксальных по своему содержанию моделей и стилей поведения, особенно молодежи. В одном и том же молодом человеке вполне могут сочетаться политическая пассивность в условиях легальных возможностей (в выборах, в общественных объединениях, в политических дискуссиях) и политическая активность в нелегальных, незаконных ее проявлениях. Впрочем парадоксальное сочетание активности и пассивности, предприимчивости и безынициативности является достаточно частым явлением и в других сферах жизнедеятельности молодежи.

Когда противоречивость, парадоксальность поведения становятся чертой той или иной части молодежи, то это становится особым предметом социально-психологического и социологического анализа. Поэтому в данной статье нами предпринимается попытка анализа феномена социального характера в Я-концепции, что необходимо для исследования трансформаций в жизни разных поколений, в том числе так называемых поколений Y и Z.

Формула «посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу» представляет собой алгоритм трансформаций в жизни не только индивида, но и молодого поколения и в конечном счете страны. Предвидеть судьбу будущего российского общества, ядро которого составит поколение Z, можно на основе изучения актуального социального характера этого поколения, формирующегося в среде цифровых технологий и социальных сетей.

В научно-популярной литературе можно найти изобилие описаний поведения поколения, родившегося в первые два десятилетия нового века. Эти описания являются несистемными, не опираются на какую-либо методологию или научную концепцию. Это значит, что индивидуальной и социальной психологии, социальным наукам необходимо продолжить разработку проблематики индивидуального и социального характера. Без концептуальной базы мы не сможем перейти от описаний к раскрытию сущностных черт социального поведения молодежи.

Нельзя сказать, что социальный характер различных социальных групп не был предметом социологической науки. Достаточно вспомнить работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [1] и В. Зомбарта «Буржуа. Социологические этюды» [2]. Последовательно меняющие друг друга аффективный, традиционный, ценностно-рациональный и целерациональный идеальные типы олицетворяют социальные характеры западноевропейского человека на различных этапах исторического развития. «Мещанский» и «предпринимательский» типы социального характера буржуа также иллюстрируют эволюцию «капиталистического духа» западноевропейского типа.

Наиболее полно концепция социального характера была разработана в рамках Франкфуртской школы психологами Э. Фроммом и Д. Рисменом. Эрих Фромм, сформулировавший с позиций неопрецидизма и неомарксизма понятие социального характера, дал описание плодотворного и неплодотворного характеров. Особый интерес представляет описание рыночного характера, доминирующего, с точки зрения психолога, в современном западном обществе [3–5]. Согласно определению Э. Фромма, социальный характер представляет собой «ядро структуры характера, общее для большинства представителей одной и той же культуры, в противоположность индивидуальному характеру, отличающему друг от друга людей, принадлежащих к одной культуре. Социальный характер — понятие не статистическое, то есть это не просто совокупность черт характера, свойственных большинству представителей данной культуры. ... Члены общества и (или) различные классы или группы, занимающие определенное общественное положение внутри них, должны вести себя таким образом, чтобы быть способными функционировать так, как того требует социальная система. Назначение социального характера — так организовать энергию членов общества, чтобы их поведение определялось не сознательным решением следовать или не следовать социально заданному образцу, а желанием поступать так, как они должны, и вместе с тем — удовлетворением от действий, соответствующих требованиям культуры». Э. Фромм не сводил социальный характер к модальному (наиболее часто встречающемуся) типу индивидуальных характеров или к их совокупности. Социальный характер, отмечал он, произведен не индивидуальными чертами, а системой социальных отношений и культурой [5].

Если в концепции Э. Фромма основное внимание уделяется анализу таких форм социального характера, как плодотворные (созидательные) и неплодотворные (разрушительные) ориентации, то другой представитель психоаналитического направления Д. Рисмен сосредоточился на рассмотрении типов ориентаций в поведении индивидов — «ориентации-на-традицию», «ориентации-на-себя» и «ориентации-на-других». Становление «ориентации-на-себя» связано с автономностью и ослаблением влияния традиций на поведение индивидов. Формирование (начиная с середины прошлого века) «ориентации-на-других», как утверждал американский психолог, обусловлено ростом влияния корпораций, предъявляющих работнику жесткий набор ролевого поведения [6].

Проблематика социального характера в определенной степени прослеживается в творчестве всех представителей Франкфуртской школы, особо — Г. Маркузе («одномерный человек») и Ю. Хабермаса («теория коммуникативного действия»). Анализируя такие типы социального действия, как стратегическое, драматургическое, ориентированное-на-нормы и коммуникативное, Ю. Хабермас связывал их с негативным и созидательным характером. С проблематикой социального характера пересекаются исследования «авторитарной личности» М. Хоркхаймера и Т. Адорно.

Отдельно следует отметить близость концепций социального характера и национального характера. Изучение национального характера берет начало со школы психологии народов В. Вундта, получает свое развитие в работах М. Мид и Р. Бенедикт. Однако до сих пор эмпирические исследования национального характера, как отмечает А. Инкельс, не базируются на устоявшихся аналитических схемах, системы понятий и описательных переменных [7; 8]. Данная оценка верна и в отношении отечественных исследований в области национального характера. Многие работы страдают или эмпиризмом, описанием отдельных черт национального характера без их теоретической интерпретации, или теоретизированием без какой-либо эмпирической базы.

Что касается исследований социального характера, то они и малочисленны по сравнению с исследованиями национального характера, и также не обрели концептуальный дизайн и описательные переменные. В понятийном аппарате современной отечественной и зарубежной социально-психологической науки категория «социальный характер» не приобрела не только свое «гражданство», но и «вид на жительство». Убедиться в этом несложно, просмотрев оглавления известных учебников по социальной психологии. Можно лишь отметить некоторые попытки исследований социального характера отечественными исследователями [9–12].

Мы в наших предыдущих работах обсуждали содержание категории «социальный характер». В рамках данной статьи в тезисной форме остановимся на нашем понимании данного социального явления. Под характером общепринято понимать некое устойчивое ядро, проявляющее себя как стандартное, обычное поведение индивида в стандартных, обычных условиях. Исходя из этого, психологи и представители других наук пытаются измерить индивидуальный характер при помощи различных переменных показателей поведения человека (ответственный — безответственный, дисциплинированный — недисциплинированный, альтруистский — эгоистический и т. п.). Но исследование характера с позиций бихевиоризма сталкивается с методологической

проблемой: для полноты картины необходимо добавлять все более новые поведенческие переменные, что делает невозможным свести их к единому знаменателю. Анализ характера с позиций гуманистической психологии предполагает выявление того самого личностного ядра, которое и проявляется как устойчивое поведение человека. Задача исследования заключается в обнаружении в многообразном, противоречивом поведении человека того, что производно от этого ядра, и того, что производно от ситуации.

Если речь идет не об индивидуальном, а социальном характере, то эта задача приобретает еще более сложный вид. М. Маккоби отмечал, что путаница возникает в случае описания социального характера в терминах индивидуального характера. Социальный характер, отмечал автор, для большинства людей не коренится в их индивидуальном характере, а является результатом усвоения культурных норм, определяющих социальные установки, ценностные ориентации [13]. Но следует учитывать, что индивидуальные особенности человека также во многом обусловлены социальными взаимодействиями. Поэтому неизбежно мы должны искать ответ на вопрос: в какой степени и как социальный характер обусловлен личностным ядром взаимодействующих индивидов, в какой степени и как — особенностями сложившихся в определенном социуме социальных взаимодействий, и в какой степени и как — внешними для этого социума социальными обстоятельствами.

Социальный характер не может быть сведен к модальному (наиболее часто встречающемуся в социуме) индивидуальному характеру или к преобладающему в социуме типу индивидуального характера. Социальный характер — это не только производное от культуры и социальных взаимодействий, он и существует в форме социальных взаимодействий и культурных стандартов. Социальный характер, с нашей точки зрения, это устойчивые типы социального поведения, понимаемые как эмерджентный результат социальных взаимодействий. Субъектом социального характера являются не просто индивиды, а социумы, в которые включены эти индивиды. Поэтому в исследованиях социального характера необходимо акцентироваться на типичных формах социального поведения различных социальных групп и слоев. Кроме этого, когда мы говорим о социальном характере, эти типичные формы поведения рассматриваем как имманентно присущие различным социальным группам и слоям. Эти типы поведения складываются исторически, укоренены в культурах, передаются от поколения к поколению в виде традиций.

Эмерджентный результат социального поведения был предметом различных социально-психологических и социологических исследований массового поведения (толпы, публики, аудитории и т. п.). Поведение человека может отклоняться от индивидуального характера не только в стохастических образованиях, но и в устойчивых социальных системах. Индивидуальный и социальный характер могут существенно различаться в критических обстоятельствах (войны, кризисы, катастрофы и т. п.); «обычный» человек с его «обычным» поведением может проявить себя совершенно с другой стороны. В критических ситуациях проявляются наиболее ярко, с одной стороны, так называемый культурный код, менталитет социума, с другой стороны, влияние на поведение человека различных социальных ожиданий. Драматичность такой ситуации заключается в необходимости выбора между индивидуальными и социальными и куль-

турными императивами. Следует заметить, что художественное исследование социального характера (в литературе, театре и кино, живописи) дает богатый материал для научного анализа.

При разработке концепции социального характера нужно учитывать ограниченности бихевиоризма, сводящего анализ к описанию поведенческих актов, и гуманистического и психоаналитического направлений, сосредоточивающихся на анализе внутреннего мира личности. С одной стороны, индивидуальный и социальный характер — это устойчивые проявления индивидуального и социального поведения. С другой стороны, поскольку индивидуальный и социальный характер есть устойчивые поведенческие стратегии, то следует раскрыть то, благодаря чему существует такая устойчивость. Индивидуальный и социальный характер — это проявления существенных и внешне наблюдаемых, а также внутренних, латентных черт личности.

С нашей точки зрения, характер личности есть выражение ее ориентаций. Под ориентациями личности мы понимаем устойчивые внутренние регуляторы в форме идеалов, принципов, убеждений, направленности. В отличие от мотивов, ориентации более стабильны и надситуативны. О сложившемся характере личности мы судим по однозначности, стабильности ее поведения в неоднозначных, нестабильных ситуациях («проявляет свой характер»). В этом плане ориентации личности представляют, с одной стороны, внутренний стержень личности, с другой стороны, направленность поведения личности. Мы полагаем, что изучение индивидуального и социального характера предполагает анализ системы «внутренних» и «внешних» ориентаций субъекта. В своих работах в рамках социокультурного анализа мы выделяли три аспекта ориентаций личности: ориентации на социальную среду (социальные ориентации), ориентации на культуру (нормы, ценности, традиции) и ориентации на себя, являющиеся основой социальной, культурной идентичности и самоидентичности индивида [14]. Рефлексия этих ориентаций и идентичностей в виде понятий, суждений, умозаключений, а также самооценка представляют собой Мы- и Я-концепции личности. В этом плане суждения и оценки относительно собственного индивидуального и социального характера являются неотъемлемой частью Я- и Мы-концепции личности.

Материалы и методы

В нашем исследовании в рамках проекта «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)», проведенного в 2016 году, было осуществлено измерение уровней проявления ориентации на себя, ориентации на традицию и ориентации на других (согласно терминологии Д. Рисмена), представляющих один из важных компонентов социального характера. В отличие от Д. Рисмена, который был склонен рассматривать ориентацию на других как негативное проявление поведения личности, в тестовом материале мы сформулировали суждения в нейтральном ключе. Респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие (полностью, в основном, частично) в отношении 21 утверждений от своего имени («Я всегда решение принимаю только сам» и т. п.). Эти суждения, представляющие Я-концепцию респондентов, корреспондировались ими со

своим социальным характером.

Каждый тип ориентации представлен 7 утверждениями. В опросе приняли участие 1000 респондентов — жители Республики Башкортостан старше 18 лет. Молодежь в числе респондентов была представлена двумя возрастными группами — от 18–24 года и от 25–30 лет. Выборка систематическая, ошибка выборки не превышает 3 %. Методика измерения указанных типов ориентаций представлена в наших статьях [15; 16].

Результаты и обсуждение

Результаты самооценок респондентов в рамках предложенных суждений, соотносимых с тремя типами ориентаций, представлены на рисунке 1.

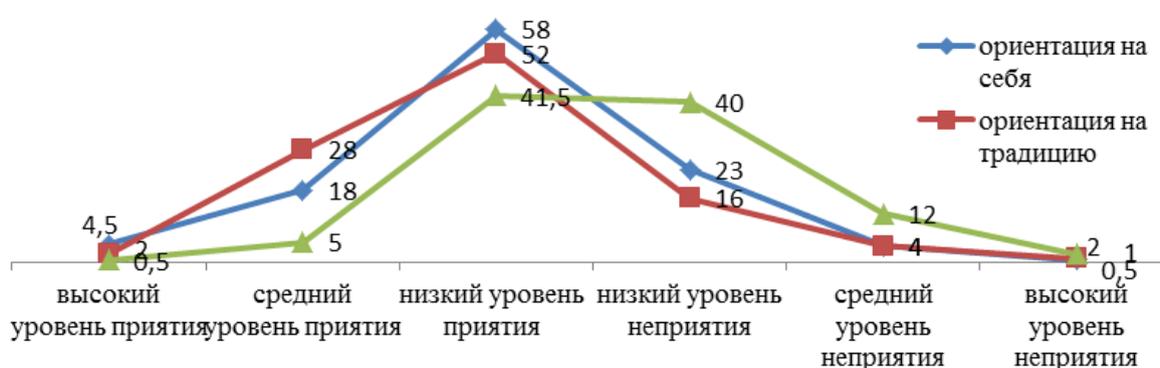

Рисунок 1. Уровни приятия/неприятия ориентаций* (в %)

(*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016. N = 1 000)

Наибольшая доля респондентов в незначительной степени («низкий уровень приятия») принимают в отношении себя те или иные типы ориентации. Тех, кого можно отнести к ярко выраженным представителям «ориентация-на-себя», «ориентация-на-традиции» и «ориентация-на-других», единицы. Типы «ориентация-на-себя» и «ориентация-на-традицию» представлены по уровням их приятия и неприятия себя, за исключением среднего уровня приятия, примерно одинаково. В совокупности всех уровней приятия эти два типа ориентаций характеризуют подавляющее большинство (82–88 %) респондентов. Следует уточнить, что большинство респондентов выбрали (на низком или среднем уровнях) и тот, и другой типы ориентации. Что касается типа «ориентация-на-других», то он представлен заметно в меньшей мере.

Респондентам предлагалось выразить отношение к различным утверждениям в форме как согласия, так и несогласия. Рассмотрим, какие типы ориентаций респонденты считают для себя неприемлемыми. В отношении типа «ориентация-на-других» складывается некоторый паритет среди тех, кто приемлет и не приемлет этот тип социального характера. Что касается типов «ориентация-на-себя» и «ориентация-на-традиции» каждый четвертый и пятый респондент отрицательно относятся к этим утверждениям — индикаторам (большинство из них — в умеренной степени).

На рисунке 2 представлены данные отношения респондентов в целом, и молодых респондентов в частности, к трем типам ориентаций.

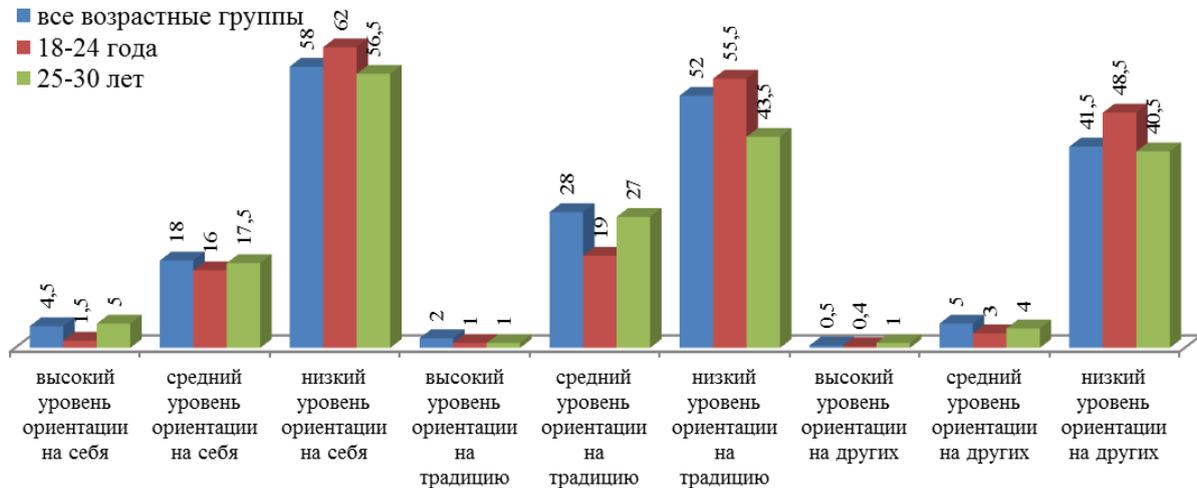

Рисунок 2. Уровни притяжения типов ориентаций среди молодежи*(в%)

(* Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016. N = 1 000)

Обратим внимание читателя на следующие данные.

1. Ни один из типов ориентаций, сопряженных с социальным характером молодежи, не является доминирующим. Следовательно, нельзя утверждать, что ориентированные на себя (или ориентированные на традиции, или ориентированные на свое социальное окружение) люди могут определять специфику социального характера молодежи.

2. Типичных представителей того или иного социального характера, если взять за этот критерий высокий уровень проявления ориентации, единицы — не более 5 % респондентов. Те, кто однозначно представляет собой носителя того или иного социального характера, являются нетипичными представителями как молодежи, так и остальных когорт.

3. Большинство респондентов (от 40 до 62 %) относятся к тем, у кого слабое проявление (низкий уровень) тех или иных ориентаций. При этом эти данные надо понимать как сочетание всех трех типов ориентаций, причем в большинстве своем — слабого проявления. В этом сочетании одни ориентации выражены чуть больше, другие — меньше, но все — в незначительном своем проявлении.

4. От 20 до 52 % респондентов считают для себя неприемлемым тот или иной тип ориентации. Больше, чем другие, оценивается тип «ориентация-на-других». Возникает вполне закономерный вопрос: каков социальный характер этих самых 20–52 % респондентов, к какому типу характера они могут относиться позитивно? Эти данные свидетельствуют как о неполноте, нерепрезентативности представленных трех типов ориентаций, так и о нигилистическом настрое части респондентов, не приемлющих вообще какие-либо ориентиры в своем поведении.

5. Сравнительный анализ данных показывает, что тип «ориентация-на-других» в оценках респондентов (в совокупности всех уровней представляющих 47 % респондентов) является менее популярным, чем типы «ориентация-на-себя» и «ориентация-на-традиции» (80 и 82 % респондентов). Исходя из этого, мы можем утверждать, что социальный характер большинства респондентов представляет синтез ориентаций на себя и на традицию.

6. Мы не видим здесь «разрыва поколений»: показатели ориентаций двух возрастных групп молодежи мало чем отличаются от общих показателей для всех возрастов респондентов. Поэтому говорить в контексте рассматриваемых типов ориентаций о существовании особого, отличающегося от других поколений, молодежного социального характера представляется неправомерным. В этом смысле молодежь такая же, как и старшие поколения.

Башкортостан — многонациональный регион. Наибольшие доли населения республики составляют русские, башкиры и татары. Интерес в этом плане представляют различия в социальном характере молодежи различной этнической идентичности. В представленных на рисунке 3 данных мы не видим каких-либо заметных различий в уровнях молодежи указанных идентичностей в ориентации на себя. Имеются некоторые различия в уровнях ориентации на традицию: молодежь башкирской идентичности выглядит более традиционно ориентированной, чем другие. Что касается ориентации на других, то различия на высоком и среднем уровнях почти отсутствуют. На низком уровне данная ориентация проявляется несколько выше среди молодых респондентов русской идентичности, чем у других.

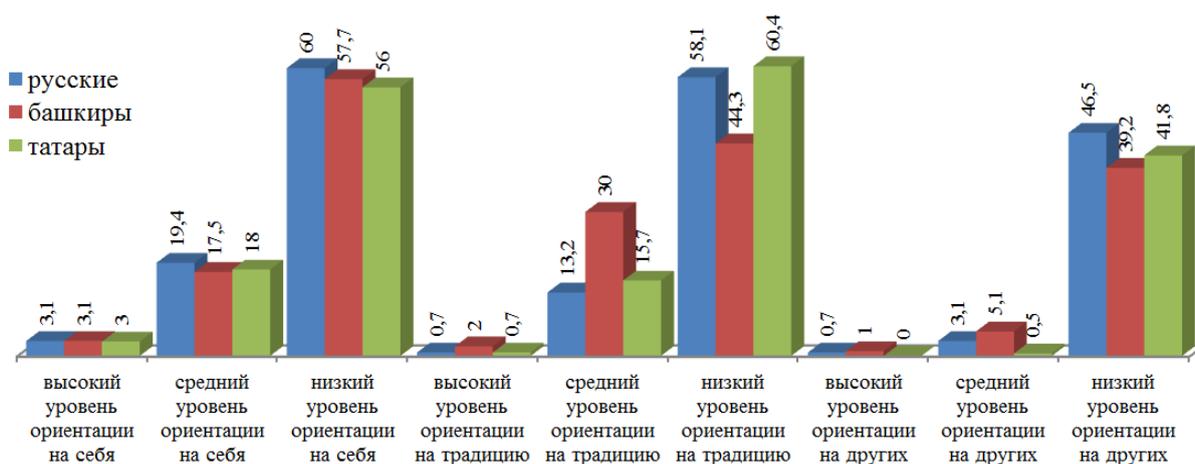

Рисунок 3. Уровни типов ориентаций молодежи* (в %)

(*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016. N = 1 000)

Мы не сводим указанные различия к особенностям этнического (национального) характера. Главным образом различия в уровнях появления того или иного типа ориентаций объясняются разным соотношением городского и сельского населения среди этнических групп молодежи. Доля горожан среди русского населения республики больш-

ше, чем среди татар, а доля горожан среди татарского населения республики больше, чем среди башкир. Этим и объясняются некоторые различия в уровнях ориентаций молодежи русской, башкирской и татарской идентичностей (рис. 4). Ориентация на традицию на среднем уровне своего проявления незначительна, но она более характерна для сельской молодежи, а ориентация на себя — для молодежи мегаполиса.

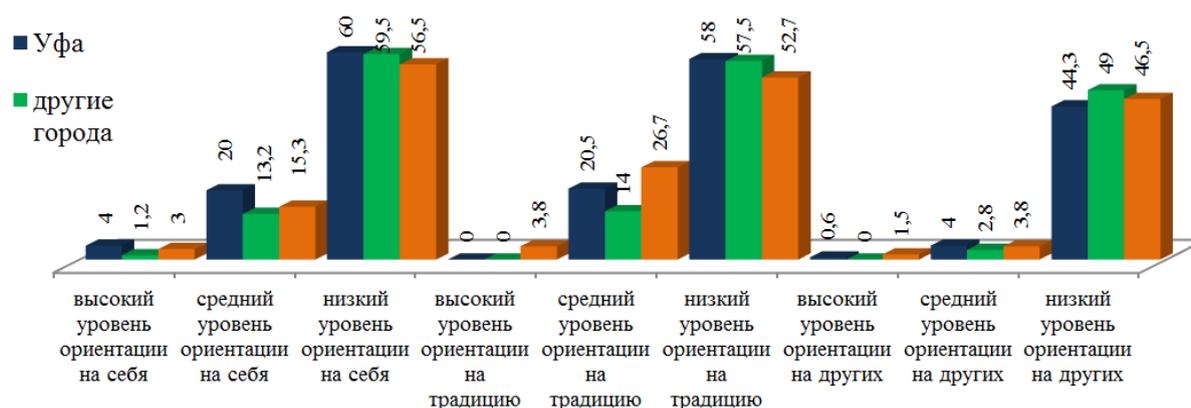

Рисунок 4. Различия в уровнях ориентаций молодежи городов и сел Республики Башкортостан* (в %)

(*Проект «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)», 2016. N = 1 000)

Выводы

Данные измерения говорят о такой особенности социального характера, как синтез умеренно выраженных типов «ориентация-на-себя» и «ориентация-на-традицию», при меньшей выраженности типа «ориентация-на-других». Тип «ориентация-на-себя» тесно связан с автономностью человека. Социально-экономические и духовные изменения за последние 30 лет, казалось бы, должны были привести к доминированию именно такой ориентации — к росту самостоятельности, интернального локуса контроля, ответственности. И наоборот, следование традиционным образцам социального поведения должно было стать нетипичной формой поведения, особенно молодежи. Однако мы видим не только их примерный паритет, в том числе в молодежной среде, но и отсутствие какой-либо заметной дифференциации социального характера. Можем предположить, что становление автономности человека не выходит за рамки российской цивилизации. Более того, эти два типа ориентации неразрывно связаны между собой. Что касается типа «ориентация-на-других», то можем предположить, что эталоны рыночного и бюрократического поведения не только не присущи большей части населения, но и представляются неприемлемыми.

То, что большая часть респондентов характеризуется низким уровнем притяжения на себя того или иного типа ориентаций, говорит о том, они одновременно соглашались с утверждениями, соотношенными с разными типами ориентаций. Это проявление сла-

бой дифференциации социального характера. В результате мы имеем определенный симбиоз не конкурирующих, а сосуществующих типов ориентаций. Можно выдвинуть гипотезу о том, что именно такой симбиоз может быть присущ российской цивилизации. Эта цивилизация не разнообразная, а многообразная по разным основаниям, в том числе и в отношении социального характера российского народа. Разнообразие социальных характеров проявляется в наличии несходных, принципиально различных, особенных типов ориентаций. Многообразие социальных характеров в рамках определенного социума существует на общей базе, едином основании различных типов ориентаций, имеющих больше не столько различий, сколько подобий.

Эволюция российской цивилизации в этом смысле отлична от других, в первую очередь от западноевропейской или североамериканской культуры. Вряд ли эта эволюция идет линейным путем (теологическая, метафизическая и позитивная стадии по О. Конту, аффективный, традиционный, ценностно-рациональный и целерациональный типы действия по М. Веберу, типы «ориентация-на-традиции», «ориентация-на-себя», «ориентация-на-других» по Д. Рисмену). Такие представления об эволюции социального характера нельзя буквально переносить на анализ других цивилизаций, в том числе российской.

Социальный характер «провинциальной» молодежи (на примере Республики Башкортостан) — это некая слабо дифференцированная целостность, основанная на синтезе разных типов ориентаций. Если поведенческие ориентации молодежи не только принципиально, но и даже каким-либо заметным образом не отличаются от поведенческих ориентаций старших поколений, то это позволяет делать вывод об устойчивости изменений социального характера общества.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта № 20-011-31700 «Информационные события в конструировании образа России в системе “Я”- и “Мы”-концепций поколений Y и Z» при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ; в рамках проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» программы фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» в 2020–2022 гг.

Библиографический список

- [1] Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; перевод с немецкого, сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с. – (Социологическая мысль Запада). – Текст : непосредственный.
- [2] Зомбарт, В. Буржуа : этюды по истории духовного развития современного экономического человека / В. Зомбарт ; перевод с немецкого Ал. З. – Москва : Наука, 1994. – 442 с. – Перевод изд.: *Der Bourgeois* / Werner Sombart, 1913. – Текст : непосредственный.

- [3] Фромм, Э. Бегство от свободы : человек для себя / Э. Фромм ; перевод с английского. – Москва : АСТ, 2004. – 571 с. – Перевод изд.: *Escape from freedom / Erich Fromm, 1994.* – Текст : непосредственный.
- [4] Фромм, Э. Психоанализ и религия ; искусство любить ; иметь или быть? / Э. Фромм ; перевод с английского Н. Петренко, О. Иванчук. – Киев : Ника-Центр, 1998. – 400 с. – Перевод изд.: *Psychoanalysis and Religion ; the art of love ; to have or to be? / Erich Fromm.* – Текст : непосредственный.
- [5] Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм ; перевод с английского Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной. – Москва : АСТ, Астрель, 2011. – 446 с. – Перевод изд.: *The Sane Society / Erich Fromm, 1955.* – Текст : непосредственный.
- [6] Рисмен, Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен. – Текст : непосредственный // *Социологические исследования.* – 1993. – № 3. – С. 121–129.
- [7] Инкельс, А. Национальный характер / А. Инкельс. – URL: http://national-mentalities.ru/history/istoriya/inkels_a_nacionalnyj_harakter3/. – Текст : электронный.
- [8] Inkeles, A. Measuring Social Capital and Its Consequences / A. Inkeles. – DOI 10.1023/A:1004826703499. – Direct text // *Policy Science.* – 2000. – Vol. 33, Issue 3(3). – P. 245–268.
- [9] Иванова, Т. Н. Социальный характер личности в условиях современности / Т. Н. Иванова, М. А. Абрюкова. – Текст : электронный // *Научно-методический электронный журнал «Концепт».* – 2016. – Т. 38. – С. 75–79. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56877.htm>.
- [10] Сикорский, Б. Ф. Национальный и социальный характер в жизни общества и человека : Ст. разных лет / Б. Ф. Сикорский ; Междунар. акад. Информатизации, отделение «Философия информ. Цивилизации». – Москва, 2002. – 83 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Толкач, А. А. Социальный характер современной студенческой молодежи в контексте психологии поколений / А. А. Толкач. – Текст : непосредственный // *Научные труды Республиканского института высшей школы.* – 2018. – № 18–3. – С. 79–86.
- [12] Беляева, Т. Б. Социально-перцептивные аспекты межпоколенных отношений как фактор психологической безопасности / Т. Б. Беляева. – Текст : непосредственный // *Психологическая безопасность личности в изменяющемся социуме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.* – Ярославль, 2018. – С. 39–44.
- [13] Maccoby, M. Toward a Science of Social Character / M. Maccoby. – DOI 10.1080/080370602317353255. – Direct text // *International Forum of Psychoanalysis.* – 2002. – Vol. 11, Issue 1. – P. 33–44.
- [14] Шайхисламов, Р. Б. Социокультурная система и личность (теоретико-методологический анализ) : монография / Р. Б. Шайхисламов. – Москва : Социально-гуманитарные знания, 2005 (Уфа : Миг-Полиграф). – 176 с. – Текст : непосредственный.

- [15] Социальный характер : вопросы методологии и методов исследования / Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Н. В. Коровкина, Э. В. Садретдинова. – DOI 10.26105/SSPU.2019.62.5.022. – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 5 (62). – С. 233–244.
- [16] Social Character : Issues of Methodology and Research Methods / G. R. Asadullina, N. V. Korovkina, I. V. Sadretinova [et al.]. – DOI 10.34069/AI/2020.26.02.61. – Direct text // Amazonia Investiga. – 2020. – Vol. 9, Issue 26. – P. 545–553.

References

- [1] Weber, M. (1990). Selected works : translated from German. (In English).
- [2] Sombart, W. (1913). Der Bourgeois. (In German).
- [3] Fromm, E. (1994). Escape from freedom. (In English).
- [4] Fromm, E. (1998). Psychoanalysis and Religion; the art of love; to have or to be? (In English).
- [5] Fromm, E. (1955). The Sane Society. A Fawcett Premier Book. Fawcett Publications, Inc., Greenwich, Conn. (In English).
- [6] Rismen, D. (1993). Nekotorye tipy kharaktera i obshchestvo. Sociological Studies, (3), pp. 121-129. (In Russian).
- [7] Inkel's, A. Natsional'nyy kharakter. (In Russian). Available at: http://national-mentalities.ru/history/istoriya/inkels_a_nacionalnyj_kharakter3/
- [8] Inkeles, A. (2000). Measuring Social Capital and Its Consequences. Policy Science, 33(33(3)), pp. 245-268. (In English). DOI: 10.1023/A:1004826703499
- [9] Ivanova, T. N., & Abryukova, M. A. (2016). Sotsial'nyy kharakter lichnosti v usloviyakh sovremennosti. Kontsept, 38, pp. 75-79. (In Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2016/56877.htm>
- [10] Sikorskiy, B. F. (2002). Natsional'nyy i sotsial'nyy kharakter v zhizni obshchestva i cheloveka: St. raznykh let. Moscow, 83 s. (In Russian).
- [11] Tolkach, A. A. (2018). Social character of modern student youth in the context of psychology of generations. Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly, (18-3), pp.79-86. (In Russian).
- [12] Belyaeva, T. B. (2018). Sotsial'no-pertseptivnye aspekty mezhpokolennykh otnosheniy kak faktor psikhologicheskoy bezopasnosti. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti v izmenyayushchemsya sotsiуме. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Yaroslavl, pp. 39-44. (In Russian).
- [13] Maccoby, M. (2002). Toward a Science of Social Character. International Forum of Psychoanalysis, 11(1), pp. 33-44. (In English). DOI: 10.1080/080370602317353255
- [14] Shaykhislamov, R. B. (2005). Sotsiokul'turnaya sistema i lichnost' (teoretiko-metodologicheskii analiz). Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya Publ., (Ufa, Mig-Poligraf Publ.), 176 p. (In Russian).

- [15] Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R., Korovkina, N. V., & Sadretdinova, E. V. (2019). Social Character: Issues of Methodology and Research Methods. The Surgut State Pedagogical University Bulletin, (5(62)), pp. 233-244. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.022
- [16] Asadullina, G. R., Korovkina, N. V., Sadretinova, I. V., Shaykhislamov, R. B., & Hajrulina, N. G. (2020). Social Character: Issues of Methodology and Research Methods. Amazonia Investiga, 9(26), pp. 545-553. (In English). DOI: 10.34069/AI/2020.26.02.61

Получена / Submitted: 16/10/2021

Доработана / Revised: 30/11/2021

Принята к публикации / Accepted: 01/12/2021

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин
«Пресса по подписке»:
https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Подписано в печать 30.12.2021. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,28. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 500. Заказ № 2322.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.